

ТБИЛССИМО

роман в 16-ти песнях

Перевод песен с грузинского Д. Шакарашвили
Перевод из «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели –
П. Петренко

2001

**Александр Габришу
и его контрабасу
посвящается**

ОТ АВТОРА

В этой книге больше фантазии, чем реальности. Нет в ней и претензии на объективность. Напротив, она глубоко субъективна. От начала и до конца.

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

*Грузин, скорей берись за меч.
Прославиться пришла пора.
Пойдем без страха на врага.
Пусть в день победы нашей мы
обретем свободу...*

Люди медленно шли по пустыне.
Их скудные одежды разрывал
сильный встречный ветер, а следы
сразу заметало песком. Люди
удалялись в сторону горизонта...
И уже ничто не напоминало о том,
что они здесь проходили.

(Из собственного сна)

ГРУЗИНЫ КРИЧАЛИ. ГРУЗИНЫ КРИЧАЛИ: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГРУЗИЯ!» Грузины кричали, пытаясь своим криком убедить себя в том, что сегодня именно в их честь все вокруг покрывалось каким-то особенным, поистине торжественным и самым белым в их жизни снегом. А наступление долгожданного мира на этот раз, вопреки их прежнему опыту, казалось им естественным, неизбежным и окончательным. ГРУЗИНЫ КРИЧАЛИ, и других свидетельств того, что они действительно живы, сегодня не требовалось. За длинным праздничным столом, между облаченных в спящее серебро хребтов и долин, с щедростью наливалось и с не меньшей щедростью проливалось розовато-бархатное, будто разбавленная свежая кровь, молодое вино. ГРУЗИНЫ КРИЧАЛИ, и чистый искрящийся снег под их ногами, рядом с небрежно брошенным оружием, постепенно тоже становился розовым. Им хотелось, чтобы в такой великий для них день и земля по-настоящему пьянела вместе с ними. Грузины сегодня не жалели вина. Грузины сегодня навсегда прощались с надоевшей войной. ГРУЗИНЫ СЕГОДНЯ ЧТО БЫЛО СИЛ КРИЧАЛИ: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГРУЗИЯ!» Однако многоголосье было не просто живым радостным хором, а

здравица не звучала лишь формально красивым слогом. Возможно, впервые во всеуслышание объявлялось о законном – то ли до сих пор скрываемым природой, то ли вот только-только завоеванном вместе со свободой – праве народа на крик. Крик этот безрассудно вырывался из каждого грузинского горла, подобно отчаянному крику новорожденного. И наконец-то, вырвавшись, протяжно и надолго зависал в недоступном для него до сих пор пространстве. Сегодня он впервые провозглашал начало новой жизни. Сегодня он утверждал. Сегодня он утверждался. Хотя для любого наблюдателя со стороны все происходившее вокруг напоминало скорее всеобщий скорбный плач, нежели всеобщую радость. *Не всегда слезы умеют рассказать о причинах своего появления. Не всегда слезы умеют донести до зрителя свою правду. Не всегда даже самые искренние слезы умеют зрителя взволновать.* Грузин же это совершенно не смущало. Сегодня мнение посторонних их совсем не интересовало. Сегодня у них был не только особый день, но и особый настрой. Сегодня они были выше непонятных и, по большей части, презираемых ими чужих фантазий. Сегодня они предпочитали отдаваться исключительно собственным фантазиям. С полной ответственностью осознавая себя творцами собственной истории. Проще говоря, ТВОРЦАМИ ИСТОРИИ. Чувствуя уверенность абсолютно во всем. И, в первую очередь, в себе. Ничто не могло оступить их горячие головы. Никто не смел, да и не мог поколебать их решительность и устремленность к цели. Впрочем, никто не собирался навязывать грузинам ничего иного – переубедить их хоть в чем-то сегодня было попросту невозможно. Да и в чем их нужно было переубеждать? Грузины сегодня лишь напоминали миру о своем еще почти никем не замеченном существовании. Грузины сегодня всего лишь пытались взглянуть на мир широко открытыми, прозревшими глазами. ГРУЗИНЫ СЕГОДНЯ ВДОХНОВЕННО, НЕУСТАННО КРИЧАЛИ: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГРУЗИЯ!» И, конечно, всем своим словам верили. Ну разве имели они право сомневаться в том, в чем ни единым звуком не позволяло себе сомневаться их

оглушительное эхо? Разве мог хоть кто-нибудь из них в такой громоподобной атмосфере противопоставить нечто личное сплоченному порыву целой нации? Пусть чуть-чуть театральному, пусть чуть-чуть нереальному. Пусть даже чересчур театральному, нереальному и скоротечному. Разве мог хоть кто-нибудь из них в сию волнующую судьбоносную минуту осмелиться на иные, пусть даже тайные, эмоции? Ведь эмоции они считали истоком самой жизни, сутью всего божественного в человеке. А значит, и первым шагом любого его поступка. В том числе предательства. Предателей же грузины всегда наказывали без отсрочек и лирических отступлений, перед казнью прилюдно лишая их главного и последнего – права называться грузином. Поэтому с каждым из пребывавших друг друга тостов хор в заснеженных горах становился все воинственнее и громче. Звон бокалов – все настойчивее и резче. Крик стихийно переходил в надрывное глухое завывание и наоборот. Сегодня далеко не всегда податливая природа без сопротивления расступалась под наглым натиском неожиданно проснувшегося человека. Полностью, без оговорок, отдавая инициативу в его неограниченную власть. Сегодня она не совсем понимала, что же на самом деле вокруг происходит и почему. Хотя, скорее всего, она вряд ли стремилась что-то понять. Зачем? Стоит ли искать смысл там, где его может и не быть? Поэтому она предпочитала тихо молчать и ни в какие конфликты не ввязывалась. Ни собственно с ЧЕЛОВЕКОМ, ни с его ожившими вдруг инстинктами, ни с его слепым азартом, ни с его шумными, бравурными амбициями. Сегодня природа демонстративно отстранялась от всего сложного и дослабательного, что означало, не вникая в последствия, от всего ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО. И в общем, и в частности. Снимая с себя ответственность за чье-либо настоящее и, уж тем более, будущее. Превращаясь лишь в немого, безучастного, равнодушного свидетеля. Сегодня природа добровольно выбывала из его же когда-то предложенной игры. И делала это легко, утонченно, умело. Нет, она никого не бросала на произвол. Никем не пренебрегала. Она просто на время

уступала все пространство людям. Даря им шанс. Предоставляя возможность себя проявить. В чем именно? Да в чем угодно. В зависимости от их сиюминутных задумок, мотивов и причуд. В зависимости от наличия у них способностей-тантов. Короче говоря, на их личное усмотрение. И грузины не заставили себя долго ждать. Открытие следовали за открытием. Сегодня они торопились, словно боялись опоздать. Их не мучили сомнения. Сегодня они делали окончательный и, скорее всего, самый правильный выбор в своей жизни. Во всяком случае, так считали они сами. Во всяком случае, как им казалось, так считать должны были все, кто еще, кроме них, обитал на этом старом – нет-нет! – уже новом свете. Ничто их не останавливало. Не предлагало остыть, задуматься, передохнуть. А томное головокружение от мачари лишь усиливало приступ неимоверного счастья. Грузины, захлебываясь, размахивая руками, объяснялись в преданности родине. Грузины, невзирая на приличия, наперебой состязались в преданности родине. ГРУЗИНЫ ДО ПОТЕРИ ГОЛОСА И РАССУДКА КРИЧАЛИ: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГРУЗИЯ!» Они стремились любой ценой заглушить накопившиеся в их душах страдания и боль. Сегодня они были готовы простить всех своих врагов. И бывших, и настоящих, и даже будущих. Грузины знали, что только познавший горе способен возвыситься до истинной пощады. Сегодня впервые они этой высоты достигали. Сегодня они зримо эту высоту заслуживали. Грузины были наверху верхов. Весь мир попадал в поле их пристального внимания. Весь мир удостаивался их показательного прощения. Еще никогда прежде они не позволяли себе расточать великодушие, которое столь бережно хранили в себе веками. Сегодня они могли себе это позволить. Да, сегодня они могли очень многое себе позволить. Сегодня во что бы то ни стало они хотели стать другими. И сегодня всей нацией одновременно они становились другими. *Свобода – всегда эксперимент. Свобода – всегда опасный эксперимент. Свобода всегда делает людей такими, какими они еще никогда не были.* Однако им не дано знать заранее, какими они станут. Отчаянно борясь за свободу, они не допускают мысли, что

когда-то, спустя годы, их правота и убеждения могут быть оспорены, поставлены под вопрос. Что наяву их смелые надежды могут выглядеть совсем иначе, чем в мечтах, снах или бреде. Что свобода, помимо искреннего упоения и самодовольства, может принести с собой и не менее искренние разочарования. Давным-давно в теории и на практике подтверждено, что понятия «свобода» и «иллюзия» имеют много общего, почти родственного. Причем иногда настолько, что отличить их невозможно. Увы, не каждый способен с этим казусом смириться. Не у каждого хватает терпения, покаяния и прозорливости в этой путанице разобраться. Далеко не каждому удастся из этой переполненной парадоксами путаницы достойно и без потерь выбраться. Грузины пока ни на чем похожем не зацкливались – рановато. Грузины вовсю ликовали и хорохорились, наслаждаясь обрушившимся на них и на их плодородную землю праздником. ГРУЗИНЫ ПОКА ЛИШЬ ГРОМКО, ИНОГДА НАВЗРЫД, КРИЧАЛИ: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГРУЗИЯ!» Незаметно друг от друга они вытирали слезы, и трепетная благодарность переполняла их опустошенные долгим мучительным пленом сердца. Сбравшись в полном составе, выстроившись при полном параде, они все до единого тянулись к небу с поднятыми в дрожащих руках бокалами, отдавая заслуженную дань СЕВЬЫШНЕМУ. Помногу раз повторяясь и от волнения из раза в раз чуть запинаясь, они прославляли БОГА, они восхищались БОГОМ, они клялись в вечной рабской любви БОГУ. Сегодня их вера достигала точки кипения. Они знали: сегодня ОН обязательно услышит их голоса. Обязательно оценит их смиренность, покладистость и верность. Сегодня ОН обязательно согреет их души. Согреет больше обычного. Что бы они делали без НЕГО? И какими бы они были без НЕГО? И наступил бы их долгожданный день без НЕГО? Сегодня они хором могли утверждать, что их свобода – ЕГО праведная воля. Что их будущее – в ЕГО надежных руках. Сегодня, с БОЖЬЕГО благословения, перед ними открывалась не просто некая перспектива – величайшая эра. Пришло золотое время, и еще вчера немые, кроткие грузины ощутили

конкретный результат настойчивых молитв. Наконец их православная вера воплотилась в конкретную, осязаемую реальность. Сегодня обретало силу действительно их время. Сегодня пробил действительно их православный час. *Да, стоило непрестанно каяться темными ночами, чтобы увидеть светлый день. Стоило подолгу стоять на коленях перед образами, чтобы выпрямиться перед миром в полный рост.* БОГ – свидетель, стоило. Продолжавшийся бурный праздник был тому наглядным веским доказательством. Доказательством, какого до сих пор у них еще не было. Грузины от всего сердца опустошали бокал за бокалом. Грузины от всего сердца выражали свою необузданную любовь. ГРУЗИНЫ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА КРИЧАЛИ: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГРУЗИЯ!» Ведь они сегодня не только вписывали свое имя в ИСТОРИЮ, они признавали себя единственными счастливыми существами на планете. Принадлежавшей полностью только им одним. Потому что претендовать на крик сегодня не имел права больше никто. Потому что отныне и навсегда грузины решили зарезервировать эту календарную страницу за собой. Сколько раз они рисковали своими жизнями ради этого дня? Сколько раз ради него приносили в жертву свой покой и благополучие? А память о мучениках-предках? А жажда свободы, доставшаяся по наследству? Нет, этот день они уже не отдадут никому. Никому у них его не отнять. Если понадобится, они готовы опять взять в руки оружие и проливать кровь. И не только чужую. Они не будут бояться. Станут опять мстительными, жестокими, грозными. Но этот «красный» день навечно останется их монументальной СОБСТВЕННОСТЬЮ и запечатленной в анналах гордостью. Сегодня грузины устремились к самым вершинам. К своему историческому пику. Теперь наступал черед их сокрушительных и блистательных побед. Черед их яркого, с беспорядочной пальбой вверх, торжества. Они не сомневались: если у них уже появился свой НАСТОЯЩИЙ ПРАЗДНИК, значит, когда-нибудь появится и своя НАСТОЯЩАЯ УЛИЦА. Если же у них будет своя НАСТОЯЩАЯ УЛИЦА, значит, когда-нибудь

появится и свой НАСТОЯЩИЙ ГОРОД. А там, глядишь, и целая НАСТОЯЩАЯ СТРАНА! С гербом, знаменем и гимном. Разве они могли об этом не мечтать? Тем более что право на мечту, как и право на крик, с сегодняшнего дня также становилось для них всенародно принятым законом. До остальных законов – и важных, и не очень – очередь когда-нибудь тоже дойдет, но позже. Сегодня им было не до мелочей и пустяков. Сегодня решалась судьба только всего НАСТОЯЩЕГО. Сегодня они сами принимали себя за НАСТОЯЩИХ и на меньшее уже не соглашались. Итак, ПРЕЛЮДИЯ СОСТОЯЛАСЬ. Веселье стремительно набирало скорость и мощь. Веселье на ура преодолевало любые препятствия и границы. Без права на остановку, корректировку лозунгов или обратный ход. С надеждой на райскую бесконечность. Никогда это небо и эти горы еще не видели столько сияющих лиц сразу. Никогда они еще не видели столько обнимающихся тел. Казалось, будто люди дарят друг другу восторженную сладость и огонь, которых прежде не знали. Будто они не целовались все свое прошлое. Бокал за бокалом – и они еще пуще убеждались в абсолютной правильности своих добрых помыслов и страстных умыслов. Не переставая наливать и проливать, животворящее вино вдохновляло их на новые жаркие объятия и поцелуи, открывало второе дыхание, рождало неведомые чувства. Вино превращалось в кровь. Кипучая кровь превращалась в энергию. А густо гудевший хор превращался в вечный звуковой двигатель. Грузин правда было не остановить. Грузины под страхом смерти не хотели возвращаться назад в горькие времена. Сегодня они пытались начать невиданную до сих пор, обреченную на зависть всем соседним нациям и соседним народам, жизнь. Сегодня, не дожидаясь окончания застолья, и, несмотря на грядущую тяжесть похмелья, они все вместе приступали к строительству своего нового, грандиозного будущего. ПО ЭТОМУ СЛАВНОМУ И СЕРЬЕЗНОМУ ПОВОДУ ГРУЗИНЫ СЕГОДНЯ КРИЧАЛИ. ПО ЭТОМУ СЛАВНОМУ И СЕРЬЕЗНОМУ ПОВОДУ ГРУЗИНЫ СЕГОДНЯ КРИЧАЛИ: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГРУЗИЯ!!!»

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

*Пою тебе, о, Тбилиси.
Ты – сердце Грузии моей.
Что о любви сказать еще?
Ведь ты и есть сама любовь...*

Если Вы попали в город, в котором способны сразу же забыть обо всех местах, где бывали ранее, теряется смысл двигаться дальше. Остановитесь.

(Из собственного опыта)

Так, спустя много лет после того знаменательного, вошедшего во все летописи праздника, на свет появился город-ребенок. Город, которому впоследствии суждено будет стать и городом-воином, и городом-лицедеем, и городом-символом, и городом-столицей. Город, который на протяжении всей своей истории будет воплощением разных человеческих характеров. Город, который станет одновременно и образцом, и образом национального характера. Город, о котором его ревнивые и преданные жители из поколения в поколение не устанут повторять: «ТБИЛИСИ – ГОРОД С ХАРАКТЕРОМ. ТБИЛИСИ – ГОРОД С ИСТИННО ГРУЗИНСКИМ ХАРАКТЕРОМ». Впрочем, простым, банальным он никогда не был. Такая уж у него аура и генетическая завкаса. Одни считали его подтянутым, достойным, но непомерно своеобразным. Другие – бескорыстным, но болезненно вспыльчивым. Третьи – по-отечески, с верой хранящим патриархальные традиции, но неуравновешенным, хвастливым, чересчур запутанным. Самые вьедливые и подозрительные судьи восторгались его врожденным задором, хотя иногда сами же боялись его лихости, а точнее, непредсказуемости. Не всегда понятным Тбилиси выглядел не только перед посторонним миром, а бывало, и в глазах собственного городского обывателя. Однако тайное в любой интриге рано или поздно всплывает наружу, поэтому *post factum* выяснялось, что вся его барская

загадочность подчас не имела многозначительного подтекста, как не имела и серьезных последствий, оказываясь что ни на есть самой ОБЫКНОВЕННОЙ ИГРОЙ. В меру художественной. В меру драматичной. В меру стеснительной, хотя иногда искристой. В меру претенциозной. В меру слезливой. То есть в полную меру остро сюжетной. То есть в полную меру классической пьесой. В полную меру спектаклем. В котором на равных присутствовали элементы высокого и простонародного. На обязательном фоне всеобщего геройства. С положенным триединством времени, места и действия. Но ни зрителей, ни основного персонажа совершенно не интересовало, чего в этом спектакле было больше: врожденного снобистского самолюбования или увлекательного, правда, порой и пустоватого азарта. С какой целью и кем был он поставлен? Для кого игрался в первую очередь? *Театр во имя себя – главный девиз грузинского характера. Театр для себя – его главная черта.* Несмотря на то, что жизнь в Тбилиси вряд ли сильно отличалась от жизни в других городах, здесь все-таки она прожилась несколько по-особому. По-особому патриотично. По-особому весело. По-особому столично. По-особому противоречиво. По-особому смешно и иронично. По-особому самокритично. По-особому сентиментально. По-особому простодушно. По-особому обласкательно. По-особому оптимистично. По-особому электично. По-особому чистосердечно. По-особому глупо и цинично. По-особому живописно. По-особому пессимистично. По-особому пристрастно. По-особому прекрасно. По-особому эгоистично. По-особому нравоучительно. По-особому умно. По-особому заумно. По-особому экстравагантно. По-особому фатально. По-особому трагично. Даже по-особому абсурдно. Конечно, все происходило в рамках «демосовских» законов, хотя и не всегда вписывалось в главы учебников. По правилам, уже давно придуманным другими народами и другими не менее причудливыми затейниками-режиссерами, но своеобразно и вызывающе интерпретированным на свой национальный манер и вкус. Звезжие любители экзотики и путешествий были уверены, что подобное они никогда прежде

не только не видели, но и о подобном сроду не слышали. Тут они всегда находили, чему удивляться и кому до ушей улыбаться. Потому что тут все лежало на поверхности. Предложение независимо от времени года и погоды превышало спрос. Предложение своим рабованием и наивностью в глазах умудрялось даже повышать спрос. Зачастую иностранцы так и ходили по городу, разинув рот. А неожиданности и сюрпризы в любое время дня и ночи, не переставая, били ключом из неисчерпаемого источника. Разве могли они Тбилиси с кем-то или с чем-то перепутать? Разве могли они его с кем-то или с чем-то сравнить? Разве могли они предположить, что на белом свете существует еще один столь разнохарактерный, столь изнеженный и ранимый, столь обидчивый и на самом деле ни на кого не похожий город? ТБИЛИСИ – ГОРОД С ХАРАКТЕРОМ. ТБИЛИСИ – ГОРОД С ИСТИННО ГРУЗИНСКИМ ХАРАКТЕРОМ. Города рождаются, чтобы быть верой и властью для всех своих обитателей. Тбилиси в этом смысле не был исключением и без всякого промедления, резво взялся за исполнение своих непосредственных обязанностей. Он за короткий срок сумел объединить вокруг себя нацию. Хотя, вернее, нация сама накрепко сплотилась вокруг него. Он стал примером личного мужества и храбрости для каждого ее воина. Хотя, вернее, нация сама решительно встала на пути всех его многочисленных неприятелей. Он был первым, кто не только заботливо, но и с холодным рассудком задумался о ее будущем. Хотя, вернее, нация сама, не сомневаясь, отдала свое будущее в его руки. Город сразу осознал свое одобренное БОГОМ привилегированное положение. И принялся прокладывать прямую дорогу к пьедесталу. Город укреплялся и надежно становился на ноги. Он быстро обрел замашки и повадки ОБЛАСКАННОГО НЕБЕСАМИ ГОРОДА. Но еще стремительнее обростал всевозможными небылицами и легендами. Которые бережно, слово в слово, передавались из уст в уста. Ему посвящались стихи и песни. Которые стоя сладко пел всенародный хор. Когда легенд, песен и стихов вдруг не хватало, выдумывались новые. Выдумывались новые

и новые. Выдумывались новые, новые и новые. Превращая сам город параллельно и в легенду, и в песню, и в поэзию. *Фантазия – неисчерпаемый кладёз грузинского характера. Фантазия без границ – его стремление слиться воедино с ирреальным миром.* Окончательно утвердив свой авторитет, Тбилиси скоро превратился не только в ГЛАВНЫЙ БАСТИОН НАЦИИ. Он стал зеркальным отражением как всех ее достоинств, так и всех болевых точек – ее избыточной впечатлительности, ее похожих на сказки заблуждений, ее частых нервных потрясений, ее неисправимых слабостей и замаскированных под святую простоту хитростей. Ему приписывались почти все ее победы, но ему пришлось научиться признаваться и во всех ее поражениях. Будучи главным действующим лицом ее настоящего, он становился ответственным и за ее бесконечное будущее. Если у народа, как у любого живого организма, может быть единое общее сердце, то у грузин, без сомнения, оно учащено билось о высокие каменистые берега извечно ледяной Мтквари – главной реки главного города нации. *Единое общее сердце на множество разных характеров. Единое общее сердце, способное все эти характеры объединить.* С возрастом, как и подобает ЛИЧНОСТИ, город менялся. И внешне, и, прежде всего, внутренне. Независимо от объективных исторических процессов и от занимаемого в них места. Периодически появлялись неожиданные новые маски – взамен отживших, устаревших, ненужных. Постепенно, незаметно для себя и своих законопослушных граждан, некогда скромный город перевоплотился в строгого повелителя. Потом – столь же незаметно – в жесткого, бескомпромиссного повелителя. Потом – просто в ПОВЕЛИТЕЛЯ. Потом – без лишнего шума окончательно и на все времена взошел на позолоченный престол царя всех грузин. К давно запротоколированной в летописях самовлюбленности, добродушью и сумасбродности добавились непривычная пренебрежительность, тихая скрытность, высокомерие, а случалось, чего греха таить, и неоправданная жестокость. Отчего непонятности и мудрости в его поведении стало еще больше. Шансов же

разобраться, что с городом, в городе и вокруг него реально происходит, соответственно меньше. Но верные граждане старались не обращать на то особого внимания. Большинство из них даже в мыслях не смели покушаться на абсолютный авторитет города. Ведь так они могли подорвать его и свои силы в борьбе с внешними врагами, которых у грузин было предостаточно во все времена. А там, глядишь, и до предательства рукой подать. Поэтому любой инициативе они, не задумываясь, предпочитали движение по инерции. Любому малейшему колебанию – непротивление и терпение. Они никогда не замечали того, чего не хотели замечать. Они умели быть по-настоящему слепыми и, при желании, были ими. Они панически боялись разочарований, точнее, отрезвлений, и делали все невозможно-возможное, чтобы избежать их. ОНИ ИСКРЕННЕ ХОТЕЛИ ЛИШЬ ОДНОГО: ЛЮБИТЬ ЕГО И БЫТЬ ЛЮБИМЫМИ ИМ. Будь то ценой боли. Будь то ценой мучений. Будь то ценой жертв и обид. То есть любой ценой. Они знали, что все злое – временно, и оно обязательно уйдет, а все доброе – вечно, и оно во что бы то ни стало вернется. Именно этому их веками учили благоразумные, сметливые предки. И, в конце концов, научили. Несмотря на время, лучшие их качества не потеряли своей силы и актуальности. Грузины всей нацией верили в торжество справедливости. Грузины всей нацией молились за торжество взаимности. Они были уверены, что их надежда никогда не умрет. Что она не умрет даже последней из последних. В совершенстве овладев нелегким искусством всепрощения, они не переставали обожать свой город, отдавая себя без остатка, оправдывая его практически во всем без исключений. Они по любому поводу ему угрождали и никогда этого не стеснялись. Потому что, несмотря ни на что, Тбилиси оставался в их быстро разрастающейся семье любимым ребенком. Ребенком-символом. Ребенком-праздником. Ребенком-наследником. Продолжателем рода каждого из них. *Наивность всегда присутствовала в душах грузин. Наивность всегда определяла отношение грузин ко всему действительному.* Их наглядный пример всегда невольно приводил к одному неоспоримому

выводу: каждая нация заслуживает такие города, какие она строит. Даже если этого не осознает. Даже если не понимает, почему она строит так, а не иначе. Грузины свой город заслужили. Грузины свой город построили. Подарив ему не только жизнь, но и щедро поделившись с ним характером. ТБИЛИСИ – ГОРОД С ХАРАКТЕРОМ. ТБИЛИСИ – ГОРОД С ИСТИННО ГРУЗИНСКИМ ХАРАКТЕРОМ. Да, Тбилиси никогда не страдал от недостатка любви. Его любили все. До сих пор никто, кроме откровенно подлых врагов, даже и не пытался опровергать эту объективность вслух. Никто, кроме злобных фанатов, не решался возражать по сему поводу, во всяком случае, публично. Тбилиси же умел грамотно этим пользоваться. Он умел с выгодой для себя этой дареной любовью распорядиться и ни от кого ничего не скрывал. Он знал, что независимо от происходящих в его характере колебаний и перемен, отношение к нему все равно останется на века прежним. Он знал, что пока не родился на свет тот выскочка-безумец, кто мог бы такое отношение погубить. И то была не просто уверенность в себе и в своих силах. Это была САМОУВЕРЕННОСТЬ высшей звездно-небесной пробы, которой он изо дня в день кичился, которую все вокруг от мала до велика воспевали и которой ничто изнутри грузинского мира не угрожало. САМОУВЕРЕННОСТЬ давно стала частью его царственного сознания, на равных и без помех уживаясь с его не менее царственными разумом, совестью и эмоциями. САМОУВЕРЕННОСТЬ прочно срослась с его харизмой и образом. Делая его, как ему казалось, еще сильнее, еще величественнее, еще недостижимее. Причем он ничуть не сомневался, что только ему и никому другому дано право чувствовать себя свободным в прямом и полном смысле слова. А это в его понимании означало всегда быть до капризности разным – разным, очень разным и самым разным. Порой до неузнаваемости преображенным, противоречивым и необъяснимым. Естественным, противоестественным и, вообще, каким только заблагорассудится. Находилось столь ОСОБОЕ, НЕВЕТИРУЕМОЕ ПРАВО в ведении исключительно его себялюбия и его неограниченной власти.

Принадлежало исключительно его исторической реальности. Как принадлежал ему и весь строивший город грузинский народ, со своим прошлым, настоящим и будущим. Тбилиси знал, как нужно крепить боевой дух нации. Как ею руководить. Как воспитывать. Знал, как нужно поддерживать и сохранять вылепленный из него образ главной национальной добродетели. *Герой при жизни – больше чем герой. Герой-грузин при жизни – больше чем грузин.* Да, Тбилиси знал, что нужно делать, чтобы его любили и не переставали любить. Чтобы его любили все, до последнего грузина. И во имя. И вопреки. Он как никто другой знал, что нужно для этого делать, и, не раздумывая, делал. На это у него хватало желания и советчиков. На это у него хватало фантазии и характера. ТБИЛИСИ – ГОРОД С ФАНТАЗИЕЙ. ТБИЛИСИ – ГОРОД С ХАРАКТЕРОМ. ТБИЛИСИ – ГОРОД С ИСТИННО ГРУЗИНСКИМ ХАРАКТЕРОМ.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

*Как прекрасна жизнь,
Которая ждет меня за порогом
дома.
Как удивительно все,
Что открывается моему взору.
Я не перестаю радоваться этому
миру.
И мир не перестает радоваться
мне...*

Деревья, наверное, когда-то тоже
были людьми. Жаль, что нельзя
узнать – какими?
(Из чужих мыслей)

ЧЕЛОВЕК СТОЯЛ ЛИЦОМ К ПОКРЫТЫМ СНЕГОМ
ВЕРШИНАМ. ЧЕЛОВЕК СТОЯЛ СПИНОЙ К СВОЕМУ
НАСТЕЖЬ ОТКРЫТОМУ ДОМУ. ЧЕЛОВЕК СТОЯЛ УЖЕ
НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ПОСРЕДИ МАЛЕНЬКОГО
ТБИЛИССКОГО ДВОРА. *Человек просто стоял и просто*

смотрел. Не думая ни о чем важном, он просто радовался ясному дню после продолжительного ненастья. Наконец человек дождался тепла, которому было под силу согреть и промокшую насквозь землю, и его уставшее от холода тело, и его душу. Он стоял, словно застыл в блаженстве. Словно поддался солнечному гипнозу. Невозможно было в эту минуту его отвлечь или спровоцировать на резкое движение. Не оторвать было взгляда. Казалось, человек замер навечно. Переполненный волшебством, счастьем и благодарностью. Больше двух недель занудный дождь и тучи вводили его в заблуждение. Больше двух недель они скрывали от него то, что по праву принадлежало и ему в том числе. И вот, правосудие свершилось – вопреки еще вчерашнему неверию и мраку, все вернулось на свои законные места. С БОЖЬЕЙ помощью непогода, хандра и застоялая серость отступили в небытие. Пространство, избавившись от навязанных ему границ, сразу и надолго восстановило былой размах и яркость. МИР ПРИШЕЛ В СОЗНАНИЕ. МИР ВНОВЬ ПРЕДСТАЛ ЩЕДРЫМ НА КРАСКИ И ЧУВСТВА. ЧЕЛОВЕК ТОРЖЕСТВОВАЛ. Как же он соскучился по всему живому! Как ему надоело все однотонно скорбное! Теперь можно было перевести дух. Не выскивать надежду в разных приметах. Не озираться по сторонам. Не беспокоить лишний раз ВСЕВЫШНЕГО. Его сердце больше не kloкотало в тревожно-учащенной ритмии, и он с самого утра напроць забыл обо всех недомоганиях. Он стоял лицом к лицу с природой. Как и прежде становясь ее органичной частью – не визави. Вдоволь наслаждаясь теплом, светом и запахом свежести. Сегодня ему действительно повезло. Сегодня он каждым своим намерением, каждым своим помыслом и нервом принадлежал вот этим горам, небу, солнцу. Ощущал себя здравствующим живым существом, способным по-детски удивляться и любить. ОТ РАДОСТИ ЕМУ ХОТЕЛОСЬ ВЗОБРАТЬСЯ НА САМУЮ ВЫСОКУЮ ИЗ ВЕРШИН И ОГЛЯДЕТЬ ВЕСЬ МИР. НО ЕЩЕ СИЛЬНЕЕ ЕМУ ХОТЕЛОСЬ ЕГО ОБНЯТЬ. Как единственного друга. Как близкого родственника. После долгой разлуки. Сегодня человек вновь почувствовал силу, о которой давно не

вспоминал. Сегодня он бросал вызов прожитым годам. Мелькнула даже неосознанная мысль, будто его жизнь вот только начинается. Будто тянуться ей нескончаемую вечность. Будто вечность наверняка и есть сама жизнь. Может, сегодняшний день был для человека интересен чем-нибудь еще? Или он ждал от него чего-то ценного, серьезного, полезного? Вряд ли. Об этом дне он не знал ничего. Кроме того, что сегодня было обыкновенное, мало чем примечательное воскресенье. И что сегодня наступал очередной, ни на что не претендующий апрель. Знал из календаря, который уже на протяжении многих лет вел собственноручно и без права на прогул. Подобно прилежному церковному писарю. Однако, даже зная точное число и год, он по привычке не обращал на них внимания. Записи записями, а засорять память ни к чему. Поэтому, если соседи иногда спрашивали, какой сегодня день по письменному календарю, он, прежде чем ответить, направлялся в дом, чтобы для уверенности заглянуть в свою тетрадь. То есть в самую последнюю из всех своих набитых цифрами тетрадей. Чтобы найти в ней самую последнюю строчку – выведенную накануне, поздно вечером. Случалось это обычно по причине чьей-нибудь внезапной смерти или в дни рождений. И совсем редко по какому-то другому, менее серьезному поводу. Без таких же горе-счастливых поводов календарь этот переставал быть полноценным временем и превращался в сугубо личное, ни к чему не обязывающее чудачество. ЧЕЛОВЕК СТОЯЛ ЛИЦОМ К ПОКРЫТЫМ СНЕГОМ ВЕРШИНАМ. ЧЕЛОВЕК СТОЯЛ СПИНОЙ К СВОЕМУ НАСТЕЖЬ ОТКРЫТОМУ ДОМУ. ЧЕЛОВЕК СТОЯЛ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ПОСРЕДИ МАЛЕНЬКОГО ТВИЛИССКОГО ДВОРА. *Человек просто стоял и просто смотрел. Перед ним выстроились в ряд горы. Над ним простиралось небо. Его баловало лучами солнце.* Сегодня городская жизнь отходила на задний план и человека не беспокоила. Сегодня она не имела отношения ни к его мирской реальности, ни к его воображению. И по-своему бренно суетилась только где-то там, внизу, у самой реки, пренебрегая отпущенным ГОСПОДОМ выходным днем. Тогда

как здесь, на одной из возвышенностей, в полудне неторопливой прогулки от напоминающей растраченный муравейник долины, городская окраина существовала в своем автономном режиме. Точнее, в своем независимом ни от кого настроении. Как всегда равнодушная ко всему, что происходит на чужой территории. По хрупкой тени от молодого абрикоса нетрудно было догадаться, что до полудня еще далеко. Однако все вокруг уже предлагало себя телу. И не издавало ни единого звука. Чтобы это тепло не спугнуть. Чтобы ненароком не лишиться себя наслаждения. Наверное, и на земле можно очутиться в эдемском саду. Когда по таинственному велению свыше разом теряют голос и неутомные соседские хозяйки, и такие же неутомные их многочисленные отпрыски, и уличные прохожие – любители поорать-пообщаться, и местные злобные дворовые псы. Плюс все остальные существа, предпочитающие выражать личные эмоции на повышенных тонах. ЧЕЛОВЕК БЫЛ ПОГЛОЩЕН ЭТОЙ ТИШИНОЙ. Он боязливо в нее вслушивался. Он не смел к ней прикоснуться. Вдруг то, что с ним происходит, окажется видением, сном. Вдруг его горы, его небо, его солнце бесследно исчезнут, жизнь вновь оступится и все безнадежно покатится вспять. Нет, он не вынес бы такого поворота – опять в холод, сумрак, дождь. Куда уж легче было навсегда застыть вместе с пространством. Или еще лучше – в нем раствориться. Лишь бы никогда не видеть его тусклым и жалким, как вчера. Лишь бы оно всегда восхищало так, как сегодня. БОГ услышал эту скромную мольбу человека. Не мог ОН после двух недель грусти отказать ему в радости. Не мог ОН после двух недель серости пожалеть для него яркого света. И чем выше поднималось солнце, тем меньше страхов и тревог витало в воздухе. Тем свободнее и слаще человеку дышалось. Тем сильнее, увереннее, беззаботнее он себя чувствовал. Сбывалось его единственное желание всех последних дней. И, кажется, одним счастливым мигом в его жизни становилось больше. Хотя тень от молодого абрикоса и пыталась по-своему перечить человеческому счастью. Только по ней можно было догадаться, что жизнь не стоит на месте, что какое-то

движение на земле все-таки происходит. ЧЕЛОВЕК СТОЯЛ ЛИЦОМ К ПОКРЫТЫМ СНЕГОМ ВЕРШИНАМ. ЧЕЛОВЕК СТОЯЛ СПИНОЙ К СВОЕМУ НАСТЕЖЬ ОТКРЫТОМУ ДОМУ. ЧЕЛОВЕК СТОЯЛ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ПОСРЕДИ МАЛЕНЬКОГО ТБИССКОГО ДВОРА. *Человек просто стоял и просто смотрел. Он был опять не одинок. Ему улыбался мир, и он улыбался миру в ответ.* Впрочем, сама природа давно не испытывала такого вдохновения. Стоило ей проявить чуть-чуть фантазии, как она тут же забыла о вчерашней меланхолии. Всего за одну ночь она вернулась к своему прежнему имиджу и снова излучала оптимизм. Всего за одну ночь она вновь пышно расцвела и помолодела. А вместе с привычной красотой к ней вернулось и прежнее величие. Похоже, природа сегодня нравилась не только человеку, но и себе самой. Ведь не случайно она выглядела столь спокойной, невозмутимой и, без сомнения, знающей себе цену. Что делало ее образ еще привлекательнее. Разве можно было отказать ей в комплименте? Разве можно было в очередной раз не признать ее поэтичность и совершенство? Сегодня у нее не было ни завистников, ни соперников. Сегодня никто не позволял себе посягать на безупречность ее стиля. Сегодня с ней не сравнилось бы даже искусство. Потому что В РОЛИ ИСКУССТВА СЕГОДНЯ ВЫСТУПАЛА САМА ПРИРОДА. ПРЕДЛАГАЯ ВНИМАНИЮ ВСЕХ СВОЙ БЕНЕФИС. Сочетание естественно-синего, естественно-белого, естественно-золотого – нет ничего божественнее сей полуденной палитры! Наверное, оттого все живое, обладающее даром речи, сегодня его потеряло. И здесь не было ничего удивительного. Сегодня природа, словно извиняясь за все прошедшие дни, играла лучшую из своих ролей. Сегодня природа требовала преклонения и максимального к себе внимания. СЕГОДНЯ ПРИРОДА УСТРАИВАЛА ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ В ТЕАТРЕ. СЕГОДНЯ ОНА ПРИГЛАШАЛА ВСЕХ. ВЕДЬ СВОИХ ЗРИТЕЛЕЙ ОНА ЗНАЛА В ЛИЦО, НАПЕРЕЧЕТ. Как подобает кумиру, у нее имелось превеликое множество поклонников. И ЧЕЛОВЕК – А КАК МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ – ОТНОСИЛСЯ К ИХ ЧИСЛУ. С

самого детства он помнил каждый узор, каждый изгиб родного пейзажа. Знал, в какое время дня они ярче освещены солнцем. Сколько лежало в горах снега, в зависимости от времени года. Когда начинался, когда заканчивался сход лавин. Человек на самом деле знал об этих горах все. Еще он знал, что они для него – все. Воплощение мощи, красоты, вечности. Воплощение воли, хладнокровия, мудрости. Воплощение стойкости, верности, строгости. Часть его сердца. Часть его тела. Часть его духа. Его сила и его слабость. Рядом с ними он появился на свет, рядом с ними и умрет. А после смерти обязательно превратится в камень, растение или ручей где-то у их подножия. Чтобы иметь возможность всегда на них смотреть. Чтобы жить с ними **ОДНОЙ ОБЩЕЙ ЖИЗНЬЮ**. И хотя горы, бывало, приносили людям беду, на его отношении к ним это никак не сказывалось. **РАЗВЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЧТО-НИБУДЬ ВЫШЕ ГОР? РАЗВЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЧТО-НИБУДЬ ВЫШЕ ЛЮБВИ К НИМ?** Сколько времени он стоял без движения, человек не помнил. Об этом он не задумывался. Так он мог стоять еще очень долго и, может быть, действительно застыл бы навсегда, если бы не легкий далекий гул, который неожиданно окружил его со всех сторон. В первые минуты человек даже не мог понять, что происходит. Но то была не галлюцинация. И с постепенным приближением гула, когда слух человека напрягся, а внимание обострилось, он вдруг сообразил. Ведь это было его любимое эхо. Эхо всемогущего человеческого хора. Чуть позже он смог расслышать и сам хор. Различив знакомые мелодии и знакомые голоса. Слов поначалу было не разобрать, но это значения не имело – все слова всех песен благодаря матери он знал наизусть. И с удовольствием стал мысленно повторять их вслед за хором. Правда, не совсем в такт. С едва заметным опозданием. С умышленно собственными интонациями и выражением. Даже когда мелодии были слышны ясно и отчетливо, человек все равно не менял ритм, продолжая повторять их по-своему. Ему нравилось как бы идти за ними по следу. Но при этом оставаясь невидимым. Расставляя собственные звуки препинания. Создавая собственный музыкальный синтаксис.

Давно человеческое пение не заполняло пространство столь сказочно и внушительно. Хотя внешне вокруг ничего не менялось. **ЧЕЛОВЕК** и **ПРИРОДА** смотрели друг на друга с тем же умилением, что и до появления хора. Только теперь исчезла тишина. И, скорее всего, исчезла безвозвратно. Однако об этом сейчас вряд ли кто-то жалел. Людей захватила музыка. На людей снизошла благодать. Песни тянулись одна за другой, без перерывов и аплодисментов. Независимо от того, были они торжественными, тоскливыми или веселыми. Но сегодня все они звучали живее и радостнее обычного. Должны же были люди показать горам, небу, солнцу, что с наступлением тепла они стали еще счастливее и еще добрее. Должны же они были от души поблагодарить **БОГА** за то, что сегодня они стали еще нещаднее к врагу и еще мужественнее. Все без исключения. Все вместе. Все одновременно. Да, сегодня люди наконец-то очнулись и поверили в приход весны. Которая в этом году к ним, увы, не торопилась. Которая в этом году без объяснения причин серьезно запаздывала. А они все так по ней соскучились. Они, люди, с таким нетерпением ее ждали. **ЧЕЛОВЕК СТОЯЛ ЛИЦОМ К ПОКРЫТЫМ СНЕГОМ ВЕРШИНАМ. ЧЕЛОВЕК СТОЯЛ СПИНОЙ К СВОЕМУ НАСТЕЖЬ ОТКРЫТОМУ ДОМУ. ЧЕЛОВЕК СТОЯЛ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ПОСРЕДИ МАЛЕНЬКОГО ТБИЛИССКОГО ДВОРА.** *Человек просто стоял и просто смотрел. Он очень любил слушать хор. Однако сам в нем никогда не участвовал. Человека звали Ираклий.*

ИРАКЛИЕМ ЕГО НАЗВАЛИ В ЧЕСТЬ ДЕДА ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ. ОН ЗНАЛ СОВЕРШЕННО ТОЧНО. В честь кого назвали деда, к сожалению, он мог только робко предполагать. Раньше в его присутствии об этом никто даже не вспоминал, сейчас же спросить было не у кого. Родителей не стало давным-давно, а других родственников **БОГ** ему не послал. И хотя в знаменитого деда он не вышел – оружия в руках никогда не держал, с заклятыми врагами не воевал, а о самопожертвенности соотечественников и беспощадности иноверцев слышал не более чем из случайных рассказов – все равно именем своим он гордился. Ведь оно

перешло к нему законно, по наследству. Оставшись навсегда тем главным и, увы, единственным, что напоминало о прямой кровной связи с дерзким и доблестным предком. Редко кто в Тбилиси не знал Ираклия в лицо. Редко кто в Тбилиси не знал, где находится его дом. Потому что трудно было отыскать грузина, до которого не дошла бы молва о невероятных геройствах и славе его родного деда. Великая история неподвластна опровержениям. Народное восприятие не имеет срока давности. Когда особо льстивые, а значит, и говорливые знакомые встречали Ираклия на улице, они приветствовали его не иначе, как ДОРОГОГО ВНУКА ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ! И старались произносить столь длинное обращение всегда нарочито размеренно, с расстановкой. Сопровождая сие восклицание крепкими и продолжительными объятиями. Разыгрывая на глазах у остальных прохожих одну и ту же, превратившуюся уже в традицию, мизансцену. Однако несмотря на показную почтительность и дословно вызубренное красноречие, подобное обращение не оставляло его безразличным. Он всякий раз испытывал душевный подъем и даже некое величие. В ТАКИЕ МИНУТЫ ИРАКЛИЙ МЫСЛЕННО СТАНОВИЛСЯ ВО ГЛАВЕ ВСЕГО СВОЕГО РОДА. ОЩУЩАЯ СЕБЯ ИСТЫМ ГРУЗИНОМ. ПРЕДСТАВЛЯЯ СЕБЯ ПОЧТИ НАЦИОНАЛЬНЫМ ГЕРОЕМ. Он делал вид, будто не замечает не только саму лесть как таковую, но вместе с ней не замечает и неискреннюю улыбку, которая эту лесть обрамляла. С одной стороны, он все же надеялся хоть на слово от чистого сердца. С другой – был уверен: своей воинственностью дед заслужил, чтобы грузины-потомки произносили его имя громко, во всеулышание. Так было везде. Так было всегда. При любом упоминании о ТОМ САМОМ ИРАКЛИИ он не мог, хотя, наверное, и не имел права реагировать по-другому. *Можно сомневаться в искренности отдельного человека, однако ошибиться в искренности всего народа невозможно.* ТАК СЧИТАЛ ИРАКЛИЙ. СЧИТАЛ И В ДУШЕ НИКОГДА СЕБЕ НЕ ВОЗРАЖАЛ. Постоянная уверенность в своей правоте была для него такой же естественной, как врожденная

способность ходить, дышать или прислушиваться к ветру и дождю. Не в его обычаях было вести себя по-разному в одинаковых ситуациях. Не в его характере было думать и говорить о ком-либо то, что могло не соответствовать ЕГО личной истине. Особенно, если это напрямую касалось чего-то подозрительного и предосудительного. Особенно, когда речь шла о людях, которых он знал в лицо. К чужому чувству собственного достоинства Ираклий относился с не меньшим уважением, чем к своему. Он предпочитал совсем не думать о человеке, нежели думать о нем плохо, и – не дай БОГ – незаслуженно плохо. Зачем рисковать, беря неоправданный грех на душу? Ведь по-настоящему беспристрастным и справедливым можно быть лишь по отношению к самому себе. Поэтому он никогда никого не обвинял, не осуждал и не осуждал. А категоричность и сенсационность «новостей по секрету», в большинстве случаев, считал либо необдуманной шуткой, либо чьим-то, наоборот, обдуманным зловредным преувеличением. Точнее, порождением раскрепощенной ГРУЗИНСКОЙ ФАНТАЗИИ – богатой на серьезность и несерьезность одновременно. К тому же, Ираклий часто стал замечать, что люди на самом деле намного лучше и добрее, чем их высказывания друг о друге. По причине этого странного противоречия он не доверял сплетням-слухам-пересудам и никогда не принимал их за чистую монету. Не делился «новостью» за «новость» и отказывался от роли арбитра в вынесенных улицей «приговорах». Похожим образом – независимо от чужих суждений и недомолвок – вольный грузин принимал и все важнейшие для себя решения. Уповая исключительно на собственную веру, интуицию и дух, ни разу его не подводивших и не вынуждавших впоследствии изгнать исподлбых встречных взглядов, стыдливо краснеть, сомневаться, обижаться и сожалеть. ТАК СЧИТАЛ ИРАКЛИЙ. ЧТО ОЗНАЧАЛО: СЧИТАЛ, СЧИТАЕТ И ВПРЕДЬ БУДЕТ ТАК СЧИТАТЬ. *Разве достойно сильного человека вступать в противоречия с собой? Уже в самой постановке этого вопроса, которым он время от времени себя философически подбадривал, содержался вполне определенный ответ.* Любые

другие варианты ответов, разумеется, изначально отпадали. ИРАКЛИЕМ ЕГО НАЗВАЛИ ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ ЛЕТ НАЗАД. И ЭТО ОН ЗНАЛ СОВЕРШЕННО ТОЧНО. Через четыре дня, согласно его письменному календарю, у него был день рождения. День, который он всегда проводил, не выходя за пределы своего двора. И, как правило, в тиши и одиночестве. Да, в одиночестве, но отнюдь не в тоске. Иракий с молодости превратил все праздники в личную неприкосновенность. По привычке, словно по указанию свыше, сознательно отгородившись от всеобщего веселья, забав и соседской назойливости. Радуясь только своим светлым мыслям и светлым чувствам. Наслаждаясь молчаливым поднятием одного-единственного бокала. Однако искать вескую подоплеку сей диковато выглядящей со стороны традиции было делом пустым. Ну не любил капризный Иракий принимать поздравления – и не более того. Ни от кого. Ни по какому поводу и ни в какой форме. Может быть, потому, что их нужно было подолгу и терпеливо выслушивать. Может быть, потому, что они казались ему до смешного одинаковыми. А может быть, и потому, что на каждое из них следовало отвечать столь же пафосно и серьезно. Впрочем, он сам не знал почему. Раздражало все понемногу. Особенно это касалось бесчисленных клятв в дружбе и признаний в любви. Неужели можно было воспринимать всех гостей всерьез, всем по очереди верить? Не говоря уже о высоких претензиях, точнее, требованиях на взаимность. И хотя Иракий понимал, что это только обязательный праздничный ритуал, тем не менее не лежала его душа к заученным церемониям. Не испытывал он ни уважения к этой скуке, ни желания в ней участвовать. Видя в ее навязчивости посягательство на свою свободу. А заодно и на свою, не терпящую насилия, фантазию. Поэтому готовность к самозащите он считал как необходимой, так и оправданной. Независимо от напыщенной значимости праздника и собственного к нему отношения. Бывало, если кто-нибудь при встрече интересовался, когда у батони, то есть у господина Иракия день рождения, он сходу, на едином дыхании и без запинки отшучивался фразами типа: не

поверите, но не помню – каждый год по-разному. Или: пора уже к смерти готовиться – чего сейчас о рождении вспоминать. Мало кто осмеливался серьезно возразить. Даже самые напористые беспомощно разводили руками. Даже самые любопытные отставали. Все знали, лишними вопросами этого человека лучше не беспокоить. Все, что относилось к нему конкретно, он на раз отражал импровизированной насмешкой. Никогда надолго не задерживая взгляда на собеседнике. А зачастую даже не задумываясь над тем, обижались на него или заранее прощали. Никому и в голову не приходило, что эта язвительная ирония была отголоском его внутреннего страха. Если сказать – перед людьми, это было бы явным преувеличением. Скорее – перед незвано-званными гостями. Со всеми их восторгами, погутами на оригинальность, вечной жадной пиршества и отсутствием чувства меры. Со всеми возникающими в этой связи драматичными нелепостями и неловкостями. *Природная готовность веселиться отнюдь не означает умения праздновать. Праздников для всех не бывает. БОГ дарит их каждому человеку в отдельности.* ТАК СЧИТАЛ ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ. СЧИТАЛ, НО ВСЛУХ ЭТИХ МЫСЛЕЙ НЕ ПРОИЗНОСИЛ. Не всегда у него было желание с кем-то спорить, ведь ждать понимания от окружающих ему не приходилось. Однако при любом развитии событий он оказывался вне игры. И это его устраивало. Именно этого он и добивался. За счет же чего, значения не имело. Случалось, отчасти везло. Случалось, «противник» сам помогал. БОЛЬШИНСТВО ВСЕГДА СЛЕДУЕТ ЗАКОНАМ БОЛЬШИНСТВА. ОНО НЕ ПРИЗНАЕТ ОДИНОЧЕК. ДАЖЕ С АВТОРИТЕТОМ ПОТОМКА НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ. Расставались обычно без «потерь» – каждый при своем. Иракий умел беречь силы. Иракий чаще брал «противника» миром. Предпочитая душевный покой и молчание. Молчание, подтверждавшее его правоту. В то же время, сохранявшее непоколебимой репутацию ВНУКА ВЕЛИКОГО ДЕДА. А это было не менее ценно и свято, чем маленькая икона СВЯТОГО ГЕОРГИЯ, висевшая над широкой кроватью с незапамятных времен.

ИРАКЛИЕМ ЕГО НАЗВАЛИ В ДОМЕ, В КОТОРОМ ОН ЖИЛ ПО СЕЙ ДЕНЬ. И ЭТО ОН ЗНАЛ СОВЕРШЕННО ТОЧНО. Знал еще из давних рассказов матери о его крещении. Знал и был счастлив от того, что всю свою жизнь провел в родных стенах и никогда им не изменял. Что для него означало – никогда не изменял самому себе. Дорожа в отцовом доме буквально каждым предметом, каждой мелочью, каждой ночной тенью. Бережно храня в нем не только порядок и обстановку, но и главное – память: способность реально видеть и слышать все, что когда-либо здесь происходило. Значения не имело, был ли он тому свидетелем сам или представлял происходившее со слов немногословных родителей. У ИРАКЛИЯ БЫЛО ОСОБОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВРЕМЕНИ. У ИРАКЛИЯ БЫЛИ НЕПРИМИРИМЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ВРЕМЕНЕМ. НЕ ВСЕГДА ИРАКЛИЙ ШЕЛ У ВРЕМЕНИ НА ПОВОДУ. Новые вещи в его доме редко появлялись. А многие старые, чудом уцелевшие, находились на своих местах пожизненно. Хозяин не отживался на перемены. Он был уверен: у каждого угла и стены свое право на собственность. Не он устанавливал эту «старомодность», не ему ее и нарушать. Относилось это, в первую очередь, к образам, мебели, единственному гобелену и двум квадратным холстам без рам – понурым горным пейзажам в зелено-черных тонах неизвестного происхождения. Лишь глиняные горшки на подоконниках чувствовали себя посвободнее. Так как лишь они периодически менялись между собой местами и, на удивление, никогда не разбивались. Когда Ираклий отвлекался от забот и присаживался отдохнуть, он сам становился частью этой обстановки. А все пространство вокруг сразу заполнялось эхом родительских голосов. Он мог часами поседать, уставившись в одну точку. Он мог подолгу рассматривать закопченный свечами потолок. Принадлежа только воспоминаниям. Полностью забыв о существовании своего тела. Тогда как сознание его – **ГЛАВНОЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО В ДОМЕ** – оживало, беспрепятственно перемещаясь по темным комнатам, с легкостью превращая прошлое в настоящее. Оно даже научилось превращать прошлое в

27

будущее. Обычно для этого стоило просто закрыть глаза. И так же просто их долго не открывать. *Все, что его душу не волновало, в его мир не проникало. Все, что в его мир не проникало, оставалось для него чуждым.* Ираклий привык жить в своем замкнутом кругу, и вход в него новым людям и новым чувствам был наглухо закрыт. Ираклий всячески избегал появления новых впечатлений и новых тревог. Он считал, что в его годы они ему не нужны. Хватило бы сил удержать в памяти уже прожитое. Успеть хотя бы в нем разобраться. Кто знает, сколько времени осталось в запасе? Где она, граница земного бытия? И как далеко до нее? Смерть любит заставать врасплох. Если на фоне гор, неба и солнца жизнь всегда казалась ему вечной, то в загробной тишине дома он довольно часто ощущал себя на пороге ее неизбежного конца. *Страх умереть есть на самом деле страх потерять память. Ведь память – это единственное, чем человек обладает по праву. ТАК СЧИТАЛ ИРАКЛИЙ. ТАК СЧИТАЛ ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ.*

При всем тяготении к одиночеству были у Ираклия две привязанности – друг детства Леван, живший на той же улице, но только в конце крутого спуска, у реки. И – контрабас. Настоящий контрабас, с четырьмя струнами и смычком, случайно выменянный за два мешка муки еще его отцом на тбилиском базаре у подвыпившего не местного торговца. Вот им-то двоим и доверила судьба роль духовных родственников Ираклия. Именно их она удостоила его любви и преданности. Зная наперед, что те с благодарностью ответят ему взаимностью. Счастливых тому подтверждений в жизни будет не сосчитать. Леван появлялся у своего друга – кроме праздников, которые проводил дома, за семейным столом – по обыкновению после захода солнца. Покончив с делами и забыв о суете, можно было спокойно посидеть, пощмаковать без закуски терпкое вино, обсудить последние городские известия, иногда даже порассуждать о БОГЕ или бессмертии души. И, конечно, замерев, послушать музыку, исполнявшуюся на большом загадочном инструменте, как считал Леван, специально для него. Вслух об этом не объявлялось ни разу, но

28

скорее всего именно так и следовало понимать. Поскольку случайных слушателей, будто по обоюдному молчаливому согласию, в доме ни под каким предлогом не бывало. Да и откуда они могли появиться? Ираклий никогда никого не приглашал. Леван никогда никого не приводил. А тех, кто пытался напроситься самовольно, ждало разочарование. Хозяин слыл известным мастером отговорок. Причину он всегда находил, и выглядела она вроде бы убедительно. Хотя серьезно убедить кого-то вряд ли могла. Вся округа знала, что характер у батони Ираклия непредсказуемый и сложный. Что человек он, мягко говоря, странный. Что переделать его нельзя, как нельзя его заново родить. Немногим от него, в глазах соседей, отличался и Леван. Обижались на них люди. Но ни того, ни другого это особо не волновало. Чужая жизнь была для них реально чужой. Даже ходить по гостям они не любили, относясь к разного рода компаниям если не с пренебрежением, то уж точно с безразличием. И прежде всего к многолюдным. По какому бы поводу народ ни собирался. Их даже не смущали упреки, адресованные их грузинской порядочности, грузинской чести, грузинской совести. И здесь они не терялись, находя, что ответить. Не сильно-то церемонясь в интонациях, выражениях и жестах. Очень мало кому удавалось вытащить злостных затворников в люди. Они заранее знали, что их ожидает повсюду – те же лица, те же здравницы, та же похмельная усталость после шумного и продолжительного застолья. А застолий нешумных и непродолжительных у грузин попросту не бывало. Шуметь так шуметь – гулять так гулять, от души и с размахом. Поэтому, когда Леван заходил вечером к Ираклию, они, не сговариваясь, всегда обходились без посторонних. Точнее, сами добровольно превращались в посторонних по отношению ко всему остальному миру. Любой другой, оказавшись в этот момент рядом с ними, все равно чувствовал бы себя ни к чему не причастным. Потому что любой другой человек мог лишь нарушить триединство: ИРАКЛИЙ – КОНТРАБАС – ЛЕВАН. А вписаться в него так и не смог бы. Еще одно место в нем изначально не предусматривалось. Это был непостижимый и в

то же время священный треугольник, о существовании которого звал один ГОСПОДЬ БОГ. Все, что внутри него происходило, никого больше не касалось и никому больше не принадлежало. Музыка и та с трудом прорывалась сквозь закрытые окна и двери. *Не каждый готов делиться СВОЕЙ МУЗЫКОЙ: ни тот, кто ее исполняет, ни тот, для кого она исполняется.* Мелодии, звучавшие в такие вечера, нисколько не были похожи на те, которые Ираклий обычно исполнял для заработка, на панихидах или свадьбах. Не звучало в них ни откровенного веселья, ни скорбного плача. Не было в них и избытка меланхолии. Они создавали некую свою, особую, ни с чем не сравнимую и от всего отрешенную атмосферу душевного равновесия. Атмосферу, пребывая в которой человек полностью терял интерес к тому, что происходило за ее пределами. И что бы ни происходило там – взволновать оно не могло. ЭТО БЫЛО состояние подлинной независимости от других людей. Конечно же, независимости временной, но ее значимость от этого не уменьшалась. Хотя спустя всего несколько часов о ней уже можно было лишь вспоминать или вновь мечтать. Спустя всего несколько часов до нее, до независимости, было уже далеко. *В жизни иногда хочется быть не похожим на всех остальных. Каждый делает это на свой вкус. В угоду изощренности своего эгоизма. В меру сентиментальности своего воображения.* Леван был единственно близким человеком, кого Ираклий принимал в доме как родного. В любой день-час, когда тому взбредет в голову. В любом состоянии – пьяном или трезвом. В любом настроении – грустном, счастливым, а то и без настроения вовсе. Даже если это противоречило состоянию духа самого хозяина. Случалось, здесь он задерживался на много дней подряд, скрываясь от собственных иногда чересчур надоедавших родственников. Все знали, где он прячется, но никто не смел его тревожить. Никто за ним не приходил, назад не звал, не умолял. Боялись разозлить еще больше. Поэтому оставляли в покое намеренно. Ему позволяли всех забыть и расслабиться – от него на время избавлялись. Пускай делает, что хочет. БОГ с ним. Перебесится – вернется. *НАСТОЯЩИЙ*

ГРУЗИН не посмеет навсегда уйти из родного дома. Вот когда Левану удавалось отвести душу. Насколько хватало фантазии, страсти, юмора и отчаяния. Впоследствии оба друга не раз вспоминали различные истории, смеясь иногда до слез. В том числе и над тем, над чем когда-то приходилось по-настоящему плакать. Правда, частые, тянувшиеся до утра встречи относились, скорее, к далекому прошлому, то есть к молодости. В последние же годы жизненная энергия каждого из них, увы, поиссякла. Возраст давал о себе знать, сказываясь как на большинстве их поступков, так и на самих их намерениях. Впрочем, отражалось это и на их характерах. Леван, например, стал терпимее относиться к соседям – ко всем сразу. Чувствуя как бы вину за прошлое, теперь он не сердился, когда они заходили к нему без дела и задерживались допоздна. Он по-свойски долго с ними разговаривал, пил за компанию свое любимое вино, еще громче, чем прежде, восхваляя Грузию и грузин. Бывало, в честь собравшихся за столом он выбивался в солисты и заводил популярные в народе песни. К старости у Левана все-таки прорезался голос и он смирился с мыслью, что с соседями вполне можно ладить. Ираклий же, наоборот, с течением времени стал еще более скрытным, замкнутым, отчужденным. И хотя отношения между закадычными друзьями ни на йоту не охладели, Левану уже не хватало физических сил карабкаться в гору чаще одного раза в неделю. Ираклий, в свою очередь, по-прежнему старался избегать походов к нему домой. Потому что едва стоило переступить порог, как от нестерпимого гвалта тамошних детей и взрослых у него начинала кружиться голова. Но если он все же приходил к Левану, то только по делам, и быстро ретировался. Не поддаваясь на доставучие сбивчивые разговоры домашних – вместе пообедать, поужинать или хотя бы просто посидеть за чашкой чая. Он не прикасался даже к символическому стакану вина и даже ради приличия не произносил короткий тост. А это для грузин было уже действительно нешуточным знаком – значимым, против которого все возражения теряли смысл. Гостеприимным хозяевам оставалось только вздохнуть, беспомощно развести

руками и отпустить его с миром. Да, Леван понимал причину торопливого исчезновения Ираклия и никогда на него не обижался. РАЗВЕ МОЖНО СЕРЬЕЗНО ОБИЖАТЬСЯ НА ЕДИНСТВЕННОГО ДРУГА? Нет, в этом грехе он отказывал себе сознательно. Это мог себе позволить кто угодно, но только не он. При этом ни Ираклий, ни Леван не сомневались, что через несколько дней они как ни в чем не бывало встретятся вновь, но уже без ненужных свидетелей, в привычной обстановке и в привычном составе. ИРАКЛИЙ – КОНТРАБАС – ЛЕВАН. Идеальнее треугольника было не придумать. *Когда душе удастся найти своего близнеца еще на земле, тогда и фантазии на тему ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ становятся более смелыми и правдоподобными. Причем гораздо правдоподобнее, нежели сама жизнь при жизни.*

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

*Лети, черная ласточка, вдоль реки
Мтквари.*

*Принеси весть об ушедшем на
войну моем брате.*

*Может быть, он ранен и умирает,
истекая кровью,*

*А может быть, в плен попал и не
видит больше солнца.*

*Лети, черная ласточка, лети
скорее...*

Если все пути ведут в ГОРОД, то, отправляясь в дорогу, стоит подумать, выведут ли они потом из Него.

(Из чужого опыта)

ТБИЛИ – ТЕПЛЫЙ. ТБИЛИСИ – ТЕПЛЫЙ ГОРОД!!! И это совсем не пустая метафора. Совсем не случайное восклицание царя-основателя Горгосали, пронесшееся эхом по небесам. Во время закладки первого камня. Вслед первому тосту и первой хвалебной песне. В порыве спонтанного, неосознанного предвидения. Видимо, ему очень хотелось, чтобы у грузин

появилась не просто еще одна «мертвая» крепость, способная героически выстоять под натиском любого, даже самого грозного противника. Но наконец родился и предстал перед миром настоящий, величественный, такой же теплый, как их сердца и души, ГОРОД. Вечно жизнерадостный. Вечно открытый. Вечно мирный. Город, который собрал бы в одно святое целое все грузинские земли и провозгласил себя столицей на все времена. Город, который бы воплотил в себе всю силу и неповторимость нации. Город, который бы вырвался из устаревшего образа и стал примером для многих других городов. Люди вняли благим призывам царя и надолго в крепости не задержались. Они начали строить дома за ее пределами, медленно уходя от нее все дальше и дальше. Прорубив дороги, они спустились в долину и навсегда породнились с Мтквари. А протянув через бурную реку мост, перебрались на другой берег. *Ното sarpies быстро привыкает к завоеванному пространству. И тут не важно – с боем или нет. Главное, чтобы оно было больше и свободнее предыдущего. Главное, чтобы он его ощущал своим достоянием.* С той поры грузины «принимали» врагов уже не у стен крепости, а задолго до подступов к ней. Защищая теперь, в первую очередь, не лично себя и свой домашний очаг, а будущий общий ГОРОД. Отчего бились за него еще мужественнее, еще беспощаднее, еще отчаяннее. Даже умирали они не с мыслью о загробном рае, а с уверенностью, что пророчество царя-основателя сбудется. Может быть, не сразу. Может быть, не при их жизни. Может быть, только через несколько поколений. Но обязательно сбудется. Каких бы новых жертв им это ни стоило. Ни в настоящем, ни в будущем. Остававшиеся в живых надолго траур не растягивали. Потому что у них в крови кипела злость. Им не давало покоя врожденное упрямство. Их мучило нетерпение. Точнее, их мучила ИДЕЯ. Поэтому, едва подлечив раны, они продолжали движение к ставшей уже судьбой ЦЕЛИ. Остановить их не могли ни постоянные войны, ни подлые измены, ни периодически сотрясавшие землю стихийные бедствия. Наоборот, несчастья делали грузин еще преданнее и еще роднее друг другу. Именно в такие тяжелые

минуты они, забывая о мелких распрях, превращались в одну семью. Они всем народом восстанавливали разрушенное. Они всем народом строили заново. Строили быстро. Краше. Еще крепче. Они старались из последних сил, и у них очень многое получалось. Беспорядочно разбросанные по склонам гор дома постепенно соединялись в кривые улицы и переулки. Вытопанные поляны превращались в маленькие мощеные площади. А в самых разных местах вырастали высокие православные храмы. И чем больше грузины строили, тем больше они влюблялись в то, что строили. Их громким признаниям в любви и верности не было конца-края. Повсюду мажорно звонили колокола. Повсюду непрерывно лилось вино и звучали державные песни. ЧУДУ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ СУЖДЕНО БЫЛО ПРОИЗОЙТИ. МЕЧТА СБЫЛАСЬ. *Сбылась, чтобы стать знаменем, совестью и вечностью целой нации. Чтобы стать памятником ОСНОВАТЕЛЮ. Чтобы на веки веков стать памятником всем, кто в нее по-настоящему верил.* Грузины никогда не забывали, какой ценой им далась новая столица. И никогда не забывали своего великого царя. Запечатлев на высоком берегу Мтквари его образ, они навсегда остались ему признательны не только за первый заложенный камень, но и за ласково-теплое имя, подаренное городу. Трудно представить, что когда-то у грузин этого города не было. А это значит, что рано или поздно он должен был появиться. Иначе бы грузины так и не стали полноценными грузинами. ГОРГОСАЛИ ВЕЛЕЛ – БОГ СМИЛОСТИВИЛСЯ И ПОМОГ – НАРОД НА СВОЙ ВКУС ПОСТРОИЛ. ПОСТРОИЛ ГОРОД. ПО ЗАВЕЩАНИЮ ГОРГОСАЛИ – ТЕПЛЫЙ И ОТКРЫТЫЙ ДЛЯ ВСЕХ. ЭТО ЗАФИКСИРОВАНО ИСТОРИЕЙ. ЭТО ЗАФИКСИРОВАНО В ИСТОРИИ. ЭТО ПОДРОБНО ЗАФИКСИРОВАНО ВО ВСЕХ ИСТОРИЯХ, КОТОРЫЕ КОГДА-ЛИБО ИМЕЛИ ОТНОШЕНИЕ К ТВОРЕНИЮ. ЗАФИКСИРОВАНО – И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОСПОРЕНО АБСОЛЮТНО НИКЕМ. ТВИЛИ = ТЕПЛЫЙ. ТВИЛИСИ – ТЕПЛЫЙ ГОРОД. Отныне он стал местом, куда вели все дороги, построенные грузинами. Независимо от того, где брали начало и какую тяжесть они преодолевали.

Насколько казались запутанными и рискованными для передвижения. Независимо от того, куда вели эти пути раньше, если, конечно, они существовали до появления на свет ТЕПЛОГО ГОРОДА. Главное, что в Тбилиси они теперь сплетались в единый крепкий узел. И здесь же все разом обрывались. Превращая ТВОРЕНИЕ одновременно в центр и тупик. Официально объявляя его последним рубежом, последней надеждой и последней инстанцией. Признавая исключительно за ним реальное притяжение и реальную силу. *Кому нужна дорога, которая не ведет в ГОРОД? Нужна ли она самому ГОРОДУ? В чем тогда ее смысл? И много ли от нее пользы? У грузин уже давно таких подозрительных вопросов не возникало. Потому что среди неживших в столице грузин не было, да и не могло быть ни одного человека, который не мечтал бы о встрече с Тбилиси. Который не стремился бы знать о нем все, и не только понаслышке. Разве можно считать себя настоящим грузином, не будучи лично знакомым с главным городом всех грузин? Вряд ли кто осмелился бы с таким мнением не согласиться. Поэтому все старались во что бы то ни стало добраться до Тбилиси и взглянуть на него собственными глазами. Нет, не глазами чужого гостя – глазами дальнего-близкого родственника. Хотя бы раз в жизни. Хотя бы на несколько часов или дней. Хотя бы символически. Люди рвались воочию убедиться, что их воображение их никогда не обманывало. Что они не напрасно, начиная с детских лет, рисовали себе самую грузинскую, самую человеческую, самую красивую, самую волшебную сказку. Рассчитывая однажды в этой сладкой сказке очутиться. Очутиться наяву. Чтобы признаться ей в любви до гроба. И хотя бы на миг стать ее героем. Те же, кому терпения не хватало, отправлялись на свидание с Тбилиси, побросав все свои дела. Кто на колесах, кто пешком, кто в одиночку, кто с многодетной семьей, кто с богатыми подарками, кто с пустыми руками, кто после продолжительного застолья, кто на трезвую голову, кто с конкретными просьбами-мыслями-планами, ну а кто без просьб, мыслей и планов вообще. СТОЛИЦА встречала соотечественников шумно, с патриотическим размахом, по-*

праздничному. СТОЛИЦА принимала сгоравших от любопытства соотечественников радушно. Хотя далеко не все находили с ней общий язык сразу. Увы, не многим удавалось почувствовать себя здесь как дома. Еще реже кому хватало авантюризма и просто смелости изменить привычному образу жизни. Потому большинство, быстро удовлетворив любопытство и стеснительно спрятав под маской разочарование, торопились в обратный путь. Их тянуло назад, под родную крышу. Они хотели поскорее успокоиться, убеждая себя, что на самом деле ничего страшного не произошло. Они предпочитали оставаться при своих старых фантазиях, а не подстраиваться под не совсем понятные городские вкусы. Прежде всего, им был необходим НАЦИОНАЛЬНЫЙ СИМВОЛ, и ЛЮБОВЬ НА РАССТОЯНИИ их вполне устраивала. Но вырваться из рук ТЕПЛОГО ГОРОДА было не так легко. Тбилиси не хотел ни с кем ссориться и по-отечески старался хоть в чем-то угодить каждому. Он умел расставлять прочные сети. Кому-то перепалили мелкие крохи, кому-то – крохи покрупнее. Вниманием не был обойден никто. Тбилиси научился искусно обольщать, и часть соотечественников обольстить ему удавалось. Впрочем, некоторые из них не без удовольствия сами поддавались обольщению. Такие принимали свой плен за новую жизнь и удостаивались особого отношения. Такие в погоне за счастьем забывали о своем предыдущем доме и задерживались тут надолго. Такие поселялись в столице навсегда. *За что для себя и всех своих потомков получали в награду от ТЕПЛОГО ГОРОДА гордое звание ТБИЛИСЦА. Звание, которое без труда приобреталось и которое ни за что нельзя было потерять. Звание, которое по сути означало «избранный» и которое числилось за своим владельцем даже после его смерти. ТБИЛИ = ТЕПЛЫЙ. ТБИЛИСИ – ТЕПЛЫЙ ГОРОД. ТБИЛИСЕЦ – ЖИТЕЛЬ ТЕПЛОГО ГОРОДА. Если посмотреть на карту всех грузинских земель, сразу же бросается в глаза, что их столичный град расположился точно в центре. Тем самым у остальных крепостей, тайно помышлявших в любой удобный момент тоже вырваться из*

замкнутого пространства, чтобы превратиться пускай и в маленькие, но все же в города, не было, в принципе, шансов на достойное соперничество. Тбилиси держал всю территорию под надзором. И вряд ли потерпел бы чьи-то притязания на его узурпированную власть и его блага. Ни с грузинского севера, ни с грузинского юга, ни с грузинского запада, ни с грузинского востока. Он четко соблюдал дистанцию относительно всех сторон света и этим как бы сохранял равновесие между всеми землями, между их иногда взаимоисключающими особенностями в обычаях и языковыми капризами, между характерами и темпераментами их жителей. Во имя единства нации он предпочитал жить и расти вне конкуренции. Во имя ее внутреннего спокойствия он предпочитал процветать в одиночестве. В окружении гор, долин и мелких селений. На фоне падавшего от него, словно тень, собственного величия. Повторяя по всякому поводу и без повода, что он – ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОРОД ВСЕХ ГРУЗИН. А время других городов пока еще не пришло. Из чего следовало понимать: и придет нескоро. Разве мог Тбилиси хоть с кем-то разговаривать на равных? Разве мог он снизить до взаимности, чтоб ответить признанием на признание? Едва ли. Зачем создавать прецедент? Ведь у грузин были и более старые крепости. И тоже с авторитетом. Ему не нужно было усложнять себе жизнь. Он придумал особый КОДЕКС ЧЕСТИ, из которого следовало, что грузинская земля принадлежит исключительно ему. В своих мыслях и своих делах Тбилиси был уверен. В его мыслях и делах были уверены и люди, обитавшие в других краях. Ведь они тоже, как и земля, принадлежали Его Величеству. ГОРГОСАЛИ ВЕЛЕЛ – БОГ СМИЛОСТИВИЛСЯ И ПОМОГ. НАРОД НА СВОЙ ВКУС ПОСТРОИЛ. ПОСТРОИЛ ГОРОД. ГОРОД ЖЕ ПОСТРОИЛ СВОИ, ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ С НАРОДОМ. ОСТАВИВ ЗА СОБОЙ ВЕРХОВНУЮ РОЛЬ – РОЛЬ СОБСТВЕННИКА. Да, Тбилиси ни от кого и не скрывал, что ему хотелось быть полным хозяином «мира». И ему ничто не мешало полным хозяином себя чувствовать. Во главе несказанно длинного грузинского стола. К всеобщему грузинскому ликованию. При

безотказном, добровольном грузинском повиновении. *Если на приветствие ПОВЕЛИТЕЛЯ хор отвечает одобрительным гулом, а на воинственный приказ – посвященной победе над врагом песней, значит, ИСТОРИЮ можно превратить в ПРАЗДНИК.* Один раз в год ТЕПЛЫЙ ГОРОД преображался. Это был день, когда все его улицы и площади заполнялись до отказа. Когда казалось, будто он вмещает в себя целую нацию – нацию поющих, танцующих и веселящихся людей. Сюда по его приглашению прибывали отовсюду, даже с отдаленных дремучих окраин. Тбилиси собирал всех вместе, чтобы в очередной раз убедиться в преданности. ГОРОД хотел посмотреть всем в глаза и развеять свои сомнения. А еще больше ему хотелось под оглушительный звон колоколов и бокалов услышать во славу себя самый громкий, самый продолжительный и самый лестный всенародный тост. Никто из подданных никогда не отказывался от участия в столь почетном представлении. Каждый готовился к образцово-показательному торжеству заблаговременно, тщательно и серьезно. Каждый приносил с собой все, что мог – еду, вино, подарки. Каждый приносил, сколько мог. Каждый стремился во что бы то ни стало доказать, что в его родном селении еда вкуснее, вино пьянее, а сами жители любвеобильнее и щедрее. Следовательно, столице они милее. Конечно, среди собравшихся не было ни одного человека, который бы не выглядел уверенным в своей правоте. Точнее, который бы не был уверен в своей правоте заранее. Поэтому споры по сему поводу не смолкали до зари. Но ГОРОД в них не вмешивался. Он отказывался в этот день быть судьей. Он посвящал себя иной миссии. Он любезно всех приветствовал и со всеми добродушно соглашался. Всем без передышки улыбался и со всеми веселился. В этот день он единственный раз в году всех без разбора обнимал. Сняв суровую маску, он позволял себе не только снисходительно наблюдать за тем, что происходит вокруг, но и сам во всем принимал активное участие. Он по собственной инициативе на виду у всего мира становился частью своего же народа. В такой день ГОРОД не имел права пренебрегать ничьими чувствами, не смел даже мало-мальски

никого обидеть. Ведь это было бы равносильно обиде, нанесенной своей крови, самому себе. ТБИЛИСИ ЗНАЧИЛ ДЛЯ ГРУЗИН БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРОСТО ИСТОРИЯ. БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРОСТО ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАЗВАНИЕ. И ГОРАЗДО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРОСТО ИМЯ СОБСТВЕННОЕ. ОН БЕЗ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ БЫЛ ДЛЯ НИХ НАИВЫСШИМ ПОСЛЕ БОГА АВТОРИТЕТОМ. КОМУ ЕЩЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЗВОЛЕНО ПРОВОЗГЛАСИТЬ В СВОЮ ЧЕСТЬ ВСЕНАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК? ТБИЛИ = ТЕПЛЫЙ. ТБИЛИСИ – ТЕПЛЫЙ ГОРОД. ТБИЛИСОБА – САМЫЙ ТЕПЛЫЙ ГРУЗИНСКИЙ ПРАЗДНИК.

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

Моя церковь деревянная,
Твоя церковь каменная.
Но небо у нас одно на двоих,
И солнце у нас одно на двоих...

Если из окна дома видны
покрытые снегом вершины,
значит, все, что когда-то в этом
доме происходило и происходит –
по их воле.

(Из услышанного в Грузии)

У Ираклия над калиткой был водружен маленький церковный колокол, исправно сопровождавший каждое открывание негромким, но довольно уверенным звоном. Откуда сей колокол взялся, никто понятия не имел. И в сознании хозяина, и в сознании всей улицы давно жило ощущение, будто висел он там всегда. То есть с тех самых незапамятных пор, как на этом месте – еще на пустыре – возник забор и была очерчена ТЕРРИТОРИЯ ИРАКЛИЯ. И хотя в близлежащих кварталах не осталось всезнающих стариков, которые могли бы это лично подтвердить или опровергнуть, тем не менее вся округа придерживалась одной общей версии: кто дом построил, наверняка тот и колокол повесил. Вот, правда, с какой целью – и поныне никто толком

не понимал. Когда время от времени эта тема всплывала в разговорах, у многих даже появлялось желание поспорить. Но все равно переубедить друг друга никому не удавалось. Все заканчивалось ничем – пустой тратой застольных эмоций. Ответов, устраивающих всех, конечно же, не находили, но под воздействием крепкого вина об этом почему-то быстро забывали. И вопрос как ни в чем не бывало впоследствии возникал опять. Так продолжалось до бесконечности. Хотя истина как цель спора уже вряд ли кого интересовала – ведь добраться до нее даже с помощью хозяина было, увы, невозможно. Да и никому особо не нужно. Видимо, поэтому отношение к КОЛОКОЛУ ИРАКЛИЯ по традиции складывалось по-разному. Одни проявляли безразличие или, по крайней мере, делали вид, будто его не замечают. Другие же, и таких было большинство, несмотря на легенды о храбром родственнике хозяина, к колоколу, по странной причине висящему не в ХРАМЕ, а на уличном заборе, по наитию относились с предубеждением. У этих пугливых людей его перезвон всегда вызывал легкую тревогу и недоверие. Они считали неоправданным грехом пользоваться всею тем, что исконно принадлежит БОГУ. Им казалось, что если кто из вольнодумных предков и допустил ошибку, Ираклий должен был ее исправить – то есть вернуть колокол в ХРАМ. От чего уважительности к нему только бы прибавилось. А возможно, прибавилось бы и любви – прежде всего от ВСЕВЫШНЕГО. Впрочем, отношение к КОЛОКОЛУ ИРАКЛИЯ и не могло быть одинаковым. В реальности все зависело от того, что кому хотелось в его звуках слышать. Все зависело от того, кто какие чувства на самом деле испытывал к батони Ираклию. И только его старый друг Леван в «дискуссиях» не участвовал и ни на какие подвохи-версии внимания не обращал. Для него это была ПРОСТО МЕЛОДИЯ – БЕЗ НАДУМАННЫХ СМЫСЛОВ И УМЫСЛОВ. ПРОСТО МУЗЫКА – БЕЗ ЗАГАДОК И СКРЫТЫХ ПРЕДРАССУДКОВ. *Слух дан человеку, чтобы, в первую очередь, познавать себя и мир во вторую – познавать мир.* Но в последнее время колокол давал о себе знать не очень часто. Редко кто его

беспокоил. Редко кто, кроме Левана, пересекал границу ТЕРРИТОРИИ ИРАКЛИЯ. К тому же сам домоседливый хозяин покидал пределы собственных владений далеко не каждый день. К любому походу в город он готовился заранее и без конкретной цели туда не выбирался. *Для чего? Был ли в Тбилиси хоть один человек, который его ждал? Или был в Тбилиси хоть один закуток, где он еще ни разу не побывал?* Праздно же бродить по улицам и переулкам, как в бесшабашно-молодые годы, ни радости, ни удовольствия ему уже не доставляло. Чересчур стало вокруг многолюдно, чересчур шумливо и утомительно. Поэтому Ираклий большую часть времени отсиживался дома. Лучше спокойно заниматься хозяйством или даже бездельничать, нежели общаться на повышенных тонах с неугомными земляками. А заполнить пару дежурных, заезженных комплиментов во славу своего великого деда он успеет всегда. Не хотелось лишний раз заглядывать в чьи-то лукавые глаза. Любителей поучать, давать советы и задавать с умным видом дурацкие вопросы было хоть отбавляй. И делали они это, понятно, во всеуслышание. Значит, отвечать приходилось тоже напоказ и в полный голос. Доверчивый Ираклий от этого просто устал. Вроде бы знакомых лиц на улицах становилось все меньше, а разговоры по-прежнему нисколько не менялись. Будто передавались они по наследству. И заводилась пластинка специально в его присутствии. Не понимал он, что еще нового хотели от него услышать. Зато точно знал, почему его не тянуло часто появляться на людях. ИРАКЛИЙ УЖЕ ДАВНО ВСЕМ ОТВЕТИЛ. НА ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВОПРОСЫ. ОН УЖЕ ДАВНО ВСЕМ ВСЕ ДОКАЗАЛ. И СВОЮ ПРАВОТУ ТОЖЕ. *Разве одиночество – это плохо? Разве одиночество и свобода – это не одно и то же? Если нет, тогда что такое свобода?* Чем молчаливее и угрюмее становился Ираклий ближе к старости, тем молчаливее становился и верный ему колокол. Иначе быть не могло. Один характер на двоих не позволял им чувствовать и выражать себя по-разному. Слишком многое связывало их по жизни. Слишком во многом они зависели друг от друга. А значит, и судьба им была уготована одинаковая. Точнее, то,

что от судьбы этой еще оставалось. Можно было не сомневаться: умрет хозяин – и колокол умолкнет навсегда. *Кому нужны будут его звуки? Разве позволят ему грузины висеть на прежнем месте? И вообще, кто посмеет поселиться в доме, в котором жил ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ?* ПУСТОЙ ДОМ – ПУСТОЙ ДВОР – ПУСТОЙ МИР. В пустоте и КОЛОКОЛ ИРАКЛИЯ станет частью космической пустоты. Даже не верилось, что была боевая молодежь, были времена, когда колокол привлекал к себе внимание по многу раз на день. Умея и радовать, и возражать, и предупреждать, и шутить, и обнадеживать, и примирять, и надоедать, и убеждать, и разубеждать, и удивлять, и тревожить, и обманывать, и угождать, и раздражать, и угрожать, и злить, и прощать, и благодарить, и вдохновлять, и главное – ждать, встречать и провожать. ТО ЕСТЬ ОН УМЕЛ ВСЕ, ЧЕМУ НАУЧИЛ ЕГО ЧЕЛОВЕК. Однако теперь влиянию человека он поддавался чисто символически. Слишком мало было у того сил. Отныне колоколом полностью распоряжалось время. Причем, скорее, прошлое, нежели настоящее. И совсем не было ясно, как с ним поступит время будущее. *Человек умирает, умирая телом. Вместе с ним умирают и окружающие его предметы, умирая духом.* Самое давнее из всех связанных с колоколом воспоминаний, которое сохранила придирчивая память Ираклия, возвращало в далекие годы его детства, когда ему было лет пять или шесть. БЫЛО ЛЕТО. БЫЛА ЖАРА. БЫЛА ТИШИНА. И оба родителя были тогда еще живы, хотя на тот момент их дома не оказалось. Отец с восходом солнца обычно отправлялся на заработки и возвращался с наступлением сумерек. Мать в тот день тоже ушла, но в любую минуту могла вернуться. В таких редких случаях по суровому родительскому приказу Ираклий безвылазно сидел дома, причем не столько за хозяина, которому все позволено, сколько за сторожа. Однако это ни в коей мере его не расстраивало. Улица влекла его вообще очень мало, а в летние месяцы – и того меньше, так как сверстников вокруг не оставалось. Всех детей отправляли подальше от городской жары, к родственникам, в самые горы. Ведь родственники были, как

правило, у каждой грузинской семьи, и хоть кто-нибудь из них обязательно жил в горах. Может, только семья Ираклия составляла исключение. Поэтому лето ему всегда приходилось коротать в городе, от чего, правда, он никогда не страдал. *У него были свои горы, за которыми он наблюдал напрямую со двора. У него было свое небо, которое служило им фоном. У него было свое солнце, которое их освещало.* К тому же, он совершенно не боялся оставаться наедине со своим «я», привыкая с детства и к тишине, и к самостоятельности, и к одиночеству. С ранних лет строгий отец приучил сына заниматься домашними делами, и тот охотно делал все, что ему с утра поручали. На это у него уходила добрая половина дня. Но стоило закончить работу, как он сразу же забирался в дальний угол двора и там, на отшибе, устраивал для себя НЕЗАВИСИМЫЙ ОТ ОБЩЕГО МИРА МИР. В тот памятный полдень солнце пекло особенно безжалостно. Все родительские задания были перевыполнены. И заниматься больше ничем не хотелось. Ираклий просто сидел в тени под деревом и просто ждал возвращения матери. Просто сидел и ждал, поглядывая в сторону калитки: когда же она, наконец, откроется. Но, несмотря на столь пристальное внимание к ней, все, что произошло дальше, застало его врасплох. В какой-то момент калитка резко приоткрылась, колокол слегка вздрогнул, а потом она так же резко захлопнулась. Ираклий сначала даже не сообразил, что случилось. Будучи в полной уверенности, что это вернулась мать, он сразу побежал навстречу. И каково было его удивление, когда он, выглянув на улицу, не обнаружил там ни души. Спустя всего несколько минут то же самое, точь-в-точь, повторилось еще раз. И опять за калиткой не оказалось никого. Нет-нет, Ираклий не испугался, хотя впервые в жизни он ощущал настоящее волнение. Кто-то явно его разыгрывал. Вот только кто именно и с какой целью – плохой или хорошей? Любопытство разгоралось не на шутку. И маленький ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ решил на типично военную хитрость. Притаившись у калитки, он стал терпеливо ждать. Он почувствовал, что нечто похожее обязательно произойдет еще

раз. И не ошибся. Через какое-то время калитка вновь так же резко приоткрылась и так же резко захлопнулась. Маленький тактик-стратег сорвался с места, но на улице и на сей раз никого не было. Невероятно. Он не верил собственным глазам. Ну чем не сказка наяву? Неужели к нему в гости пожаловал кто-то из ее невидимых героев? Он сделал несколько осторожных шагов и... замер. За ближайшим деревом прятался человек. Ираклий не рискнул подойти и, переведя дыхание, лишь окликнул: «Выходи... Кто ты?.. Я тебя вижу...» Не услышав ответа, он повторил все с той же интонацией: «Выходи... Не бойся... Я не знаю, кто ты, но хочу узнать... Выходи... Пожалуйста... Я же прошу тебя...» Противостояние тянулось издевательски долго. У противостояния была своя интрига. Потом из-за дерева показались детские глаза. Потом – улыбка. Потом тонкие детские руки, насколько хватало силенок, крепко обхватили ствол. ПОТОМ НЕЗНАКОМЕЦ ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД ИРАКЛИЕМ УЖЕ БЕЗ СЕКРЕТОВ. Причем ни в росте, ни в возрасте, ни в одежде разницы между ними не было. «Как тебя зовут?..» – «Леванико... Леван повзрослому... А живу я там, внизу, у реки... Второй двор с того конца улицы... Если будешь рядом, заходи... Меня, наверное, уже дома ждут... Я пойду... Ладно?.. Твое имя я тоже знаю... Я когда-нибудь приду опять...» Уходил «пришелец» с неохотой, медленно, лениво. Ираклий же, находясь под впечатлением от всего происшедшего, ему не прелятствовал, хотя в душе отпускать его, конечно, не хотелось. Хотелось еще о многом его спросить. Хотелось познакомиться по-настоящему. Поэтому, не дожидаясь, пока тот скроется из виду, он вскарабкался на забор и несколько раз ударил в колокол. Увы, никакой реакции не последовало. Но Ираклий был не из тех, кто мог так быстро смириться и уступить. Он взялся трезвонить изо всех сил, безостановочно, со злостью. Ираклий был готов поднять на ноги весь город, поднять весь мир. И в конце концов своего добился – Леванико оглянулся. Оглянулся и, радостно размахивая руками, засмеялся на всю улицу. *Став с этой минуты его лучшим другом. Лучшим другом на всю оставшуюся жизнь.*

Незабываемым колокольным звоном было отмечено и ураганное появление в доме контрабаса. Случилось это в одиннадцатый день рождения Ираклия. И возможно, в самую красивую и самую счастливую весну его жизни. В весну, когда судьба впервые собрала вокруг него всех близких: и родителей, и Левана, и контрабас. Через год и несколько месяцев БЛИЖНИЙ КРУГ ИРАКЛИЯ сузится из-за неожиданной смерти отца. Еще через два столъ же внезапно умрет и мать. В душе осиротевшего подростка рядом с любовью поселится тоска, и их пути уже никогда не разойдутся. Однако это произойдет позже, следующей осенью. А в тот волнительный и счастливый апрельский вечер все выглядело иначе, совсем-совсем по-другому. В тот памятный для всей улицы праздник в жизнь ЮНОГО РОМАНТИКА ИРАКЛИЯ ворвались мало кому ведомые звуки. Ворвались, чтобы задержаться в ней до конца... ВЕСНА БЫЛА В РАЗГАРЕ. ДЕНЬ, УТОМЛЕННЫЙ ОТ ОЖИДАНИЯ, ПРИБЛИЖАЛСЯ К ЗАКАТУ. В ДОМЕ ГОТОВИЛСЯ УЖИН. Нет, гостей специально никто не звал, хотя заявиться мог кто угодно, даже незнакомые люди. Приглашать по таким поводам заранее было не принято. *Участие в празднике – дело добровольное.* Если кто помнил о чем-то дне рождения и хотел поздравить, просто приходил вечером – по собственной инициативе, с символическим подарком, без предупреждения. Так что ждали в доме только отца, который обещал вернуться с работы пораньше. С остальными – как получится, рады будут каждому гостю. Мать вовсю суетилась, торопилась, старалась успеть накрыть стол к приходу строгого мужа. Радостный именинник тоже суетился, бегал, помогал, то и дело поглядывая в окно. Он с нетерпением ждал, когда же зазвонит колокол. Раз отец дал слово, то обязательно выполнит свое обещание. Что уже само по себе было бы для Ираклия большим, а скорее, главным подарком. Ведь он так мало бывал с обоими родителями вместе. Отец целыми днями пропадал в городе, возвращался поздно, и сразу после короткого немногословного ужина все шли спать. О каких-либо возражениях не могло быть и речи. Только редкие из праздников предполагали, в качестве исключения, другой

распорядок. Наступавший вечер, без сомнения, относился к их числу. Это означало, что за столом отец будет много пить, много курить и много говорить. Что благодаря любимому красному вину у него поднимется настроение. Что какие-то чужие его друзья тоже придут, ужин затянется допоздна и, как обычно, закончится героическими песнями в память о великом деде. Во всяком случае, до сих пор все выглядело именно так. ПРАЗДНИК ЕСТЬ ПРАЗДНИК – ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ КАК У ВСЕХ. В тот вечер ЮНЫЙ РОМАНТИК не находил себе места, и было от чего волноваться. В тот вечер все устраивалось специально в его честь. К тому же Леванико дал слово забежать на полчаса, если отпустят родители. «Новорожденному» Ираклию очень хотелось, чтобы во время торжественных и никогда не вызывавших улыбки отцовских тостов его друг был рядом, пускай и недолго. Впервые они сидели бы вместе за одним столом со взрослыми. Впервые, почти как взрослые, они выпили бы по маленькому глотку крепкого вина вместе со всеми. ИРАКЛИЙ НАКОНЕЦ ДОЖДАЛСЯ. Отец появился в проеме калитки в последних лучах исчезающего солнца. Однако сразу входить во двор не стал. В какой-то момент он даже пошатнулся, после чего вдруг схватил обеими руками колокол и начал его трясти. Сын, заметив отца из открытого окна и решив, было, бежать навстречу, замер на полушаге. Ничего подобного он никогда не видел и не слышал. В хаосе мыслей мелькнуло: наверняка что-то случилось. Неужели нависла угроза над ЕГО любимым праздником? Детское воображение растерялось. Детское воображение недоумевало. И лишь спустя минуту, когда Ираклий бросился к отцу в объятия и тем самым оторвал его от колокола, напряжение моментально спало – отец смеялся. А по терпкому дыханию совсем нетрудно было догадаться, что он уже начал отмечать праздник. Рядом стояли двое его новых знакомых, которые тоже разгульно смеялись. Следом за сыном с криками прибежала мать. Из ближайших дворов сразу повысыпали любопытные. Каждый считал своим соседским долгом отреагировать на переполох первым и, если понадобится, принять в нем участие. Вспокоенный народ

торопливо подходил. Народ собирался с силами. Однако, даже убедившись воочию, что ничего страшного не произошло, никто и не думал расходиться. Тем для разговоров всегда хватало. Потом кто-то мимоходом вспомнил о дне рождения. Не скупясь на поцелуи и рукопожатия, все ринулись поздравлять Ираклия. После чего, перебивая друг друга, начали поздравлять и его отца. Все громко произносили одни и те же пожелания и не менее громко радовались поводу повеселиться. А когда мать именинника, придя в чувство, предложила гостям войти в дом, все заметили, что один из знакомых отца взвалил на плечо огромный, неуклюжий, замотанный в ткань предмет. Естественно, став объектом повышенного интереса, он сразу очутился в плотном кольце. Естественно, не заставили себя ждать многочисленные вопросы и предположения. Пусть и в шутивно-простецкой форме, но заинтригованный народ требовал немедленно удовлетворить общее любопытство. Объяснять что-либо на словах не имело смысла. Поэтому пришлось остановиться и «презентовать» груз прямо во дворе. БОЛЬШИМ СЕКРЕТОМ ОКАЗАЛСЯ ПОДАРОК. ПОДАРОКОМ ОКАЗАЛСЯ НАСТОЯЩИЙ КОНТРАБАС. СЫНУ ОТ ОТЦА КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ. Все голоса тут же смолкли. Вряд ли кому-то из присутствующих было знакомо название сего СТРАННОГО ПРЕДМЕТА. Но то, что это музыкальный инструмент, могли удостовериться все. Человек, который его бережно нес, оказывается, еще умел на нем играть. И без смущения продемонстрировав свои способности, даже заслужил тихие аплодисменты, прозвучавшие вперемешку с возгласами то ли удивления, то ли робкого одобрения. Как выяснилось позже, в разгар празднования, именно ему и принадлежала идея этого СТРАННОГО ПОДАРКА. Точнее, именно ему удалось убедить родителя Ираклия, который сам впервые видел подобное «чудо», отдать навязчивому заезжему торговцу два мешка муки в обмен на ВЕЛИКИЙ КОНТРАБАС: «Я ОБЕЩАЮ, ЧТО НАУЧУ НА НЕМ ИГРАТЬ ТВОЕГО СЫНА. И ТОТ ВЛЮБИТСЯ В ЭТУ МУЗЫКУ НА ВСЮ ЖИЗНЬ». В тот вечер песни практически не звучали. В тот вечер ни гости, ни

хозяева не постеснялись нарушить одну из главных традиций грузинского застолья. В тот вечер все были настолько заворожены необычными для них звуками, что незнакомцу еще не раз приходилось в перерывах между тостами братья за инструмент. И хотя делал он это без особой охоты, скорее, по принуждению, вино придавало ему вдохновения. А с игрой приходил и азарт. Видно было, что он старается. Насколько хватало умения и фантазии. *Как можно отказать в удовольствии собравшимся за праздничным столом? Тем более что ты – единственный, кто способен его доставить. И тем более что все без исключения этого от тебя ждут.* Лишенный стеснительности незнакомец по любому поводу вставал, обращаясь с поднятым бокалом напрямую к смущенному имениннику. И играл он, прежде всего, для именинника. Ираклий в свою очередь не только внимал обращенным лично к нему речам, невероятно красивой музыке, но и пристально следил за предлинными руками, за каждым скольжением смычка по струнам. ЮНЫЙ РОМАНТИК не мог скрыть своего волнения. Временами его дыхание обрывалось, а сердце сбивалось с привычного ритма. Он не соображал, чего в его душе было больше – тревоги, удивления или восхищения. Хотя, наверное, в тот вечер в детской душе перемешалось все. Возможно, тогда, в том сумбуре и родилась тайная надежда, что когда-нибудь и он научится вот так же здорово играть. Что когда-нибудь и у него появятся свои поклонники. Но, несмотря на всю запутанность чувств, звуки, за один вечер перевернувшие представление Ираклия о музыке, с первых же минут и навсегда стали для него родными. Он не просто сразу их принял, он как бы поймал себя на мысли-предчувствии общего с ними будущего. Ведь впоследствии именно они настроят его внутренний мир на особый лад и отгородят от мира внешнего – чуждого и циничного. Так судьба познакомила ЮНОГО РОМАНТИКА с музыкой, которая будет сопровождать его до самой смерти. Да, конечно, поначалу Ираклий мало что понимал. Однако интуиция жила в нем от рождения. Вот почему музыка им овладела не случайно. Вот почему музыка легла на благодатную почву. Породив в

утонченном создании еще и чувство собственности. *СОБСТВЕННИКА В СЕБЕ НУЖНО ЛЮБИТЬ НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ ЧЕЛОВЕКА.* Об этом он услышит позже. ПО ОТНОШЕНИЮ КО ВСЕМУ, ЧТО ВОКРУГ ПРОИСХОДИТ. ПО ОТНОШЕНИЮ КО ВСЕМУ, ЧТО ВОКРУГ ЗВУЧИТ. ПО ОТНОШЕНИЮ КО ВСЕМ, КТО ТЕБЕ БЛИЗОК И ДОРОГ. И В ПЕРВОУ ОЧЕРЕДЬ, ПО ОТНОШЕНИЮ К САМОМУ СЕБЕ. «Пир» по случаю дня рождения Ираклия в итоге превратился в СОБЫТИЕ СЕРЬЕЗНОГО УЛИЧНОГО МАСШТАБА. Не каждая улица могла похвастаться своим контрабасом. Не каждый дом мог устроить подобный концерт. Поэтому никто из слушателей уходить не собирался, а новые все приходили и приходили. Редкая минута покоя выпадала на долю обезумевшего от нашествия людей колокола. В конце концов в доме стало совсем тесно, и столы с едой – благо, позволяла погода – вынесли во двор. Потом уже не хватало ни столов, ни стульев, ни посуды. Но хозяева не потеряли самообладание. *Ситуацию спасала грузинская импровизация.* Ну разве можно было заранее предвидеть такой размах? Столько народу обычно собиралось лишь на свадьбах да поминках. А количество горевших свечей создавало впечатление всенощной пасхальной службы. Когда праздник перевалил далеко за полночь, появились перепуганные родители Левана. Однако и они, быстро успокоившись, не ушли сразу. Не могли они пропустить столь незаурядное событие, поднявшее на ноги округу. Тем более что их сын с важным видом восседал на самом почетном месте, по левую руку от именинника. Стоило возгордиться такой дружбой. Стоило поднять бокал по такому ответственному случаю и поздравить виновника торжества лично. В тот же вечер, точнее, в ту же ночь, по требованию всех гостей ЮНЫЙ РОМАНТИК с помощью своего будущего учителя сыграл и свои первые в жизни аккорды. Страшная пытка тянулась всего-то считанные секунды, но взорвавшиеся аплодисменты, ее увенчавшие, казалось, могут разбудить весь мирно спящий Тбилиси. Казалось даже, что их громовое эхо отдается далеко в горах. Восторг не унимался долго, переходя во все новые и новые тосты. А в доказательство их истинной

серьезности каждый выпивал свой полный бокал до дна и затем его резко переворачивал. Самые же стойкие, то есть, САМЫЕ НАСТОЯЩИЕ ГРУЗИНЫ, к концу праздника пили вино уже исключительно из литрового рога. И тоже до дна. И тоже его переворачивали. Под одобрительные возгласы разгулявшейся толпы. Ближе к рассвету, когда последние гости разошлись, Ираклий, перед тем, как рухнуть без сил на постель, в тетрадке, подаренной в тот вечер Леваном, успел сделать свою первую краткую запись: число, месяц и год. Запись, которая станет началом КАЛЕНДАРЯ ЕГО ЖИЗНИ.

– Опять ты с собой еду принес...

– А как идти к другу без гостинцев... Меня из дома без них не выпустят...

– Знаешь же, я этого не люблю...

– Не могу спокойно смотреть на твой вечно пустой стол...

Иногда думаю, что беднее тебя в Грузии никого нет... Сердце начинает болеть...

– Ну какой он пустой, если на нем полный кувшин с вином стоит?..

– Настоящий грузин должен сидеть за настоящим грузинским столом...

– Настоящий грузин не может лишь о еде думать...

– Чего о ней думать?.. Она на столе должна быть... И быть ее должно много...

– Хитрый ты, Леван... Насквозь тебя вижу, хитрый... Маленький всегда был хитрым и в семьдесят лет хитрым остался...

– Дело не в хитрости... Просто я хочу, чтобы ты не только вино пил, но и ел что-нибудь... Иначе в пьяницу превратишься...

– У меня уже давно аппетит пропал...

– По тебе видно...

– Я могу и без аппетита жить...

– На одном вине долго не протянешь...

– Мне долго и не надо...

– Ты сам не знаешь, что тебе надо...

– Дольше, чем БОГ дал, все равно не получится...

– Я боюсь, ты с голоду умрешь...
– Разве имеет значение, от чего умирать?..
– Грузину стыдно умереть с голоду...
– Ты и вправду считаешь, что я скоро умру?..
– Нет... Но я не хочу, чтобы ты умер раньше меня...
– Кто-то же должен быть первым...
– Тогда пусть сначала я...
– Не вижу никакой разницы... И тебе, и мне немного осталось...

– Неважно сколько...
– Не переживай... Надолго не расстанемся, я уверен... Куда мы денемся друг без друга?.. Родились в один год – наверняка в один год и уйдем... Природа скалится над нами... Она заставит нас подчиниться ее тайнам... Ведь на свет этот мы появились тоже благодаря им... И жили благодаря им... И дружили благодаря им... От нас же ничего не зависит...

– Все равно, не умирай раньше меня...
– Что от того изменится?.. Все, что ты обычно делаешь шесть дней в неделю, будешь продолжать делать... А на седьмой – будешь приходить ко мне... Но уже не сюда... На могилу... Дорогу на кладбище ты хорошо знаешь... Правда, для твоих ног чуть-чуть далековато...

– А кто будет для меня играть?..
– Играть?..
– Да-да, играть...
– У каждой мелодии есть конец...
– Но...
– Память тебе поможет...
– Если бы одной памяти было достаточно, я бы лучше дома сидел... И в потолок плевал...

– ...
– Чего зря на твою дурацкую гору тащиться?.. Ты знаешь, я люблю наблюдать, как ты играешь... Между прочим, ты сам меня приучил...

– К сожалению, наша музыка навсегда останется здесь, в этой жизни... Увы... Мертвым играть не положено... Мертвые только слушают...

– Вот и я говорю... Поэтому, прошу, постарайся, не умирай раньше меня...

– Кажется, ты опять хитришь...
– Почему?..
– Опять сначала о себе думаешь...
– Наверное, ты неправильно понял...
– Очень даже правильно... А кто меня похоронит?..
– Тебя?..
– Да... Кто, кроме тебя?..
– ...

– У меня ведь никого нет...
– ...
– У тебя – дети, внуки... Полный двор... По утрам даже в именах путаешься...

– ...
– Чего бояться?.. И захочешь, один не останешься... Хором рыдать будут...

– Странно ты рассуждаешь... Зато тебя весь Тбилиси знает... У кого угодно спроси... Народ твоего деда до сих пор помнит... Твоего великого деда... Разве он не был примером для всех нас?..

– Оставь в покое моего деда... Сейчас он при чем?.. Его давно похоронили...

– Ты забываешь, что все мы – грузины... Все мы – родственники... Потеря каждого человека для нас горе... Людей с добрым сердцем действительно много... Тебя уважают...

– Какое это имеет значение?..
– А на скольких панихидах ты играл, на скольких свадьбах?.. Не считать... Даже если ты и не хочешь никого помнить, тебя все равно помнят...

– Что мне от этого?..
– Кстати, соседи твои тоже довольно часто через забор поглядывают... Волнуются, не случилось ли, не дай БОГ, чего?..

– С каких пор ты стал о соседях думать?..
– Так, к слову... Они и вправду волнуются...

– Это ты, наверное, им на ухо нашептал...
– Ты всегда обо мне плохо думал...
– Откуда тогда знаешь?..
– Замечал несколько раз...
– Не верю тебе...
– Честно, видел... Я часто с ними разговариваю... Они вправду неплохо к тебе относятся...
– Знаю, что обманываешь...
– Они бы к тебе и домой заходили... Да хоть каждый день... Сам же того не хочешь... Не по-грузински иногда себя ведешь...
– Ой, хитрый ты, Леван... Ой, хитрый... Надеешься и смерть перехитрить...
– Ты все о своем...
– Пойми, я не хочу, чтоб меня хоронили соседи... Кто они мне?.. Не хочу, чтоб чужие люди ползли за моим гробом...
– Не надо о них так... Они – добрые...
– Не хочу чужих, даже добрых...
– Ты просто упрямый и вредный...
– Если вдруг тебя уже не будет, тогда я сам себя похороню...
– Это как?..
– Как других хоронил, так и себя похороню...
– Ты все со своими шутками...
– Нет-нет... Я вполне серьезно...
– Или с ума сошел...
– Пока еще не сошел...
– Слышали бы тебя твои предки, краснеть пришлось бы за свои слова...
– Нет... В своих словах я уверен...
– Очередная выдумка всем наперекор...
– Очередная, которая станет последней...
– О, ГОСПОДИ!.. Ты даже умереть собрался не так, как все...
– Я, словно зверь, почувствую приближение смерти... И заранее, ночью вырою себе могилу... Поверь, сил мне хватит...
– Не хочу тебе верить...

– И контрабас будет со мной, рядом...
– ...
– А землей уж кто-нибудь засыплет...
– Ни один грузин никогда тебя не поймет...
– Это касается лишь меня... И вряд ли стоит об этом думать кому-то еще... Переоценивать людей – не в моем характере... Что толку от их сострадания?..
– Да-а... Твои фантазии сродни твоему характеру...
– Меня уже не помянуть... Время ушло...
– Ты просто родился таким... Тебе всегда нравилось быть против всех и против всего... По любому поводу...
– Таким и отправлюсь на тот свет...
– Там, на небесах, тоже нужно быть добрым...
– Оставь это на моей совести...
– Ладно!.. Если хочешь умереть первым, умирай... С тобой БОГ... Сделаю все, как скажешь... Похороню по всем правилам... Но только злиться сейчас ни к чему... Нет смысла портить настроение ни себе, ни мне... Я же пришел сюда не ссориться... Мы и так редко видимся...
– Ты сам завел этот разговор...
– Да, потому что вижу, как ты на глазах становишься пьяницей...
– А какой грузин, по-твоему, не пьяница?..
– ...
– Покажи хоть одного...
– Можно много пить, однако между рюмками нужно хоть что-то есть...
– Некогда, я о душе думаю...
– Все грузины о душе думают... И все любят выпить... Я тоже... Но...
– Не хочу, как все... Не хочу разных «но»...
– Но...
– Давай лучше выпьем...
– Что с тобой делать?.. Наливай...
– Это более приятное занятие, нежели спорить...
– ...
– Пусть наши бокалы всегда будут полными!..

- Пусть...
- Пусть в наших сердцах всегда звучит музыка!..
- Пусть...
- Пусть любовь всегда означает вечность!..
- Пусть...
- Гагвимарджос!.. Всего-то одно слово... Нет ничего величавее этой здравицы!..
- Гаумарджос!..
- Ладно... Улыбнись, мой Леванико... Улыбнись по-настоящему... Неужели звон бокалов не убеждает тебя в том, что мы еще живы?..

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

*Кутить мы будем до утра,
И завтра – снова до утра.
Вина достаточно у нас...
Да будет праздник вечным...*

– БОГ подарил людям вино, чтобы они узнали друг о друге правду...
– Нет, БОГ подарил людям вино, чтобы они чаще улыбались друг другу...

(Из разговора двух грузин)

ГРУЗИЯ – РОДИНА ВИНА! Нет в природе ни одного грузина, который сомневался бы в несокрушимости этого постулата. И, скорее всего, вряд ли в обозримом будущем появится. Во всяком случае, до той поры, пока грузины будут кичиться своей чистокровностью и называть себя ГРУЗИНАМИ. Пока они не разучатся по любому поводу с простоватой, бесхитростной важностью произносить нескончаемые застольные монологи. Пока они однажды, в порыве всенародного безумия, залпом и до последней капли не выпьют все свое грузинское вино. Эта, с их точки зрения, ИСТОРИЧЕСКАЯ убежденность без преувеличения заложена в них генетически, наравне с доставшимися им в наследство от самобытных предков типично национальными чертами лица и

своенравным характером. Вино – не только первостепенная грузинская традиция. Это одновременно главный, обязательный спутник-вдохновитель остальных традиций. Без него не столько праздники, сколько весь быт потерял бы свою естественность. Или уж, по крайней мере, изменился бы до неузнаваемости. ГРУЗИЯ – РОДИНА ВИНА! НЕ СУЩЕСТВУЕТ ГРУЗИИ БЕЗ ВИНА! ВИНО В ГРУЗИИ – ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ! И, пожалуй, лишь СВОБОДА, точнее, боязнь ее потерять, по своей сути и значимости способна сравниться с ним в сознании грузина. *Не может быть любви к родине без уважения и любви к вину. Как не может быть полноценного застолья без репертуарных патриотических тостов.* Так грузины рассуждали во все времена, и впредь, пока жив будет хоть один из них, своего мнения они не изменят. Потому что грузин – в их же собственном самовосприятии – человек, держащий в одной руке меч, а в другой – чашу, наполненную вином. Причем в этом создававшемся веками образе всегда было гораздо больше каждодневной реальности, нежели яркой вымышленной художественности. Раньше грузины днем обычно воевали, а по ночам, чтобы хоть как-то заглушить усталость и восстановить кураж, принимались за вино. Они рассаживались вокруг огня и долго воспевали свои совершенные за день доблестные подвиги. Они поэтично восхваляли друг друга. И каждый раз, как в последний, клялись друг другу в преданности. Тем самым они уже с ночи готовились ко дню следующему, вдохновляя друг друга на все новые, неожиданные для врага и нередко для самих себя, отчаянные геройства. Дурманящее вино действительно делало их еще сплоченнее, мужественнее, смелее. Оно делало их порой даже смысленнее и хитрее. И в истории наверняка не раз случалось, что именно оно приводило их к решительным и решающим завоеваниям. ГРУЗИЯ – РОДИНА ВИНА! НЕ СУЩЕСТВОВАЛО БЫ ГРУЗИИ БЕЗ ВИНА! В ГРУЗИИ ВИНО – И ОРУЖИЕ ТОЖЕ! В глазах хмельного грузина враг неизбежно был врагом вдвойне. Одновременно это вдвойне усиливало и его любовь к родине. Может быть, потому грузины столь упорно защищались, и их трудно было

сокрушить даже жестокостью. Может быть, потому, в конце концов, они выстояли перед натиском всего воинственного мира. Так что своей завоеванной свободой они обязаны не только ГОСПОДУ и своему природному свободолюбию, но, не в последнюю очередь, и грузинскому вину. *Чтобы выжить целому народу, одного инстинкта самосохранения мало. Он еще должен постоянно поддерживать свой высокий боевой дух.* Впрочем, как повествует главная из древних романтических легенд, авторство утверждения: «ГРУЗИЯ – РОДИНА ВИНА!» принадлежит вовсе не ЧЕЛОВЕКУ, а самому ВСЕВЫШНЕМУ. Согласно дошедшему до наших дней преданию, КОГДА-ТО, ОЧЕНЬ ДАВНО, ГОСПОДЬ ЛИЧНО ПОЧТИЛ СВОИМ ПРИСУТСТВИЕМ ГРУЗИНСКУЮ ЗЕМЛЮ И СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ ПОСАДИЛ НА НЕЙ СВЯТУЮ ЛОЗУ. Все это случилось на глазах у работавшего в поле юного крестьянина. Сухая лоза за считанные мгновения превратилась в ветвистый ярко-зеленый куст с золотистыми ягодами, в которых не просто отражалось солнце – в них изнутри горел огонь. Юноша попытался было приблизиться к этому чуду, но не смог: ноги его не слушались. От изумления он хотел закричать, но неожиданно пропал голос. Не понимая, что происходит, он разволновался. Ведь ничего подобного он никогда ранее не переживал. БОГ пристально посмотрел юноше в глаза и нашел в них не испуг – в них светилась искренность. Тогда ОН не стал мучить его томительным ожиданием и САМ сделал несколько шагов навстречу ЧЕЛОВЕКУ. ОН вернул ему силы и попросил принести воды. До ближайшего ручья было рукой подать. А когда БОГ жажду свою утолил, то опустевшую чашу наполнил нежным соком волшебных золотистых ягод и протянул ее юноше. Юноша с благодарностью принял дар и, отпив всего глоток, сразу ощутил прилив каких-то странных, удивительных чувств. Их невозможно было выразить. Их нельзя было ни с чем сравнить. Их можно было только испытать. Юноше захотелось немедленно поделиться этими чувствами со всеми своими братьями. Он начал громко звать каждого поименно, и на сей настойчивый призыв дружным хором ответили все горы и долины.

Отовсюду, прервав работу, потянулись люди. Шли они размеренно, длинными вереницами, пока не собрался воедино весь грузинский народ. Все по очереди пробовали неведомый доселе напиток. Все по очереди приходили в восторг. *БОГУ понравилась реакция людей. БОГУ понравилось, что людской вкус совпал с ЕГО вкусом.* И, окончательно уверовав в ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЧУТКОСТЬ, решил всех живших в этих краях осчастливить. Вот тогда ЕГО уста и произнесли отдававшее медным эхом во вселенной воистину сакральное восклицание: «ГРУЗИЯ – РОДИНА ВИНА!» С тех незапамятных пор райские виноградники разрослись по всей плодородной грузинской земле. Они во все времена кормили и поили нацию. Они быстро и всегда превратились в ее главное богатство. Работа на них стала основным занятием для большинства грузин, которые трудились от зари до зари и при этом никогда не переставали благодарить БОГА. И хотя в свое время ОН произнес лишь одну-единственную фразу, ее оказалось достаточно, чтобы в их памяти навечно запечатлелся ОБРАЗ ПРИНЕСШЕГО ИМ ДАР. *Приняв крещением сплетенным из лозы крестом, грузины по сей день относятся к винограду не просто как к кустарнику, на котором вызревают вкусные сочные ягоды, а как к СВЯТОМУ ДЕРЕВУ. И вино они то и дело величают СВЯТЫМ НАПИТКОМ. ПРИЧЕМ В СЛОВАХ ЭТИХ – НЕ ТОЛЬКО ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ. В НИХ – СУТЬ ИХ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ – ВЕРЫ В БОГА И В САМИХ СЕБЯ.* Правда, нелюбители сей пьянящей святости среди грузин изредка тоже встречаются, однако прилюдно они своей чудаковатой особенностью стесняются и стараются ее скрывать или, по крайней мере, ею не бравировать. Чтобы их ни в коем случае не заподозрили в злостном пренебрежении славными обычаями предков. Чтобы их публично не упрекали в равнодушии, эгоизме, а может, и того хуже – в отщепенстве. За каждым столом из чинного множества САМЫХ НАСТОЯЩИХ ГРУЗИН неизменно находится ЧТО НИ НА ЕСТЬ САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ, которого по велению всего стола обязывают следить за исполнением НАЦИОНАЛЬНОГО РИТУАЛА НОМЕР №1. БОЛЬШИНСТВО ответственно

подходит к вопросам такого рода и, в общем-то, без споров, быстро утверждает этого САМОГО-САМОГО в ратном статусе предводителя застольных батальи. Даже если кто-то вдруг не совсем доверяет ему лично, как человеку, о «нюансах» временно забывают. РАДИ БОЛЬШОЙ ИГРЫ ему временно все прощают. ГЕРОЯ ИЗ ГЕРОЕВ ХОР ПРОВОЗГЛАШАЕТ ПРЕДВОДИТЕЛЕМ СТОЛА. ГЕРОЯ ИЗ ГЕРОЕВ ХОР ТОРЖЕСТВЕННО ОБЪЯВЛЯЕТ ТАМАДОЙ. Все тут же попадают под его власть. Что, по сути, означает – в плен. ТАМАДЕ позволено многое. И ТАМАДА многое себе позволяет. Он может в полный голос обвинить любого непьющего в ущербном патриотизме. Или в неуважении к предкам, или в непохожести на остальных, или, что считается особо жестоким, просто в мужской слабости. Доказательств, увы, никогда не требуется. Ораторские способности ТАМАДЫ и есть само доказательство. А там недалеко и до символично показательного исключения из числа грузин. Пускай даже на время застолья. Пускай даже в жанре трагикомического фарса. И почти всегда, когда возникают подобные нешуточные «конфликты», решаются они болезненно. Либо человека уговорами все-таки заставляют пить, взывая к его грузинской совести, либо он на весь день лишается права на слово, настроив против себя остальной мир – МИР ПЬЮЩИХ. Веские причины и обиды в расчет не идут. Слишком они мелки и неубедительны по сравнению со всей ГРУЗИНСКОЙ ИСТОРИЕЙ. Да и ввязываться в заранее бесполезную, но небезопасную полемику, как правило, никто не рискует. Попытаться оправдаться глупо и бессмысленно – все равно не оправдаешься. ТАМАДА не позволит. Можно только усугубить ситуацию, навсегда подорвав свой авторитет. Поэтому вслед каждому тосту бокалы поднимают все, и со стороны разница в поведении присутствующих в глаза не бросается. Ни в хаотичности жестов, ни в азартности одобрительных выкриков, ни в ярости улыбок и бодрой готовности к тосту следующему. Основная масса обычно действительно пьет, хотя некоторые лишь умело делают вид. Молясь, чтобы беспощадный ТАМАДА сам скорее напился и не обращал на

них внимание. В надежде, что и на этот раз БОГ помилует. Тем не менее и те и другие держатся одинаково уверенно, одинаково достойно. И те и другие одинаково энергично демонстрируют чувство исполненного долга. Потому как закон есть закон. Вино в Грузии всегда имело статус ОСНОВНОГО ЗАКОНА. И, пожалуй, ЕДИНСТВЕННОГО, который никто никогда не любил и не любит нарушать. ГРУЗИЯ – СТРАНА СТРОГОЙ ЗАСТОЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ! ГРУЗИЯ – СТРАНА ОБРАЗЦОВОГО ЗАСТОЛЬНОГО ПОРЯДКА! ГРУЗИЯ – РОДИНА ВИНА! Однако здесь его не просто делают и не просто пьют. Здесь все, что с ним связано, издавна стало ЖИЗНЕННО ВАЖНЫМ ПРОЦЕССОМ, претендующим на бесконечный праздник для каждого, изо дня в день. Конечно, вино можно не пить по каким-то личным причинам, тем не менее даже трезвеннику невозможно не опьянеть за всеобщим столом. Уже сама атмосфера принуждает к перевоплощению. *Потому что вино для грузин – это врожденная страсть, которой они не способны сопротивляться.* Оно дарит им новые силы и чувства. Оно находит общий язык с их секретами, слабостями и прихотями. Оно без оглядки на совесть и разум зачастую откровенно провоцирует. Может быть, поэтому они иногда придают завоеванной ими свободе совсем неожиданные формы. Может, благодаря именно вину большинство из них превращается в мирное время из прирожденных солдат в ВОЛЬНЫХ ХУДОЖНИКОВ. Наиболее слезливо-сентиментальные и впечатлительные чужеземцы, попадая в эти загадочные для себя широты, порой не зная местных традиций и не понимая местной речи, всегда неистово восторгаются: *«В ГРУЗИИ ПОЮТ ВИНО!!!» «В ГРУЗИИ РИСУЮТ ВИНО!!!» «В ГРУЗИИ ЛЕПЯТ ВИНО!!!» «В ГРУЗИИ ВИНО ПРЕВРАЩАЮТ В ИСКУССТВО!!!»* Восторги эти вполне заслужены и даже объяснимы. Зритель по своему характеру, прежде всего, эстет. Он воспринимает внешнюю красоту театрального представления, а не ту суровую серьезность, которая в него вкладывается. Чего на самом деле стоит эта красота, для него совершенно не важно. Да и зачем об этом знать чужим людям? К тому же, неизвестно, способны

ли они все понять верно – отличить смех от насмешки, улыбку от гримасы, угрозу от безобидной потехи? ИСТИННАЯ ЦЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КРАСОТЫ ДОЛЖНА ВСЕГДА ОСТАВАТЬСЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТАЙНОЙ. Какой смысл постороннему зарываться в нее слишком глубоко? Ведь так недолго докопаться до разочарования, которое может прийти на смену любому восхищению. И от которого потом, к сожалению, будет уже очень трудно избавиться. *Не нужно быть чересчур требовательным к своему кумиру. Нужно быть снисходительнее. Нужно уметь щадить и его, и, не в последнюю очередь, себя.* ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКОДУШИЕ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКОСЕРДИЕ! А ВМЕСТЕ С НИМИ ЖИВОПИСНЫЕ ФАНТАЗИИ И СКАЗКИ! Без всего этого человеческая жизнь была бы совсем молчаливой и совсем скучной, а как следствие, еще бессмысленнее, никчемнее, тупее. ДА ЗДРАВСТВУЕТ РОДИНА ВИНА! НЕ СУЩЕСТВОВАТЬ ГРУЗИИ БЕЗ ВИНА! ГРУЗИЯ – РОДИНА ОСОБОГО, ГРУЗИНСКОГО ВИНА!

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

*Я в небо синее смотрю.
Там птицы гордые летают.
Я не летаю, но я знаю –
Когда-нибудь я полечу...*

Если бы угадать заранее, что сохранит твоя память, тогда, наверное, старость потеряла б свой единственный смысл.
(Из собственных предположений)

Лишь спустя несколько месяцев улеглось потрясение, связанное с появлением в доме контрабаса. Куда лучше его пристроить, волновало всех. Спорили часто и громко, после чего друг с другом иногда даже не разговаривали. В конце концов все уgomонились и в один из вечеров пришли к согласию, найдя ему постоянное и надежное убежище. Так что из комнаты в комнату, из угла в угол таскать его перестали.

Никто больше не жаловался ни на его странновато-неудобные формы, ни на его с трудом обхватываемые габариты. *Контрабас навсегда обрел свое законное место.* Которое ему самому поначалу, может, и не очень-то понравилось, однако к которому он быстро привык и у которого обнаружилось вдруг неоспоримые преимущества. Главное, что под кроватью его нынешнего хозяина, кроме самого хозяина, его никто не беспокоил. Даже полы в своей комнате ЮНЫЙ РОМАНТИК взялся мыть собственноручно, без напоминаний и чаще, чем в том была необходимость. От чего чувствовал себя не только взрослее, но и получал от этого удовольствие. Теперь в дни, когда до музыкальных экспериментов дело не доходило, инструмент мог мирно пребывать в полном одиночестве. Не попадая ни под чье хорошее или плохое настроение. Не привлекая к собственной персоне порой надоедавшего беспричинного внимания. Причем теснота была для него намного предпочтительнее и достойнее, чем молчаливое стояние без дела на виду у всех. Тяжело ему было превращаться в неостребованную часть ни на что не вдохновлявшего интерьера. Никак не вписывался «породистый» статный контрабас в общую компанию с угрюмой черной мебелью и безликой домашней утварью. А то, что периодически приходилось безвылазно лежать под кроватью по несколько дней подряд – в этом не было ничего страшного. *Одиночество – не ОДИНОЧЕСТВО, если есть надежда, что оно скоро закончится.* Тем более что каждый Божий вечер эта надежда неукоснительно сбывалась. Уже перед сном, сняв с постели свисавшее до пола покрывало, в убежище к контрабасу обязательно заглядывал его хозяин, сочувствующий взгляд которого означал: НЕ БОЙСЯ. Я – ЗДЕСЬ. Я – РЯДОМ. И ЮНЫЙ РОМАНТИК ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛ ВСЕГДА РЯДОМ. Правда, первое время Иракий редко отваживался брать в руки смычок. Порывался, конечно, много раз, однако в последний миг останавливал страх – вдруг не получится по-настоящему, как хочется. А хотелось ведь именно по-настоящему... и сразу. Даже тогда, когда не получалось ну ничего. Даже тогда, когда

отчаяние затмевало в душе все остальные детские чувства. Может, потому уныние проходило довольно быстро. А интуиция вновь и вновь повторяла одно и то же: играть можно научиться, играть нужно научиться. Другого выхода у Ираклия не было. Иначе его ждало не детское поражение. Но разве мог он смириться с бесславной участью? ЮНЫЙ РОМАНТИК стал настраиваться на учебу как на решающее сражение. ОН ГОТОВИЛСЯ ВСТУПИТЬ В БОРЬБУ. ВСЕ, ЧТО НЕОБХОДИМО БЫЛО ДЛЯ ПОБЕДЫ, У НЕГО БЫЛО – КОНТРАБАС И МЕЧТА. ОСТАВАЛОСЬ СОЕДИНИТЬ ИХ В ОДНО ЦЕЛОЕ. У Ираклия наступила новая жизнь. Ираклий начал учиться. У того самого знакомого отца, по инициативе которого появился в доме контрабас. К сожалению, характером учитель оказался не из тех, с кем можно было общаться на равных, без трепета и опасений. О дружбе вообще не шла речь. Иногда даже трудновато было по-человечески его вытерпеть. Приходил он, когда заблагорассудится. В непредсказуемом настроении. Как правило, после очередного застолья. Тяжело было с ним разговаривать. Еще тяжелее было чему-то у него учиться. Но Ираклий проявлял почти философское хладнокровие. И в награду за терпеливость в конце каждого занятия его ждало ДЕЙСТВО. За считанные секунды все менялось. Учитель лишь важно произносил любимую сентенцию: *«Хороший музыкант хорош в любом состоянии. Хватило бы сил держать инструмент. И был бы рядом достойный слушатель...»* После этого Ираклий замирал. Он забывал о самом учителе. Перед его глазами мелькали только его руки и смычок. Он забывал обо всем на свете. ИРАКЛИЙ СЛУШАЛ. Не замечая абсолютно ничего, что не касалось контрабаса. Он учился. Учился играть. Учился владеть не только ИНСТРУМЕНТОМ, но и своими чувствами. ИРАКЛИЙ СЛУШАЛ. И каждый раз представлял, будто слушает самого себя. Будто это и есть его собственное исполнение. В благодарности за такие минуты он даже прощал учителю его пьянство. А когда тот, не говоря на прощание ни слова, под хлипкие звуки колокола еле-еле закрывал за собой калитку, ему становилось его искренне жалко. Жалко и стыдно за свое

же к нему отношение. Ведь контрабасом он был обязан именно этому пьянице. Ведь это он познакомил его с музыкой, о существовании которой ЮНЫЙ РОМАНТИК еще совсем недавно даже не предполагал. Но которую успел полюбить. И КОГДА-НИБУДЬ, БЛАГОДАРЯ ИМЕННО СВОЕМУ УЧИТЕЛЮ, ОН ПОЛНОПРАВНО И НАВСЕГДА ВОЙДЕТ В МИР, ПРИОТКРЫВШИЙСЯ ДЛЯ НЕГО ПОКА ЛИШЬ ЧУТЬ-ЧУТЬ. В МИР ДРУГОЙ МУЗЫКИ. С первыми навыками к Ираклию постепенно приходила и уверенность в себе, точнее, в своей будущей ПОБЕДЕ. От бывшего страха не осталось и следа. Даже уставая от занятий, он не прятал инструмент сразу под кровать, а в одиночку, мучительно и осторожно продолжал его бережно приручать, стараясь соединить порхающие разрозненные звуки в нечто целое и связанное, осмысленное, правдоподобное. Потрясающая его игра учителя не давала покоя. Некоторые из мелодий он потом тихо напевал, представляя при этом движения собственных рук. А если вдруг что-то забывал, не боялся сходу придумать лихое незамысловатое продолжение. Фантазировал, фантазировал, фантазировал. Иногда ему казалось, что учитель тоже часто фантазирует. Не мог же он помнить все наизусть. *Неужели кто-нибудь еще в Тбилиси умел играть так, как его учитель? Неужели кто-нибудь еще в Тбилиси мечтал научиться у него так играть?* В обнимку с контрабасом Ираклий стал проводить часы напролет. Стараясь, пускай и во многом как ребенок, но зато уже с настоящими взрослыми амбициями, повторять движение за движением, слепо подражать своему неподражаемому учителю. И хотя далеко не все ладилось так, как велел слух, совсем не это оказывалось в итоге самым сложным. Еще сложнее было разбираться в принесенных учителем больших толстых тетрадах и в тех записях, которые он делал прямо на полях страниц. Да, большинство из них он чаще всего объяснял, но о некоторых упоминал лишь мимоходом. И к тому же не выносил, когда его переспрашивают. Не важно, по какой причине. Повторять дважды у него попросту не хватало сил, поэтому он всегда злился, даже забывая, что перед ним подросток. Потом, когда

Ираклий оставался с тетрадами наедине, наступал его черед злиться и заочно издеваться над учителем – за его неразборчивый почерк и несносный характер. Правда, символическая ответная злобность исчезала быстро. До серьезных обид дело не доходило. Желание научиться играть заслоняло все остальные эмоции. Задания должны были выполняться. И они строго-настрого выполнялись. Тем более что в этих тетрадах, как подозревал Ираклий, скрывалась одна из главных тайн музыки. Оказывается, звуки можно было записывать на бумаге специальными знаками. Значит, любую мелодию можно было не только услышать, но и прочесть. Ее даже можно было молча исполнить. Это с трудом укладывалось в голове ЮНОГО РОМАНТИКА. В это невозможно было бы поверить, если бы нельзя было самому попробовать. Все прежние представления Ираклия о музыке потеряли значение и смысл. Смысл отныне стал заключаться только в музыке новой. Учитель как-то раз, в порыве гнева, так и сказал: «НЕ ДОСТИГНЕШЬ НИЧЕГО, ЕСЛИ НЕ ПОСТИГНЕШЬ ЭТИ ЗНАКИ». И ЮНЫЙ РОМАНТИК, КАК МОГ, ИХ ПОСТИГАЛ. ЮНЫЙ РОМАНТИК ХОТЕЛ ДОСТИЧЬ МНОГОГО. Уже на своем следующем дне рождения, на котором музыкального народу собралось не меньше, чем на предыдущем, он сыграл четыре короткие безымянные мелодии. То есть все, чему успел выучиться за год. И кто б предвидел. Восторг публики был неописуем. Дошло до выкриков и свиста. Все жаждали продолжения концерта. Все требовали, по крайней мере, немедленного повтора услышанного. Поэтому то же самое пришлось исполнить еще не один раз. И после каждого исполнения реакция не менялась. Несмотря на меланхоличность звучавшей музыки, сам факт выступления именинника действовал на гостей возбуждающе. Даже после того, как уставший и смущенный Ираклий вернулся за стол, они продолжали бушевать. Веселись-развлекайся в свое удовольствие. Конечно, отбоя не в меру проливалось вино. Конечно, опять не было избытка от пьяных мужских клятв, обаяний и слонявых поцелуев. Тамаде стоило больших усилий восстановить

должное приличие и порядок. УЧИТЕЛЬ же и быстро успокоившийся УЧЕНИК чувствовали себя в тот вечер на высоте. И, наверное, впервые за год их знакомства даже обменялись между собой едва заметными улыбками. Но за весь вечер ни единым словом так и не обмолвились. Они сидели в разных концах стола и рядом ни разу так и не оказались. Хотя, судя по всему, ни сам УЧИТЕЛЬ, ни УЧЕНИК к этому и не стремились. Обмена случайными взглядами им вполне хватало. Да, им было с чем друг друга поздравить, однако *каждый из них, в первую очередь, думал о СОБСТВЕННЫХ ЗАСЛУГАХ. Каждый из них был в плену СОБСТВЕННОГО ЭГОИЗМА.* Оттого общую победу они не ощущали ОБЩЕЙ и предпочитали праздновать ее порознь. А спустя всего неделю, уже на следующем занятии, никто из них даже не вспомнил о триумфе на дне рождения. И это было лучшим выходом из положения. Чтобы не смущаться самому и не смущать другого. Будто никакого праздника не было и в помине. Будто не было представления и публичного признания. УЧИТЕЛЬ и УЧЕНИК тогда еще не знали, что оставалось общаться считанные месяцы. Недолгому учительству-ученичеству подходил конец. И впоследствии их судьбы никогда не соприкоснутся. ПРИБЛИЖАЛСЯ ПЕРВЫЙ СТРАШНЫЙ ДЕНЬ ИРАКЛИЯ – ДЕНЬ СМЕРТИ ОТЦА. После которого учитель неожиданно пропал и больше не переступал порога дома. Его не было ни на панихиде, ни на похоронах, ни на поминках. Вряд ли кто-то в жуткой траурной суматохе обратил на это внимание. Ираклий же этого не заметил не мог. Не появился учитель и потом, позже, ВО ВТОРОЙ ЕГО СТРАШНЫЙ ДЕНЬ, когда уже умерла мать. Но Ираклий надежду не терял и еще долго ждал СВОЕГО УЧИТЕЛЯ. Каждый день, не один год, в любую минуту. И не дождался. До самой смерти он не переставал изводить себя мыслью: было ли это связано со смертью отца или оказалось роковым совпадением? Была ли тут хоть в чем-то его личная вина? УЧИТЕЛЬ исчез из жизни УЧЕНИКА. Исчез так же странно и загадочно, как в ней появился. И даже слухи о нем до Ираклия никогда не доходили.

ЕДИНСТВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОГО ИРАКЛИЙ ДОПУСКАЛ НА СВОЮ ТЕРРИТОРИЮ ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТИЙ НА КОНТРАБАСЕ, БЫЛ ЕГО ДРУГ ЛЕВАН. Только ради него не грех было на пару минут отвлечься. Только в его присутствии он продолжал играть с той же проникновенностью, что и до его появления: спокойно, не сбиваясь с ритма, не стесняясь своих ошибок. И самое главное – ни во время, ни после занятий Леван никогда не давал оценок звучавшей музыке или исполнению. Без сомнения, это делало ему честь и даже поднимало его авторитет в глазах друга, отличая от очень многих, перед кем Ираклию приходилось музицировать. Хотя слушал Леван любое исполнение и внимательнее, и терпеливее других. Может быть, и больше других он имел право на выражение собственного мнения вслух. При этом он не скрывал своего отношения к музыке Ираклия, по сути мало чем отличавшегося от отношения к нему как к другу. Крепче привязанности у него не было. И этим все было сказано. Однако хвалить, советовать или делать замечания он себе не позволял. Даже намеками. Даже в шуточной форме. Даже тогда, когда это выглядело уместно и напрашивалось само собой. Леван боялся, что его словам может вдруг не хватить точности, а чувствам – ясности. Что он ненамеренно может ввести друга, а заодно и себя, в заблуждение. В «мутных» звуках контрабаса было довольно легко запутаться, а то и вовсе потеряться. Так что Леван иногда толком не соображал, насколько они с Ираклием слышат и чувствуют этот не всегда послушный инструмент одинаково? Тем более, у «маэстро» Ираклия был свой, независимый, совершенно непредсказуемый взгляд на МУЗЫКУ. И, скорее всего, как в любой иной жизненной ситуации, он отставал бы его до конца: либо оппонент с ним соглашается, либо создает видимость согласия, либо замолкает. Вот почему при общении вспыльчивого Ираклия с людьми почти всегда была неизбежна цепная реакция: обмен мнениями – спор – конфликт. По разным поводам и причинам, не говоря уже о музыке. Поэтому нетрудно предположить, чем такой конфликт мог закончиться.

Даже возникнув из-за пустяка. Даже с единственным другом. В лучшем случае – нелепыми оправданиями на повышенных тонах вперемешку со столь же нелепыми извинениями, ну а в худшем – ссорой. С последующими взаимными обидами, злостью и переживаниями. Леван слишком хорошо знал оба характера, их вспыльчивость. Поэтому предпочитал не рисковать. Он предпочитал мир. Мнение мнением, интуиция интуицией, но гораздо разумнее было держать их при себе, в тайне. *Уж чересчур сложной оказалась эта вещь – МУЗЫКА. Чересчур велика была вероятность испортить из-за нее отношения с другом.* ВОТ ПОЧЕМУ ИЗНАЧАЛЬНО ЛЕВАН ВЫБРАЛ БЕСПРОИГРЫШНУЮ ТАКТИКУ МОЛЧАНИЯ. Впрочем, у молчания имелись и другие, не менее серьезные причины. Повторять, как большинство, с умным видом одни и те же комплименты рано или поздно все равно бы надоело. Да и Ираклий просто перестал бы обращать на них внимание. Говорить же о недостатках, самому не умея сыграть ни единого аккорда, выглядело бы, по крайней мере, неубедительно. И потом Леван наверняка пожалел бы о сказанном. Не стоило нарушать равновесие. Несмотря на то, что музыка принадлежала им обоим, не имел он права вмешиваться в нее. Даже с добрым сердцем и благими побуждениями. Потому что только при этом условии она оставалась их ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ. Бывало и так, что после не совсем удачной игры, в следующий раз у Ираклия все получалось намного лучше. Он по-настоящему учился. Он старался изо всех сил и чувств. Причем не только во имя себя, но и во имя своего единственного слушателя. А если вдруг, вопреки сложившейся привычке, Ираклий неожиданно сам начинал задавать вопросы, то ответы у Левана постоянно получались умшенленно-невнятными, умшенленно-скупыми, умшенленно-нейтральными. КТО ИГРАЕТ, ТОМУ ДОЛЖНО БЫТЬ И ВИДНЕЕ. ЗАЧЕМ МУЗЫКАНТУ МНЕНИЕ НЕ МУЗЫКАНТА? НЕ МНЕ СУДИТЬ, МНЕ – СЛУШАТЬ. И дальновидного Левана, по большому счету, трудно было опровергнуть. Именно благодаря своему таинственному молчанию он с юности стал для романтика Ираклия тем верным,

незаменимым НАСТОЯЩИМ СЛУШАТЕЛЕМ, о каком когда-то давно рассуждал УЧИТЕЛЬ и какого, по его убеждению, было счастьем иметь рядом. Иных достойных претендентов на это высокое звание и место не существовало. Слишком невыразительны были для него все остальные. Слишком одинаковые чувства он к ним ко всем испытывал. Да и не верилось, что Ираклий мог остановить свой выбор на ком-то другом. Вряд ли он так играл бы для кого-нибудь еще. И хотя Левану он никогда об этом не говорил, на протяжении всей своей исполнительской жизни он это подразумевал.

МОЛЧАНИЕ ПОДЧАС – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ХАРАКТЕР.
ПОДЧАС – ЭТО ПОСТУПОК. После смерти родителей Ираклий при чужих людях к контрабасу не притрагивался. Как бы его ни уговаривали. И кто бы ни уговаривал. Отказывал он всем подряд. И при этом всех, конечно, разочаровывал. Особенно тех, кому однажды уже посчастливилось стать свидетелем его игры. Однако ни восхищение его давним дебютом, ни добрая память об отце и матери не могли поколебать его твердости. И во имя этой доброй памяти, в первую очередь. А в ответ на чужую настойчивость, которая лишь резко портила ему настроение, он еще больше отгораживался от людей. Не хотел он воскрешать из прошлого когда-то нашумевшие дни рождения с концертами. Не позволял он себе на виду у посторонних возвращаться к тогдашним мыслям и волнениям. С тех пор не только Ираклий стал другим. С тех пор и его музыка стала другой. Мир же в его глазах не менялся. Ираклий редко обращал на него внимание. Потому что от воспоминаний о праздниках, НАВСЕГДА ПЕРЕСТАВШИХ БЫТЬ ПРАЗДНИКАМИ, на душе сразу становилось горестно и тоскливо. Не вернуть уже было родителей. Как и не услышать было великого мастерства учителя. А звучавшие в те знаменитые вечера хвалебные тирады, бурные аплодисменты, пьянорожие признания в любви теперь бы лишь раздражали. И своей похожестью на все иные подобные застолья. И своей непохожестью на подлинное признание. Теперь же вслед за финальным звуком контрабаса Ираклию необходима была тишина. Только она могла стать

естественным продолжением его музыки. Только ей можно было полностью доверять. И тянуться она должна была до тех пор, пока Ираклий не заговорит первым. Пока он лично не объявит о своем возвращении в реальность. Вот почему молчание всегда неподвижно сидевшего напротив Левана было для него настоящим подарком. *Молчание, которое стоило гораздо дороже любого чужого комплимента. Молчание, которое длилось всю жизнь.* Сам же Леван, в отличие от своего друга, в себе и в людях так глубоко никогда не копался. Это не доставляло ему удовольствия, и он избегал сего изнурительного и неблагодарного занятия. А когда стоик Ираклий заводил непонятно-нудные разговоры, пытался ненавязчиво сменить тему или хотя бы общий настрой. Редко, но иногда у Левана получалось. Его характер был устроен несколько по-другому и несколько по-другому, нежели Ираклий, он смотрел на мир. Любой конкретный поступок был для него куда важнее, чем пространные рассуждения о нем. Относилось это ко всему и ко всем, в том числе, к отношениям с другом Ираклием. Леван не любил излишней серьезности. Он никогда не выискивал причин, ошибок и поводов. Он предпочитал действовать – да, наивно, искренне и упрямо. Да, может, не всегда осмысленно, но всегда уверенно. С детства подразумевая под настоящей дружбой, помимо взаимной преданности, стремление друг друга удивлять. Нередко, услышав музыку издалека и тихо подойдя к калитке Ираклия, он не торопился ее открывать. Лишь дождавшись момента, когда поблизости не окажется прохожих, он осторожно перемахивал через забор. И делал все столь умеючи, что его не замечал ни его друг, ни висевший на страже колокол. При этом сразу в дом он обычно не заходил. Притаившись, он караулил Ираклия у двери, пока тот не устанет от контрабаса и сам не выйдет во двор. Зато сколько громового веселья было потом. Будто случайно столкнувшись лицом к лицу, они смеялись взахлеб. ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ – от обиды, что опять попался на хитрость, а его друг – от радости, что эта хитрость опять сработала. «Я чувствовал, что ты здесь... Чувствовал, когда играл... Не

веришь?.. Правда... Чего встал?.. Заходи... Послушаешь... Может быть, тебе и понравится... Потерпи... А через полчаса мы придумаем что-нибудь вместе...» Леван в очередной раз победно входил – гордый, довольный, польщенный. В очередной раз все начиналось заново. Оба друга порой не замечали, как полчаса растягивались на целых полдня, полвечера или полночи. Не заметили они и того, как сумасшедшая молодость постепенно стала неподражаемым прошлым. ВРЕМЕНИ ДЛЯ НИХ НЕ СУЩЕСТВОВАЛО, ТАК КАК НАДОЛГО ОНО НИКОГДА ИХ НЕ РАЗЛУЧАЛО. ДА И КАК ОНО МОГЛО ИХ РАЗЛУЧИТЬ? РАЗВЕ ПРОЖИЛИ БЫ ОНИ ДРУГ БЕЗ ДРУГА: ИРАКЛИЙ – КОНТРАБАС – ЛЕВАН?

– Странно получается... Чем старше становишься, тем навязчивее всплывают перед глазами обрывки детства... Никуда от них не деться... Тянут и тянут постоянно назад... Каждый день что-нибудь новое привидится... И по ночам покоя от них нет...

– А что тут плохого?..

– Да, но для других воспоминаний совсем времени не остается... Будто самой жизни и вовсе не было... Будто из далекого детства мы сразу в старость перескочили... У тебя тоже так?..

– У всех людей все одинаково...

– Меня не интересуют все... Скажи мне, что ты об этом думаешь?..

– Это БОГ нам напоминает о наших самых светлых минутах...

– Выходит, мы тогда зря жизнь прожили?..

– Почему зря?..

– Если все светлое осталось только там, в детстве... Разве взрослым каждый из нас не был счастливым?..

– Был, конечно, был... Но БОГУ все равно виднее... ОН лучше знает...

– Ты не настраивай меня против БОГА... Я сейчас не с БОГОМ разговариваю, а с тобой...

– Ничего нового тебе не открою... Чем мы отличаемся от других стариков?.. Или от наших предков?.. Коль у них так

было, значит, и у нас так будет... А если у нас так будет, значит, и у них тоже так было...

– Откуда ты знаешь, как у них было?..

– Мой дед, бывало, что-то мне рассказывал... Потом я с другими говорил, такими же стариками, как мы... Те в свою очередь со своими дедушками когда-то говорили, а те – со своими... И так далее... Продолжать можно сколько угодно... Чем не убедительно?..

– Я не о том...

– Послушай, ну какой грузин не знает, как жили его деды-прадеды... Что чувствовали... С какими мыслями умирали...

– Я не о сказках сейчас говорю...

– Жизнь грузина всегда была сказкой, которой нужно гордиться... Мы же все – из сказок... Когда речь идет о настоящем грузине, конечно...

– Гордиться перед кем-то – одно дело... А как быть перед самим собой?..

– Чего зря мучиться?..

– Хочется иногда понять то, что до сих пор осталось непонятым... Тревожно на душе бывает... Вдруг я кого-то напрасно обидел?.. Или недооценил чье-то добро?.. А может, вообще это добро не заметил... Неужели к тебе такие мысли не приходят?..

– Что толку, даже если и приходят?..

– Разве тебя не тянет покаяться в старых ошибках?..

– Нет, не тянет...

– И тебе не бывает вдруг за что-то обидно?..

– Нет, не бывает...

– И не жалеешь ни о чем?..

– Нет, не жалею... И не жалел никогда... И не буду жалеть... Я не знаю такого чувства... Меня оно, слава БОГУ, миновало...

– Не верю тебе...

– Слушай, не изводи себя пустяками... Налей лучше еще вина... Съешь что-нибудь... И побереги последние нервы... Доживай свой век мирно... Как раньше жил... Не верти головой зря по сторонам... Радуйся всему, что видишь... Радуйся всему, что слышишь...

– Дожить не сложно... Это единственное, на что я еще способен... Но не хочется уходить, в чем-то так и не разобравшись...

– Смотри, новых ошибок не наделай...

– Об этом я тоже думаю...

– Исправлять их уже будет некогда... Пора б оставить прошлое там, в прошлом... Если жил честно, и так все ясно... Иначе – поздно...

– Раньше казалось, что честно... А сейчас время от времени сомневаюсь...

– А ты не сомневайся...

– Не получается... Старость – время сомнений...

– Сомневайся, не сомневайся, только одному БОГУ все известно... ОН-то знает, как ты жил... Знает, чего ты стоишь... А будешь ты лучше к себе относиться или хуже, какая ЕМУ разница?.. У НЕГО давно сложилось отношение и к тебе, и ко мне, и ко всем...

– Я сейчас не о БОГЕ... Сейчас я думаю о том, что буду ЕМУ говорить, когда ЕГО встречу...

– Не гадай заранее... Может быть, ОН с тобой даже разговаривать не станет... Может быть, эту честь еще заслужить надо...

– Нет... БОГ дал нам жизнь из СВОИХ рук, поэтому назад ОН ее возьмет тоже из рук, но уже из наших... Потому что БОГ ведь не просто создал человека... ОН уважает человека... ОН любит человека... Неужели ты этого еще не понял?..

– Любит-то, да... Но вот каждого ли?..

– Да-да... Каждого... Даже того, кто в НЕГО не верит и ЕГО не любит...

– Успокойся... Если каждого, значит, тогда и с тобой говорить будет... Погоди, придет и твой час... Не надо торопиться... Вдруг еще поживешь... Вдруг потом что-то умное тебя осенит... А ты, оказывается, для себя уже все окончательно решил... Подвел итоги... Вот что тогда?.. Надежды померкнут, замыслы перепутаются... Начнешь заново думать... Опять мучения... Правда, не торопись... БОГУ не нужны твои оправдания... Может, ОН просто захочет

от тебя что-то доброе услышать... Может, только захочет улыбку твою увидеть... Если ОН всех нас любит, значит, ЕМУ в ответ любовь наша нужна... Не торопись, Ираклий... Не помню, чтоб ты хоть раз в жизни куда-то торопился... Так сейчас чего вдруг зарзал... Возьми себя в руки... И послушай Левана... Как единственный друг своего единственного друга...

– Нет, я не тороплюсь, оно само получается... Смерть, наверное, подгоняет...

– Не обращай на нее внимание, она давно за нами ходит... Чем ей еще заниматься?.. Не мы первые, не мы последние...

– Хотелось бы успеть собраться с мыслями... Надо же как-то к ней подготовиться... Сколько раз тебе говорил: я не хочу, чтоб она меня врасплох застала...

– О, подготовиться мы еще успеем!.. Давай-ка лучше сперва за Грузию выпьем...

– Кто знает, может быть, ты и прав...

– Кто пьет за Грузию, тот всегда прав...

– Я не об этом...

– А я об этом... Да здравствует Грузия!..

– Хорошо... Пусть будет по-твоему...

– Гаумарджос!..

– Гаумарджос!..

– Видишь, ты улыбнулся... И у тебя сразу настроение поднялось...

– Просто ты мне его постоянно то портишь, то потом поднимаешь... Это у тебя характер такой... Любишь ты на нервах поиграть...

– Не во мне дело... Вот спроси перед сном у святого Георгия... Он же всех нас насквозь видит... Когда грузин пьет за Грузию, то прилив крови ощущает... В его душе радость рождается

– Что же мы без нее, без Грузии нашей, делать там наверху будем?..

– Не бойся, мы без Грузии и там не останемся...

– Она что, за нами на небеса отправится?..

– Зачем, эта Грузия потомкам останется... Мы в ней

пожили... Пусть другие поживут...

– А где другую взять?..

– Если БОГ нам, простым смертным, подарил такой сказочный край, неужели ОН там ничего похожего не создал?.. Неужели там нет винограда, как у нас?.. Или нет вина, как у нас?.. Не звучат песни, как у нас?.. Неужели там нет радости, какую мы испытываем в нашей жизни?.. Неужели БОГ не умеет веселиться, как умеем веселиться мы, грузины?.. Или, ты думаешь, ОН не умеет плакать от счастья, как иногда плачем мы?.. Нельзя другого научить тому, чего сам не умеешь... Я никогда в это не поверю... Ведь все, что нам дано, дано от БОГА... Все-все чувства, которые мы каждый день, каждый час и миг испытываем – ЕГО чувства... Никто, конечно, не знает, почему это так, но это на самом деле так... И, может быть, настоящая Грузия как раз там, на небесах... А здесь, на земле, только ее отражение...

– Да, таким оптимистом ты еще никогда не был...

– Это лучший способ не думать о смерти...

– Наоборот... Меня не обманешь... Ты, я вижу, еще посерьезнее меня к ней готовишься... Если даже Грузию себе на том свете рисуешь...

– Нет, не рисую... Она мне сама снится, та, тамошняя Грузия... Совсем такая же, как наша... И нас с тобой я там часто вижу... Вот как сейчас...

– Тогда откуда ты знаешь, что это именно та снится?..

– Там никто не умирает, там все живут вечно...

– Эх, Леван... В детстве сказки не любил – в старости полюбил...

– Но ведь они порой намного ближе к истине, чем жизнь... Или ты еще этого не понял?..

– Нет... Просто они совпадают с твоими желаниями, вот и все...

– Если эти сказки существуют, значит, и мы когда-то в них окажемся... Не зря же они людьми придуманы...

– Человек любит себя обманывать...

– Но хоть одна его мечта должна же сбываться...

– Ты замахнулся... Одна... Но какая!..

– Всего одна-единственная!!!

– Не уговаривай... От меня, к сожалению, ничего не зависит... Может быть, и должна...

– Конечно, должна, Иракллий...

– Дай БОГ, чтоб ты был прав...

– Ты же знаешь: прав всегда тот, кто верит...

– Верю я только в БОГА, а на сказки твои могу лишь надеяться...

– Очень жаль, дорогой... Любишь ты себя бичевать... Придется тебе тогда до последнего мучиться... Надежда – это всегда сомнения... Я же до сих жил без сомнений и умереть хочу без них...

– По-моему, ты в Грузию больше, чем в БОГА веришь...

– В отличие от твоих вечных сомнений они для меня неразделимы... Если БОГ создал Грузию, значит, Грузия – частица БОГА... Значит, все живое в Грузии – частица БОГА... И мы с тобой – тоже...

– Давай выпьем просто за БОГА... За Бога сегодня мы еще не пили...

– Гаумарджос!..

– Гаумарджос!..

– Да, хорошее у тебя вино... Умеешь ты выбирать... Крепкое, а как легко пьется...

– За БОГА оно пьется особенно легко...

– Как верится, так и пьется...

– Ты прав... Поэтому наливай за НЕГО еще раз...

– Знал бы ОН, сколько мы за НЕГО пьем...

– И все равно мало... За НЕГО можно пить и пить...

– Гаумарджос!!!

– Надо же, хором у нас давно не получалось...

– Правильно сказал – хором... Мы всегда были с тобой одним маленьким хором...

– Еще никогда ты столь красиво не говорил... Обычно умел красиво молчать... И вот вдруг разговорился...

– Главное, что я всегда так думал... Жаль, что раньше ты этого не заметил... Наливай... Немного вина осталось нам в жизни выпить...

– По-моему, ты разгулялся, Леван... Решил молодость в кой то веки вспомнить... И заодно сердце потешить... Напешься, смотри... Дорога после дождя скользкая... До дому ползти придется...

– Сегодня мой дом здесь...

– Он всегда твой...

– Тогда сегодня я в нем хозяин...

– И тамада тоже...

– Алаверды к тебе... Твоя очередь произносить тост...

Скажи что-нибудь эдакое... Чтоб за душу взяло... За что мы с тобой никогда-никогда не пили...

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

Пою тебе, о, Тбилиси.

Тебя любить мне суждено.

Я – тоже раб твоих красот.

Хвалить тебя не хватит слов...

В темноте не стоит задумываться об окружающей обстановке. В темноте лучше полностью положиться на собственную фантазию. Вспомнить поэзию. Или вернуться к прошлому. Впрочем, это же можно позволить себе и при свете. Но уже с закрытыми глазами...

(Из чужих советов)

ТБИЛИСИ – НЕ ПРОСТО ГРУЗИНСКИЙ ГОРОД. ТБИЛИСИ – ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТЕПЛЫЙ ГОРОД. Не только DE JURE, но и DE FACTO. Даже чужестранцу в том позволительно убедиться. Достаточно к городу лишь прикоснуться. Как прикасается человек к руке другого человека. Можно украдкой. Можно открыто. Можно со страстью. Можно томно, невразумительно – из праздного любопытства, почти безразлично. Можно ночью. Можно днем. Можно в нешумной компании. Можно за шумным столом. Можно молча, без лишних свидетелей. Можно тет-а-тет, с

медовой нежностью. Можно попробовать, и больше не вспоминать. А можно ненавязчиво повторить. Показать, что понравилось, и еще много раз повторять. Тбилиси вряд ли этому удивится. Тбилиси это, скорее, понравится. Так что, попадая сюда, любой чужестранец готов сразу, не стесняясь и не робея, пуститься на поиск приключений, веселья и телесных удовольствий. В конце концов, все зависит от него самого. От его настроения, слабостей и окрашенных в разные цвета наклонностей. **ТБИЛИСИ – ГОРОД, КОТОРЫЙ ОТВЕЧАЕТ ТЕПЛОМ И НА ЧУЖОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ.** Причем тепло это доступно абсолютно всем без исключения гостям. Даже вульгарным, «залетным» и не совсем доброжелательным, даже чересчур надоедливим, прдиричивым и мало чем привлекательным. По уже давно сложившейся традиции предпочтение изначально не отдается никому. И в этом на редкость позитивистском смысле несправедливость исключается. Всевозможные чины, заслуги и привилегии приезжих, впрочем, как и вся их предыдущая жизнь, во внимание здесь не принимаются. В Тбилиси они сразу же становятся другими людьми. В Тбилиси они с первым глотком грузинского воздуха забывают и о собственном возрасте, и об оставленном доме, и о последней любви. В Тбилиси они заново рождаются. В ТБИЛИСИ ЗАКОНЫ И ВКУСЫ ЧУЖИХ ГОРОДОВ В РАСЧЕТ НЕ БЕРУТСЯ. ЗДЕСЬ ПРАВИТ ОСОБАЯ, ТБИЛИССКАЯ ЮСТИЦИЯ. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРУГЛОСУТОЧНО ИНТИМНАЯ, ПОЗВОЛЯЮЩАЯ ПРИКАСАТЬСЯ КО ВСЕМ И ВСЕМУ КОНСТИТУЦИЯ! Для начала, по мере прибытия гостей, Тбилиси выстраивает всех в один ряд, в одну длинную очередь. Голова к голове, голов не сосчитать. Одаривает каждого крепким вином, громкими тостами, объятиями-поцелуями-почестями. И тех, кто уже в этом тридевятом царстве некогда бывал, и тех, кто только-только собрался с ним познакомиться. **ТБИЛИСИ – ГОРОД, КОТОРЫЙ НЕ ОБХОДИТСЯ С ГОСТЯМИ БЕЗ ЦЕРЕМОНИЙ. ХОТЯ НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ И ОТНОСЯТСЯ К ЕГО ЦЕРЕМОНИЯМ НЕ БЕЗ ЧУВСТВА ИРОНИИ.** Тем не менее с первых минут

своего пребывания в Тбилиси все понимают, что вокруг происходит что-то неординарное, что они попали на не совсем обычный аттракцион. Все чуть взволнованы, все чуть растеряны, но при этом мало кто сомневается, что именно он – главный его участник. Никто не соглашается на роль неприметного и рядового. Каждый, исходя лестью, изображает из себя аргонавта. За чужим столом и за чужой счет. Каждый вслух замечает, что сюда его привела судьба. По приглашению, которое будет подписано потом, задним числом. ВСЕ УВЕРЕНЫ. САМОУВЕРЕНЫ. ВСЕ ПРЕТЕНДУЮТ. РВУТСЯ. ЧТОБ ОЧУТИТЬСЯ В ЦЕНТРЕ ПРАЗДНИКА. ЧТОБ ХОТЬ НА ВРЕМЯ ПРИСВОИТЬ ЕГО СЕБЕ. Все слышат, как лихой звон бокалов мелодично переключается с православным баритонном колоколов. Вот так нужно встречать дорогих гостей! Даже если они того и не заслуживают. Вот в чем неповторимость *НАРОДА ИЗ НАРОДОВ! ГОРОДА ИЗ ГОРОДОВ!* Будучи настоящим мужчиной и настоящим хозяином, Тбилиси всем крепко, до боли, пожимает руку. Без усталости всем улыбается, многообещающе всех с ног до головы разглядывает. Кому-то клянцет в дружбе. Кому-то читает баллады о любви. С кем-то, развлекаясь, игриво важничает, шутит. Да, трудно устоять перед его речами. Заговорить он может кого угодно. Потому что запас его любезностей и «россыпей» неисчерпаем. Он знает, кому и сколько комплиментов выдать. А уж каких!.. И с какой интонацией!.. Нет ничего приятнее для человеческого слуха. И гостей это, конечно, расслабляет. Все сдаются в плен добровольно, без промедления. Город торжествует. Город провозглашается победителем. Хотя побежденных гостей в Тбилиси не бывает. Здесь им заранее уготована роль ПОКОРЕННЫХ. Касается это всех. Независимо от национальности, причин приезда и продолжительности пребывания. ТБИЛИСИ УВЕРЕН: ПЕРЕД ЕГО ТЕПЛОМ ВСЕ РАВНЫ. И БЕЗ ТЕПЛА НЕ ОСТАНЕТСЯ НИКТО. Возможность почувствовать себя согретым предоставлена каждому. И каждый использует ее настолько, насколько позволяет его душа. Самые смелые могут даже окунуться в жар, кто откажется – не беда, это его дело. Но и для не любящих

риск всегда найдется предложение. Например, мечтание на обрывистом берегу реки или прогулки в сине-звездной ночи. А если вдруг понадобится, для вас добавят и чуть-чуть серьезности, и чуть-чуть суровости, и чуть-чуть солидности. Экспромтом, без хлопот и явных сложностей. Тбилиси приходится играть по несколько разных ролей одновременно. ТАЛАНТ ЕСТЬ ТАЛАНТ. Подвести он не может, к восторгу зрителей получается профессионально, достойно – под стать и аплодисменты. У города-актера изрядный опыт. А с опытом накопился и богатейший репертуар. Без спора и тени сомнения стоит признать: СПОСОБНОСТЬ К ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЮ – ВОИСТИНУ ОТ БОГА. Тбилиси никогда не изменял и до сих пор не изменяет сцене. Он – ее верный слуга. И в то же время – ее маленький гений. Гарантия: в будущем тоже ей не изменит. Тбилиси не представляет жизни без сцены. В ней для него заключается все – и призвание, и смысл, и высшее наслаждение. Недалеко и до инстинкта самосохранения. Город все время в образе. Всех образов не пересчитать. Город находится в вечном движении. В постоянном творческом поиске. И способен удивлять в любом состоянии. Бывалые путешественники знают об этом не понаслышке. Что правда, то правда: В ТБИЛИСИ ГОСТЕПРИИМСТВО – ИСКУССТВО. Здесь всегда всем уютно. Здесь всегда всем нужную песню споют. Одним – в полный голос во время застолья. Другим – под тихое многоголосье подарят сладостный покой и нежный, при свечах, уют. Так что при любых обстоятельствах и даже при любом развитии событий у приезжего складываются свои, личные отношения с городом. Конечно, каждый может их без объяснения прервать, но и может, потеряв голову, продлевать до бесконечности. Больше никогда не вспоминая о прошлой жизни. Поэтому всякий, кто хоть раз бывал в Тбилиси, имеет законное право с гордостью истинного знатока самозабвенно произнести: ТБИЛИСИ – НЕ ПРОСТО ГРУЗИНСКИЙ ГОРОД, ТБИЛИСИ – ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТЕПЛЫЙ ГОРОД. Нет ни малейшего колебания: именно ТЕПЛО принесло ему славу, которая сопровождает ГОРОД ВСЕХ ГРУЗИН всю его

историю. И будет сопровождать еще очень-очень долго. Пока на развалинах его безобразно размалеванных каменных стен философствующие потомки от отчаяния не высекут самую поэтично-прикорбную из всех земных эпитафий: SIC TRANSIT GLORIA. Люди держат путь в Тбилиси со всего света. Люди не по одному разу убеждаются в его красоте и неповторимости. Ненасытные до удовольствий люди не перестают им восхищаться. Они не скуляются на восторженные эмоции. Которые, в общем-то, ничем не отличаются от эмоций их предшественников. И умело делают вид, будто не замечают отдельных особенностей города, которые по той или иной причине оказываются им иногда не по душе. **НИКТО НЕ СМЕЕТ ПОКУШАТЬСЯ НА МИФ, СОЗДАННЫЙ ПРИРОДОЙ И УТВЕРЖДЕННЫЙ ВРЕМЕНЕМ. ПОТОМУ ЧТО ПОЧТИ ВСЕ ПРИЕЗЖИЕ САМИ НЕ ПРОЧЬ ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЧАСТИЦЕЙ ЭТОГО МИФА.** От всего, что им не нравится, они, щадя накопившиеся впечатления, словно случайно отводят взор или вовсе закрывают глаза. Чтобы заранее предотвратить свое же возможное недовольство. Чтобы не нервничать попусту, не разочаровываться и не сочинять впоследствии тупых оправданий. Большинство гостей априори относятся к ТБИЛИССКОМУ МИФУ как к откровению, ниспосланному свыше. Трудно не попасть под его влияние. Трудно не подчиниться волшебству, созданному по воле небес. Поэтому не удивительно, что для чересчур впечатлительных и страстных поклонников МИФ зачастую служит чем-то вроде иконы. Нечасто кто осмеливается с такой публикой открыто спорить. И не решается ей по-настоящему возражать. Ведь это означало бы обречь себя на серьезный конфликт. Гораздо проще МИФ полюбить. И любить безоглядно, в едином порыве, вместе со всеми. Гораздо легче в громком хоре выражать ему свою покорность и свое почтение. *Отношением к себе Тбилиси навсегда объединил разделенные временем поколения.* Однажды наяву прикоснувшись к ТЕПЛОМУ ГОРОДУ, чувствительные чужеземцы уже никогда его не забывают. Да, они все по-разному его вспоминают, по-своему мысленно ощущают, но лишь редкий персонаж о чем-нибудь

жалеет. Возвращаясь после ошеломительного пьянства домой и делясь впечатлениями со знакомыми, друзьями, они разжигают огонь их фантазий. Тем самым подстегивая своих охочих до чудес слушателей, как они считают, к единственно верному решению: побывать в ТЕПЛОМ ГОРОДЕ хотя бы раз. Насладиться бесплатно все тем, что у них на родине существует только по прейскуранту. На пару дней. Или еще лучше, на пару ночей. Они не сомневаются, что надежды тысяч в Тбилиси оправдаются. Любителей бравировать в чужих нарядах переоденут в пронафталиненные национальные костюмы. Любителей застолий будут спаивать, веселить, знакомить с местными обычаями. Любителям же дерзких приключений предложат интригу поострее. Без соблазна никого не оставят. Судьба никого не обойдет. Маленькое счастье здесь найдет для себя каждый. Такому городу можно смело довериться. Такого города бояться не надо. *В нем надо наслаждаться жизнью. Как это делают сами грузины – непрерывно, взахлеб, до упаду.* В ТБИЛИСИ У КОГО-ТО ОТ СЧАСТЬЯ МОГУТ ДАЖЕ ВЫРАСТИ КРЫЛЬЯ. ЛЕТАЙ ПО ГОРОДУ, СКОЛЬКО ХОЧЕШЬ. ОТ ДОМА К ДОМУ, ОТ СТОЛА К СТОЛУ. ПУСТЬ ТВОЙ ПОРЫВ НЕ ИССЯКАЕТ. ПУСТЬ ВЕСЬ МИР ТЕБЕ ЗАВИДУЕТ. Тепла в Тбилиси хватало во все времена. И поныне хватает на всех. Энергия города неисчерпаема. Как неисчерпаемо его стремление согреть любого, кто оказывается в крепких мускулистых объятиях. Поэтому чем больше людей приезжает в Тбилиси, тем больше у него появляется друзей. Они не только принимают его чувства, но и трепетно отвечают ему взаимностью. Они скучают, когда находятся от него вдали. Они мечтают с ним вновь увидеться. И самые преданные, несмотря на расстояния, рано или поздно к нему возвращаются. Хотя не все толком понимают, почему это происходит. И не все могут ответить на вопрос, что же такое невидимое их связывает? Факт остается фактом – У ТБИЛИСИ ЕСТЬ НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ. Друзья, которые знакомы с ним по многу лет. Которые не стесняются восхвалять его без меры и гордятся им, как дети. Которые всегда покидают ГОРОД

ВСЕХ ГРУЗИН со слезами на глазах и, нежно прощаясь, в очередной раз признаются ему в любви. Но даже в минуты грусти им не приходит в голову, что когда-нибудь жизнь разлучит их навсегда. Поэтому они обещают обязательно вернуться. Обещают и ГОСПОДУ, и городу, и, в первую очередь, себе. ДЛЯ ТАКИХ ТБИЛИСИ НЕ ПРОСТО МИЛ, ЛЮБИМ И ДОРОГ. ДЛЯ ТАКИХ ТБИЛИСИ – НЕ ПРОСТО ГРУЗИНСКИЙ ИЗ ГОРОДОВ ГОРОД. ДЛЯ ТАКИХ ТБИЛИСИ – ДЕЙСТВИТЕЛЬНО САМЫЙ ТЕПЛЫЙ ГОРОД.

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

*Бродил пастух по склонам гор.
Устал, прилег передохнуть.
И снится ему долгий сон
О том, как он прошел свой путь...*

Если Вам навстречу попался вдруг пьяный священник, значит, быть скоро свадьбе... Либо похоронам.
(Из чужих примет)

Однажды, еще в молодости, подошел к Ираклию на базаре один седой незнакомец и попросил зайти вечером к нему домой. Удивленный Ираклий, не любивший ни по каким поводам ходить по гостям, а тем более к чужим людям и затемно, стал всячески отнекиваться, на ходу придумывая характерные для него невероятные и даже дурацкие отговорки. Долго он упирался, мужественно. Однако настырный старик оказался не из наивных. Будучи уже наслышанным о личности Ираклия и о его сумбурном, несговорчивом нраве, он заранее подготовил себя к подобному развитию событий. А на случай, если ситуация зайдет в тупик и станет безвыходной, припас свой самый главный и, пожалуй, единственный козырь. И такой момент, в конце концов, наступил. Продолжать затянувшийся разговор уже не имело смысла. Казалось, еще пара дежурных жестов, пара фраз ради приличия – и стоять друг против друга им будет больше

незачем. Но все, что произошло секундами позже, могло бы удивить в Тбилиси, наверное, любого. Получив очередной отказ от Ираклия, незнакомец глубоко вздохнул, примирительно улыбнулся и, многозначительно растянув паузу, открыто предложил ему довольно приличные деньги. И только за то, что тот придет к нему вечером поговорить. Никаких иных просьб, никаких условий, никаких намеков. *Только поговорить – и ничего более.* Это поистине сумасшедшее предложение застало Ираклия врасплох. Ему захотелось сразу же переспросить – вдруг он ослышался или, может, его подвело чувство юмора, но нет, не осмелился. Лишь осторожно посмотрел незнакомцу в глаза и... промолчал. Старик, дабы развеять все сомнения молодого человека, произнес то же самое еще раз. Все с той же хитровой улыбкой и той же уверенной интонацией. Ираклий, чуть опустив голову, продолжал невозмутимо молчать. Он не верил собственным ушам. Хотя его внутреннее эхо не переставало повторять заветные цифры. Цифры, которые не могли его не впечатлить. *А что, если старик все-таки не играет и говорит правду?.. Никто ведь его за язык не тянет. Какой смысл ему врать?.. Ради чего?.. Да и на розыгрыш все это не очень похоже – возраст не тот... Хотя кто знает?..* Ираклий недоумевал. Ираклий не мог разобраться в своих же домыслах. Причем некоторые из них казались ему настолько неожиданными, вздорными, эксцентричными, что он окончательно в них запутался. Даже забыв, с чего начался разговор, он толком так и не понял, зачем совершенно незнакомый старик зазывал его к себе. Однако задавать вопросы не решался, боялся. Боялся ввязаться в дискуссию. Боялся признаться в своей заинтересованности. И вместе с тем боялся нечаянно все испортить. *Вдруг старик превратно его поймет?.. Вдруг оскорбится или передумает?..* Не хотелось взглянуть его поистине барскую щедрость. А, возможно, вместе с ней – и СВОЮ УДАЧУ. В столь необычную ситуацию ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ до сих пор еще не попадал. Он впрямь растерялся. Но вида не подавал. *Неужели это не сон?.. Неужели бывают в жизни чудеса?..* Тем более в его

безыскусной жизни. Устоять пред такой заманчивой, соблазнительной перспективой, конечно, было не в его силах. Слишком скромно, если не сказать бедно, жил он после смерти родителей. Слишком редко ему удавалось хоть что-нибудь заработать. И, удивив незнакомца тем, что так и не задал ему ни единого вопроса, рискнул – пообещал зайти, как стемнеет. Удивив при этом и самого себя. Не привык он сдаваться на милость чужих людей добровольно. Не привык менять, казалось бы, уже твердо принятое решение. Но оправдание на сей раз выглядело неопровержимым. Никогда еще на него не сваливалась манна небесная. Никогда не предлагали целое состояние практически ни за что. А поговорить ради пользы дела можно было с кем угодно, о чем угодно, когда угодно. Ведь ничего иного от него и не требовалось. Никто не покушался на его свободу. Как и ничто не представляло серьезной опасности для его доброго имени. **ИРАКЛИЙ БЫСТРО УБЕДИЛ СЕБЯ В ПРАВИЛЬНОСТИ СДЕЛАННОГО ВЫБОРА. И БЫСТРО НАСТРОИЛСЯ НА ПОБЕДУ.** Однако привычный ритм его жизни был уже нарушен. Весь остаток дня он не знал, чем заняться. Не мог найти себе места. Домой его не тянуло. Там уж точно ожидание превратилось бы в настоящую вечность. Поэтому безмолвию, покою и одиночеству он предпочел город и бесцельно бродил по его малолетним окраинам, чтобы хоть как-то убить время. Предчувствия, страхи и подозрения его не мучили, но периодически в голове возникали разного рода комбинации. С одной стороны, Ираклий не переставал удивляться всему случившемуся. С другой – совсем не исключал, что вся сия странная история может здорово посмеить тбилисскую публику. Тем не менее о данном обещании он все равно не жалел. Впервые в своей жизни он не на шутку разволновался из-за денег. Впервые деньги могли достаться ему без труда, почти в подарок. И надежда на их близкое получение разжигала в нем нетерпение. Потому и вечер начался для возбужденного Ираклия значительно раньше обычного. В калитку старика он постучал еще до того, как солнце успело спрятаться за горами. **МИРСКИЕ ЗАБОТЫ НА ВРЕМЯ**

ЗАСЛОНЯЛИ СОБОЙ И ГОРЫ, И СОЛНЦЕ, И НЕБО. МИРСКИЕ ЗАБОТЫ НА ВРЕМЯ ИЗМЕНИЛИ ИРАКЛИЯ. Хозяин дома встретил гостя почтительно и в тоже время сухо, по-деловому. Без лишних восклицаний, лести и расхожего притворства. Так обычно встречают человека, которого долго ожидали и от которого зависит действительно что-то очень важное. Хотя стол в центре просторной комнаты вряд ли походил на праздничный, накрыт он был со вкусом, от души. Настроение хозяина тоже соответствовало обстановке. И вел он себя строже, чем утром. Судя по шуму в доме, там еще находились и другие люди, но заглядывать в комнату никто не смел, даже из любопытства. **ВСЕ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАЛО ОБ АВТОРИТЕТНОСТИ ХОЗЯИНА И НЕШУТОЧНОСТИ ПРЕДСТОЯЩЕГО РАЗГОВОРА. РАЗГОВОРА С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ. РАЗГОВОРА, КОТОРЫЙ СТОИЛ БОЛЬШИХ ДЕНЕГ.** Старик сходу взял инициативу в свои руки. Он не стал темнить, не стал испытывать терпение гостя и, прежде чем усадить его за стол, без сопроводительных комментариев протянул ему причитавшееся. А в ответ на благодарное смущение и неуверенную просьбу хоть что-нибудь объяснить произнес длиннющий тост, добавив к нему в качестве глубокомысленного заключения новое невероятное предложение: дать денег еще столько же, если Ираклий согласится оказать ему одну небольшую услугу. «Тебе по силам, я слышал от многих...» Ираклий замер в ожидании. Казалось, что остановилось сердце. Такого поворота событий он не предвидел. Но отступать было поздно. Ничего другого не оставалось – лишь внимательно выслушать и хоть как-то скрыть волнение. Седовласый старик не заставил себя долго ждать и вновь до краев ловко наполнил бокалы. Вновь принялся демонстрировать **ГРУЗИНСКОЕ ИСКУССТВО ТОСТА.** И возникло впечатление, что он будет это делать, пока не устанет, до бесконечности. Какие только образы он не рисовал! О чем только ретиво не философствовал! Но больше всего – о бессмысленности нашего бытия и о неизбежности смерти. Его речь, лишенная даже хрупкого оптимизма, скорее напоминала солирование тамады на импровизированных

поминках, нежели традиционную застольную здравицу. Он совсем не торопился касаться главной причины встречи. И не было ясно, каких еще сюрпризов стоило от него ожидать.

КУЛЬМИНАЦИЯ И РАЗВЯЗКА СЮЖЕТА НАСТУПИЛИ НЕОЖИДАННО. Сменив несколько тем, хозяин дома заговорил вдруг о себе. Причем заговорил настолько эмоционально, что не возникало никаких сомнений в откровенности и, главное – в правдивости его истории. Старик, не понижая голоса, делился и своими страданиями. Он не стеснялся своих страшных, неизлечимых недугов. Жить ему оставалось без преувеличения считанные месяцы. Несчастный уже готовился к расставанию с этим миром. И готовился не только на словах, но и на деле... Когда-то, очень давно, он случайно стал свидетелем игры приезжего музыканта на контрабасе. Звуки доселе невиданного инструмента его потрясли. Всю жизнь он мечтал услышать их вновь. А последние годы даже не раз мысленно представлял, как все его родственники, сгрудившись у открытого гроба, прощаются с ним под ту самую музыку. Долго старик не мог найти человека, способного помочь превратить сию посмертную фантазию в реальность. И вот теперь у него появлялся шанс.

Он, не скрывая, надеялся, что Ираклий ему не откажет и согласится сыграть на его панихиде. ИМЕННО ДЛЯ ЭТОГО РАЗГОВОРА ОН ПРИГЛАСИЛ МОЛОДОГО МУЗЫКАНТА ДОМОЙ. ИМЕННО ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ ЭТОЙ ПРОСЬБЫ ОН ПРЕДЛАГАЛ ЕМУ СОЛИДНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ. Тяжело далось Ираклию согласие. Но в тот вечер он еще не знал, что во многом определяет свое дальнейшее существование. Что в его неприметной жизни начинается совершенно новый этап, который продлится до конца его дней. И хотя о собственных панихидах разговоров никто никогда с ним заводил уже не будет, впоследствии в Тбилиси появится немало желающих проститься с умершими близкими под аккомпанемент страдающего контрабаса. Позже Ираклия позовут играть на свадьбы, крестины и прочие шумные торжества. Правда, далеко не всегда он будет согласен идти навстречу обстоятельствам. Окончательно он так и не смирится с ролью

городского отпевалы-увеселителя. Даже деньги не заставят его лишний раз играть на заказ. И потому, только истратив весь предыдущий заработок до последнего гроша, он будет находить в себе мужество и силы отправляться к своим заждавшимся покойникам, крестникам и женихам.

Спокойнее и увереннее Ираклий чувствовал себя на панихидах. На них, как правило, его никто не трогал и от дела не отвлекал. Вольностей архистрогий сценарий не предусматривал. Впрочем, скорбящему обществу вправду было не до Ираклия и его контрабаса. Одни беспрерывно утирали слезы по усопшему. Другие еще больше жалели рыдающих родственников. Третьи же тайно, но не менее терпко переживали личную МАЛЕНЬКУЮ ТРАГЕДИЮ, воображая себя на месте главного героя действия. Так что значительная часть народу, толпившегося у гроба, ни музыканта, ни его музыки попросту не замечала. Все они были заняты своими мыслями и страхами. Ираклия подобная ситуация вполне устраивала. **СГОРБИВШИСЬ НАД КОНТРАБАСОМ В ЗАВАЛЕННОМ ТРАУРНЫМИ ВЕНКАМИ УГЛУ, ОН В ТЕЧЕНИЕ ВСЕЙ НЕДЕЛЬНОЙ ЦЕРЕМОНИИ, ПОЧТИ БЕЗ ПЕРЕРЫВА, СОБИРАЛ ИЗ КУСКОВ ЗНАКОМЫХ МЕЛОДИЙ СВОЙ РЕКВИЕМ. ПРИДАВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СМЕРТИ ЕЩЕ БОЛЬШЕ ПАФОСА, ЕЩЕ БОЛЬШЕ ТЕАТРАЛЬНОСТИ.** При этом он никогда не поднимал головы во время исполнения. И не оглядывался по сторонам. *Чтобы не принимать близко к сердцу происходящее. И заодно, не привлекать своим взглядом взгляды чужие.* При внешней однообразности панихид звучали они для Ираклия все-таки несколько по-разному. Возможно, потому, что музыка, которую он исполнял, всегда зависела от сиюминутного состояния его души. Конечно, большинство мелодий из раза в раз повторялись. Конечно, они никогда не противоречили традиционности ритуала. И все же каждый ЕГО РЕКВИЕМ *был его импровизацией, его миром, его музыкой.* ЕГО РЕКВИЕМ никогда не принадлежал ни покойному, ни публике, ни тому, кто его заказывал. В нем оплаченное сострадание скорее походило на живые страдания самого

Ираклия. Однако вряд ли кто-либо из присутствовавших обращал внимание на такие тонкости. Может, лишь любители-завсегдатаи, не пропускавшие в городе ни одной панихиды, приходили как на концерт, вслушивались в ЕГО РЕКВИЕМ. Ведь они являлись чаще из праздного любопытства, за компанию, нежели желали попрощаться с кем-то из горожан. Ираклию же не было дела ни до кого. Хотя народу вокруг всегда собиралось много. Он отгораживался ото всех сразу. И от живых, и от мертвого. Он, прежде всего, играл для себя. Пытаясь из невнятного подobia свободы извлекать, помимо денег, еще одну, пускай и маленькую, но конкретную пользу. Он совершенствовал свою игру. Он изо всех сил занимался музыкой. Он, не задумываясь, разрывал ее на части и тут же склеивал из нее что-то новое. Иногда эта незаметная для постороннего слуха беспощадность вдруг приносила довольно неожиданные плоды. Иногда всему на свете вопреки у него получалась самая НАСТОЯЩАЯ МУЗЫКА. Когда контрабасное соло звучало не просто смело – безукоризненно. Когда контрабас становился в руках невесомым. Когда любая удававшаяся музыкальная находка доставляла с трудом скрываемое удовольствие. Однако это случалось до обидного не часто. Длилось действительно жалкие мгновения. Почему-то никогда не задерживаясь в памяти музыканта надолго. Максимум – до окончания панихиды. А по-другому, наверное, быть и не могло. В ДНИ, КОГДА ИРАКЛИЙ ОТПРАВЛЯЛСЯ НА РАБОТУ, У НЕГО ВСЕГДА БЫЛО ПОДАВЛЕННОЕ СОСТОЯНИЕ. ОН ТАК НЕНАВИДЕЛ СВОЕ ЗАНЯТИЕ. НЕНАВИДЕЛ ВСЕ, ЧТО БЫЛО С НИМ СВЯЗАНО. НЕНАВИДЕЛ ВСЕХ, КТО БЫЛ К НЕМУ ПРИЧАСТЕН. ПОКОЙНИКОВ В ТОМ ЧИСЛЕ. В эти дни он считал бедность презирал себя за бедность. В эти дни он считал бедность главным из всех известных ему пороков. И мечтал когда-нибудь назло всему свету разбогатеть. Без сомнения, Ираклий понимал, что ничем другим зарабатывать, увы, не научился и стать хоть чуть-чуть богаче может только благодаря своему ненавистному занятию. Но уже одна эта мысль превращала его извечно несбыточную мечту в отвратительно-навязчивую

идею. Потому всякий раз ему хотелось поскорее от нее избавиться. Хотя через какое-то время все опять, точь-в-точь, повторялось. Да, если бы у Ираклия было побольше воли, он обязательно изменил бы себя и свою жизнь. Либо стал бы человеком состоятельным, либо, невзирая на бедность, навсегда бы порвал со столь мучившей его душу работой. К тому же, вариант выбора значения для него не имел. Он смирился бы с любым. Но... УТОПИЯ ВСЕГДА УМИРАЛА ТАК ЖЕ БЫСТРО, КАК И ВОЗНИКАЛА. ПОСЛЕ ЧЕГО НАСТРОЕНИЕ В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ ПОРТИЛОСЬ. НАДЕЖДА БЕССЛЕДНО ИСЧЕЗАЛА. А КРУГ ВНОВЬ ЗАМЫКАЛСЯ. Безотнositельно к тому, где музицировал Ираклий – на панихиде или на свадьбе. При этом на свадьбах он себя чувствовал намного хуже. Во-первых, играть в одиночку выпадало очень редко. Почти всегда – вместе с другими музыкантами. Во-вторых, свадебная обстановка, в отличие от печали панихид, не позволяла оставаться в стороне от происходящего. Она и Ираклия подчиняла, превращая его в соучастника. Чтобы резко не выделяться из толпы, ему приходилось подстраиваться под остальных. Да, не все у него получалось. Конечно, не многие верили в его искренность. Тем не менее кое-как он терпел необычную для него ипостась. Всем слегка улыбался. Поднимал бокал за чье-то здоровье. Кому-то что-то желал. Кого-то за что-то благодарил. Ираклию едва хватало выдержки и терпения дотянуть до конца. И все же, слава БОГУ, всегда хватало. Впрочем, свадьбы раздражали его даже не столько истеричной суматохой и показной доброжелательностью, сколько до безобразия вольным отношением к музыке и музыкантам со стороны гостей. В особенности это проявлялось в разгар гуляния. Безмерное количество вина делало свое дело. Устав от длинных речей тамады, в движение приходили все, кто был способен держаться на ногах. Даже самые ленивые из гостей. Даже самые неуклюжие. К сожалению, редко кто в таком состоянии помнил о царившей буквально минуты назад застойной любезности. Требования играть громче перебивались панибратскими призывами играть еще быстрее. Все и вся

кружилось в необузданном ритме. Одни кричали, другие хлопали. Находились и любители повсистеть. Каждый пытался любой выходкой привлечь всеобщее внимание к своей персоне. Каждому хотелось, чтобы играли специально для него. Каждый стремился во что бы то ни стало заслужить звание *лучшего танцора* праздника. Тяжело приходилось музыкантам в подобные моменты. Причем Ираклию было намного тяжелее, чем остальным. Ему с трудом удавалось поспевать за другими инструментами. И, прежде всего, за ударными. То, что эта музыка была не для контрабаса, никого не волновало. Публику больше впечатляли его громадные размеры и экзотическое сочетание с инструментами, считавшимися исконно грузинскими, родными. Но самое неприятное для Ираклия наступало, когда музыкантов в перерыве приглашали за общий стол. Да, всех его коллег донимали несерьезными, а то и вовсе неприличными расспросами. Его же – с особым мужицким пристрастием. Желающих поучаствовать в демонстративной экзекуции недостатка не было. Всех интересовала его личная жизнь. Забывая о приличии, все хотели в ней покопаться. Кто знает, когда представится следующая возможность? Потому шутовско-язвительные реплики долетали со всех сторон. Каждый норовил посильнее разозлить Ираклия. «Неужели ты не боишься ночью спать один?..» «Все тбилисские невесты тебя уже заждались...» «И когда же мы на твоей свадьбе гулять будем?..» Причем приблизительно одно и то же можно было слышать на протяжении многих лет. Всегда под общий хохот. И всегда, дождавшись мгновения дьявольской тишины, Ираклий без злобы и смущения, в полголоса и с полуулыбкой, отвечал всем сразу. Отвечал одно и то же из года в год: «Еще не время... Когда решу, всех позову... Поверьте, вина и чачи на всех хватит...» Хотя после очередной отыгранной свадьбы он убеждался еще больше, что не бывать этому никогда. Что он никому не позволит изменить ход его жизни. Что бы о нем ни говорили. Как бы простачи над ним ни издевались. Уж лучше помереть холостяком.

– Дорогой Ираклий!.. Дорогой мой друг!.. И все же чудо

произошло!.. Наконец-то у младшего сына мальчик родился... Он стал настоящим отцом... Сжалилась над ним судьба... После стольких лет ожиданий подарила красавца сына...

– Не кричи с порога... Зайди сначала...

– Со вчерашнего дня не могу прийти в себя... Не могу поверить в это счастье... Голова кружится... Если сейчас упаду, можно и умереть...

– Проходи... Не стой в двери...

– Слава БОГУ... Теперь можно спокойно вздохнуть... Все эти месяцы мы и днем, и ночью молились... Чуть с ума не походили... Слава, слава Богу... Мы так боялись, вдруг опять девочка будет...

– Не надо зря с ума сходить... И бояться того, что от тебя не зависит...

– Как не бояться?.. Да ты... Да ты, наверное, даже не понимаешь... Три дочери на одного отца!.. Понимаешь, три-до-че-ри!.. Это уж чересчур... А тут еще, не дай БОГ, четвертая... И ни одного сына... Для мужчины... Для грузина такое смерти подобно... Кому пожелаешь?..

– Успокойся...

– Последние полгода мой сын сам не свой был... Не видел я улыбки на его лице... Ничто его не радовало... Ни с кем в доме подолгу не разговаривал... Скажет два-три слова и запрется у себя в комнате... Не могли мы его оттуда выгнать... Даже меня не хотел слушаться... Не замечал ни выходных, ни праздников... Даже друзья его на него обижались... Это с его заводным характером... Подменили человека и все... И вино не поднимало ему настроение... Много вина... Жалели мы все его... Было бедняге от чего волноваться и переживать... С завистью он смотрел на своих старших братьев... И как он мог им не завидовать?.. В их семьях уже давно растут настоящие грузины – будущие герои...

– Садись-садись... Переведи дух... Погода сегодня совсем никудышная...

– Ты что, не рад?..

– Как не рад?.. Я и за тебя рад... И за твоего младшего сына

рад... И за твоего внука тоже... Я, по правде говоря, все время забываю, сколько их уже у тебя?.. Не пора ли свою армию создавать?..

– На сегодняшний день пятеро стало... Да плюс еще три внучки... Причем все они у младшего сына... Вот угораздило парня... Будто провинился в чем... Но слава БОГУ, и ему в конце концов повезло... О зависти теперь может навсегда забыть... Одним грехом на его совести меньше будет... Повеселее отныне пойдет его жизнь... Можно будет еще об одном воине подумать...

– Полководцем станешь...

– А и стану... Почему нет... Услышал ГОСПОДЬ наши молитвы... Правда, услышал...

– Да, это серьезное событие... И по этому поводу надо выпить... Несмотря на утро...

– При чем здесь утро?.. Надо выпить, конечно, надо...

Наливай скорее...

– За твоего внука, Леван!..

– За еще одного будущего героя!..

– Гаумарджос!!!

– Гаумарджос!!!

– Пусть он живет долгою жизнью!..

– И счастливую!..

– И богатую!..

– И достойную!..

– Гаумарджос!..

– Гаумарджос!..

– Чтобы он так же радовался своим внукам, как мы радуемся ему...

– Гаумарджос!..

– Гаумарджос!..

– Чтоб и он любил Грузию, как мы ее любим... Чтоб защищал ее, как все его предки!..

– Гаумарджос!..

– Гаумарджос!..

– Представляю, какой переполох у вас в доме...

– О, дорогой мой Иракий, даже не представляешь... Этого

никто не может себе представить... Со всей улицы народу вчера набежало... Даже старики приковывали... Поздравляли, поздравляли, поздравляли... До полуночи песни пели... Давно такого праздника у нас не было... И вот САМ ГОСПОДЬ нам его подарил... Трудно пожелать себе большего...

– Да, хлопот сейчас у вас прибавится... Праздник ведь только начинается... Впереди крестины...

– Поверь, о таких хлопотах можно только мечтать... Ради этого я готов ночи не спать...

– Не горячись... Под твоей крышей и помоложе герои есть... Сейчас их время пришло... Наделать кучу детей несложно... Гораздо сложнее каждого из них человеком сделать... Пусть бегают, суеются... Пусть почувствуют себя хозяевами дома... А ты побереги свое здоровье...

– Здоровье здоровьем... Но для начала мы должны на крестинах отгулять... Отгулять на славу... Не жалея ни вина, ни сил... Как когда-то мы гуляли в молодости... Помнишь?.. Как способны гулять одни грузины... Всею округой!.. Всем городом!.. Всем миром!.. Самым громким эхом в горах должен отозваться наш праздник... Тбилиси должен запомнить этот великий день!.. Только, смотри, не вздумай обмануть и в последний момент куда-нибудь исчезнуть... Ты же – мастер на такие выходы... Сразу предупреждаю, что никакие отговорки не приму... На сей раз ни один номер твой не пройдет... Даже и не старайся... Не хитри, очень прошу тебя... А если хочешь, принимай это как угрозу... Не нужно ставить под вопрос наше с тобой прошлое... Обида на сей раз правда будет непростительной... Никогда больше тогда не приду в твой дом... Никогда... Навсегда замолкнет для меня твой колокол...

– Не надо заранее обижаться... Леванико, дорогой... Отгуляем... Обязательно отгуляем... Никакая погода нам не помешает...

– Сейчас не о погоде речь... Не улыбайся... Не прошу и все...

– Обещаю...

– О, если бы я не знал твоих обещаний...

– Поверь мне сейчас так же, как ты себе веришь... Не

сомневайся...

– ...

– И как мальчика назвали?..

– Ираклием... Конечно, Ираклием...

– Почему «конечно»?!

– У меня ведь в семье ни одного Ираклия нет... Я сам удивляюсь, как такое могло случиться... Иметь столько родственников и ни одного Ираклия... Нужно исправить недоразумение... Я бы даже сказал – несправедливость... И исправить именно сейчас... Другой возможности уже может и не быть...

– Неужели мое имя за всю жизнь тебе не надоело?.. Давай выберем что-нибудь новое... Какого ни у кого на нашей улице нет... Есть много других грузинских имен, не хуже... Величественных...

– Нет-нет... На сей раз не пройдет... И не морочь мне голову... Я твердо решил назвать внука в твою честь... В честь своего лучшего друга... Что тут такого?.. Разве я не имею права?.. Пришло время и тебе навсегда войти в мой дом... Мое сердце мне подсказало... Мое сердце никогда меня не обманывало...

– Но...

– Говорить «но» уже поздно... Я дома сразу всем об этом объявил...

– Да, но...

– Дорогой мой Ираклий... Эх, видел бы ты, сколько радости на их лицах было... Ты даже не представляешь, как они тебя любят... Не смотри на меня так... Ей БОГУ, от всей души любят... И я уверен, что теперь еще больше любить будут... Отныне ты полноценный член нашей огромной семьи...

– Да... Может быть, они меня и любят... Может быть, даже очень любят... Однако имена надо в честь великих людей давать... Чтобы было потом с кого пример брать... А на что я смогу вдохновить твоего внука?.. За мной не числится ничего выдающегося... С врагами я не воевал... Подвигов не совершал... Родину не прославлял и ничего для нее не сделал... Что останется после моей смерти?.. Пустота... Ну

95

каким же я буду для него авторитетом?.. Когда он станет мужчиной, обо мне наверняка никто уже не вспомнит...

– Не усложняй... И не будь слишком строг к себе... Поверь, со стороны виднее... Время разберется, кого и за что помнить...

– Все равно было б лучше, если б ты сначала со мной посоветовался... Зачем в таких делах спешить?.. Рассудок здесь нужен... Ты ведь знаешь, имя человека ко многому его обязывает... Человек потом всю жизнь перед ним в ответе... До самого конца...

– Я заранее почувствовал... Уверен был, что мальчик родится... Поэтому заранее все и решил... Я только ждал этого дня... Не обижайся, но я пришел к тебе не совета спрашивать... Не воображай... Я пришел тебе сообщить о своем решении...

– Сейчас речь не о тебе...

– Почему не обо мне?.. И обо мне речь, и о тебе...

– Мы говорим о разных вещах...

– Почему о разных?.. Ты для меня – авторитет... И всю жизнь был им... Вот что сейчас главное... Остальное нас не касается... Могу поклясться всеми СВЯТЫМИ... Могу поклясться всеми своими внуками... И самым маленьким Ираклием в том числе... Речь идет как раз о нас... Зря выискиваешь какие-то непонятные, заумные причины... Не надо придумывать ничего «разного»...

– Не стоит путать дружбу с авторитетом... Вот что есть по сути разное... Даже самую крепкую... И самую долгую... Наша дружба принадлежит лишь нам, и уйдет она вместе с нами... Авторитет же должен жить и после нашей смерти...

– И он будет жить... Я не сомневаюсь...

– Ты никогда ни в чем не сомневался...

– Не я один так думаю... Можно людей спросить... Я знаю, что говорю...

– ...

– Маленький Ираклий еще будет гордиться своим именем... И тобой будет гордиться...

– Если бы, скажем, ты вспомнил царя Ираклия... Или моего

96

деда... Тогда бы я тебя понял... Тогда бы я, может, радовался твоему внуку гораздо больше... Вот настоящие грузины!.. Вот это настоящие образцы для подражания!.. В них нельзя засомневаться!.. В них воплощено истинное народное величие!..

– Есть вещи поважнее, чем величие...

– Да, есть... Но в этом случае о нем нельзя забывать... Будущие поколения будут нуждаться в нем не меньше, чем их деды и прадеды... Если грузина лишит мифа о его величии, он перестанет быть настоящим грузином... Только не говори, что ты со мной не согласен... Ты же все про нас, грузин, знаешь... Сколько раз я от тебя это слышал... Не надо сейчас притворяться...

– И не старайся меня переубедить... Все равно ничего не получится... Потому что настоящий грузин настоящ, в первую очередь, своим упрямством...

– Эх... Леван-Леван... Ну какой из меня крестный отец в таком возрасте?.. Неужели никого нет помоложе?.. Посмотри на меня, я уже совсем старый дед...

– Жаль, что ты меня не понимаешь...

– Это ты меня не понимаешь...

– Я сейчас больше о тебе думаю, чем о себе... Я хочу, чтобы твоя жизнь в моем внуке продолжилась... Чтобы он и твоим внуком стал... Как я был всю жизнь твоим единственным другом, так и он пускай будет твоим единственным внуком... Вот все, чего я хочу... Что здесь непонятного?..

– ...

– Что здесь плохого?.. Объясни...

– ...

– Разве ты не заслужил право иметь внука?..

– ...

– Почему молчишь?..

– Что мне сказать?..

– Да... Я-то думал, что сегодня тебя обрадую... Думал, что наконец родственниками станем... Тебе же сказать даже нечего...

– Поверь мне, я тоже радуюсь...

– Не очень-то по тебе видно...

– Запутался я совсем...

– Это потому, что наши бокалы пусты... Наливай... Вино поможет тебе распутаться...

– Скажи тост...

– Сегодня у нас один тост... За наш общий праздник!.. За нашего внука Ираклия!..

– Гаумарджос!..

– Гаумарджос!..

– Сведешь ты меня с ума... Я ведь не привык, как ты, в облаках витать...

– Поверь мне, там наверху порой намного интереснее, чем здесь, на земле...

– Не дают тебе покоя твои детские фантазии и твои глупости...

– Зато от них на душе теплее становится... Я не могу, как ты, жить одними воспоминаниями... Я очень люблю свое прошлое, но я не хочу постоянно о нем думать... Мне иногда хочется забыть о своих годах и пометчать... Да-да, пометчать... Даже заглянуть в будущее... С нами, без нас, по-всякому... Мне нужна хотя бы маленькая надежда, что просто так мы не умрем... Что от нас, кроме праха, останется что-нибудь еще... Вот мои глупости и помогают мне верить... Они помогают мне ощущать себя живым... Благодаря этим глупостям я сижу сейчас перед тобой... Иначе что бы я делал без них?.. Откуда брать силы доживать свой век?..

– Ладно, не заводись... Давай лучше выпьем...

– Прошу тебя, не надо больше спорить... Еще не хватало поругаться...

– Гагвимарджос!..

– За мои фантазии, за мои глупости и за нашего внука!.. Гаумарджос!..

– Гаумарджос!..

– Сейчас мне кажется, что глубоко в душе ты все-таки радуешься... Разве нет?.. За крестного отца маленького Ираклия!.. Гагвимарджос!..

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

*Я слышу, как шумит река,
Слышна свирель издалека.
Щебечут птицы в вышине.
Мир – в музыке. А музыка – во
мне...*

Чем больше вслушиваешься в
мелодию песни, тем меньше
задумываешься над ее словами.
(Из наблюдений над собой)

ЖИЗНЬ В ГРУЗИИ ВСЕГДА СОПРОВОЖДАЛАСЬ ПЕСНЯМИ. Здесь испокон веков можно было наблюдать не менявшиеся с течением времени одни и те же сцены. Грузины работали – пели. Отдыхали – пели. Молились ВСЕВЫШНЕМУ – пели. Воевали – тоже пели. Начинали петь с первыми лучами солнца, радостно встречая день наступающий. А замолкали только на исходе, глубокой ночью, с благодарностью его проводив. Хотя многие из них и во сне не переставали петь. Ведь их жизнь и во сне шла своим чередом, практически ничем не отличаясь от жизни наяву. Для грузин не имело значения, когда петь и где петь. Во время пения они мало что замечали. Даже лица их становились до неузнаваемости вдумчивыми и серьезными. Стоило грузинам лишь затянуть любимую песню, и мир, как им казалось, полностью подчинялся их воле. Окружающее пространство – за исключением неба, солнца и гор – тут же теряло всякую самостоятельность, превращаясь в обыкновенный фон, формальность. Может быть, поэтому с удовольствием им пелось и в одиночку, и в узком семейном кругу, и в небольшой компании, и за многолюдным праздничным столом. И с теми, кого они знали целую вечность, и с теми, кого видели рядом с собой впервые. *Главным для них было – петь.* И без сего *главного* они не были бы собой. Поющие голоса слышались в Грузии повсюду. От заброшенных горных селений до столичных площадей и улиц. И по каждому из них можно

было легко догадаться, из какого края он доносится. Каждый голос старался отличаться и звучал хоть чуть-чуть, но все-таки по-иному. Каждый пытался выделиться из насыщенного грузинского многоголосья и заслужить всеобщее признание. И это было не столько стремление к неповторимости. Это была демонстрация ТЕМПЕРАМЕНТА. Демонстрация ХАРАКТЕРА. Причем все без исключения певцы подчеркивали музыкальные особенности и традиции своей малой родины. Утопая в красоте слога, все восхваляли, в первую очередь, своих земляков и свою землю. *Там, где заканчивалось пение, там заканчивалась и Грузия.* Более точную и признанную границу невозможно было вообразить. Именно ЗВУК, а не ЛИНИЯ придавали ей статус государственной. А сама мысль о том, что когда-нибудь на этой территории пение может вдруг оборваться, выглядела неподдельным кошмаром. И воспринималась она грузинами не иначе как ПРЕДАТЕЛЬСТВО – если исходила от своих. Либо как ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ИХ СУВЕРЕНИТЕТ, НА ИХ СВОБОДУ – если исходила от чужих. Потому никому не прощались даже совершенно невинные предположения на этот счет. Даже не лишние логики. Даже в сослагательной форме. Даже в виде безобидной шутки. В таких вопросах грузины юмора не понимали. И все, кто об этом знал, обычно щадили их национальные чувства и не очень крепкие нервы. Лишь одна природа позволяла себе в открытую и безнаказанно вступать с грузинами в конфликт, эпизодически выставляя напоказ собственную жесткость. Природе трудно было возразить. Еще труднее было ей не подчиниться. Суровые ненастья не только портили настроение целому народу, но и вынуждали его изменять вековым обычаям и привычкам. В такие дни приходилось петь тише. Петь меньше. Петь, не выходя из дома. А что самое неприятное, петь при закрытых дверях и окнах. Вот когда от грузин требовалось СМИРЕНИЕ. Вот когда для грузин важно было набраться ТЕРПЕНИЯ. Скрепя сердце они отсиживались по домам в ожидании лучших времен. *Грузины мучились.* За что, правда, еще никогда не оставались без внимания и вознаграждения

БОЖЬЕГО. В конце концов жизнь к ним возвращалась. В том же самом многообразии, в каком она их и покинула. *Грузины оживали.* Быстро забыв о своей прошлой злости, они приходили в себя. И как ни в чем не бывало снова пели в полный голос. И снова вместе с ними пели все их пылкие чувства, которых у них, конечно, всегда хватало с избытком. Но грузины пели не только от радости. Не раз в их жизни случалось, что в любимых песнях они искали спасение и от горя, и от тоски. Когда им не мог помочь больше никто. Когда они находили в песнях, пожалуй, свою последнюю надежду, свое единственное утешение. Хотя чаще всего они пели вообще спонтанно, без повода или причины. *Просто им очень хотелось петь. Просто им очень хотелось себя выразить. И пение, как ничто иное, в этом им помогало.* **НУ РАЗВЕ МОЖНО УСОМНИТЬСЯ В ИСКРЕННОСТИ ПОЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА?** С самого появления на свет грузины сперва учились ПЕТЬ, а уж потом – ГОВОРИТЬ. Так у них получалось. Так они были устроены. Так они по-своему вступали в жизнь. Готовясь к будущим взрослым ролям заранее. На протяжении всех детских лет они с большим энтузиазмом пели песни, чем говорили. И это ничуть не казалось грузинам странным. Наоборот, все получалось без напряжения и естественно. Как в нехитрой сказочной опере. Память каждого из них могла бы это с легкостью подтвердить. Достаточно было им взглянуть на своих детей. Точнее, достаточно было повнимательнее к ним прислушаться. И все сомнения сразу отпадали. *Пение действительно сливалось воедино с душой и сознанием грузин от рождения.* Хотя при этом оно никогда не принадлежало никому из них лично, по отдельности. Лично им принадлежали лишь их эмоции, их мысли, их внутренний голос. Этим они имели право распоряжаться по своему усмотрению. Но ПЕНИЕ, как типично *грузинское явление*, изначально и прежде всего являлось ИХ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ. ИХ НАЦИОНАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ. ЧАСТЬЮ ИХ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭГОИЗМА. Причем оно придавало этому эгоизму совершенно необыкновенное и ни с чем не сравнимое

звучание. Правдоподобно превращая его в самый МЕЛОДИЧНЫЙ ЭГОИЗМ НА СВЕТЕ. По особым для Грузии праздникам пение превращалось и в особый СИМВОЛ. В такие дни количество поющих вырастало до максимального предела. В такие дни не петь вместе со всеми было равносильно измене Родине и несмываемому позору. Каждый грузин считал своим ДОЛГОМ принять участие в тотальном НАЦИОНАЛЬНОМ ХОРЕ. Каждый искренне боялся, что без его голоса хор будет звучать не в полную силу. И, что еще ужаснее – по его личной вине. Никому не хотелось брать на себя такую опасную ответственность. Никто не смел порочить имя СВЯТОГО ГЕОРГИЯ и подводить сознательных соотечественников. *Праздничная дисциплина в Грузии – дело чести.* В эти дни забывали и об усталости, и о житейских трудностях, и о такой роскоши как матушка лень. ВСТАВАЛИ ВСЕ. ПОДНИМАЛИ БОКАЛЫ ВСЕ. ПЕЛИ ВСЕ. Заряженные оптимизмом, переполненные гордостью, вдохновленные БОГОМ. В этом грандиозном патриотическом спектакле не стеснялись петь и те редкие грузины, которые и петь-то не умели. Однако несмотря на свою природу они без смущения компенсировали сей врожденный недостаток увлеченностью и желанием во что бы то ни стало быть похожими на остальных. Подобного опыта им было не занимать. Получалось превосходно. Получалось так, как учили их предки. Более яркую демонстрацию единства, непобедимости нации нельзя было и придумать. Тысячи и тысячи людей поминали тостами мужественных дедов-прадедов. Тысячи и тысячи людей прославляли песнями героическое грузинское прошлое. О будущем же песен не пели. К нему относились вроде бы между прочим, с неким легким пренебрежением. Случайному свидетелю могло даже показаться, что будущее в Грузии не очень в почете, что ИСТОРИЯ здесь способна повернуть вспять. Тогда как ПЕНИЕ и СВОБОДА всегда воспринимаются понятиями-близнецами. *ВСЕ ПЕЛИ, ПОТОМУ ЧТО ОЩУЩАЛИ СЕБЯ СВОБОДНЫМИ. ВСЕ ОЩУЩАЛИ СЕБЯ СВОБОДНЫМИ, ПОТОМУ ЧТО ПЕЛИ. И в том, и в другом случае это полностью соответствовало истине. А истина в понимании*

грузин была, в первую очередь, категорией эмоциональной. Потому что эмоции у них никогда сомнениям не подвергались. О свободе в Грузии пели особенно выразительно и громко. Чтобы слышно было и за ее пределами. Пели особенно страстно. Чтобы доказать миру: важнее свободы для грузин нет ничего. Тишина и спокойствие никогда не были их союзниками. Грузины не понимали, как можно в полную силу и по-настоящему чувствовать свободу, если говорить и петь о ней тихо. Чего она тогда стоит, если, признаваясь ей в любви, от кого-то нужно это скрывать? Хотя опасность ее потерять иногда возникала именно из-за их неумения в нужный момент молчать. Тем не менее и в критические для самой свободы времена желание петь в подоснании грузин оказывалось сильнее любого страха. Не боялись они разбудить своих врагов. Не боялись ни чужой силы, ни чужой зависти, ни чужой ненависти. Они всегда были готовы идти с песнями в бой и с песнями побеждать. Пение всегда поднимало на борьбу всех. Пение тесно сплавивало всех. Вселяя в каждую грузинскую душу и сердце уверенность в неминуемой победе. А когда вдруг приходилось выбирать между пением и своей жизнью, многие предпочитали смерть с песней на устах. Грузины считали, что их песни были достойны этого. И лучшим памятником тем, кто за них погибал, оставались сами песни. В ГРУЗИИ ВСЕ ПЕСНЯМИ НАЧИНАЛОСЬ. ВСЕ ИМИ ОБЫЧНО И ЗАКАНЧИВАЛОСЬ. Однако, увы, не многие грузины задумывались над тем, как эти песни рождались. Для них не было существенной разницы, кто их сочинил. Ведь все сочинители были из народа, их соотечественниками. Такими же, как они. Их кровными братьями. А единственно важную подробность – кто из какого края родом – узнавали интуитивно, по мелодии. Остальное роли не играло. Все остальное зависело уже от красоты песни. От таланта и настроения исполнителя. Потому что когда грузины пели, каждый вкладывал в песню собственный смысл и обаяние. Каждый проживал ее заново. Каждый смело интерпретировал ее по-своему, дополняя собственными музыкальными фантазиями. Как бы становясь отчасти ее законным соавтором.

103

Поэтому, во избежание путаницы, официальное авторство почти всегда приписывали народу. *Кто посмеет спорить? Да и зачем? Раз народ песни пел, значит, он их и придумывал.* Независимо от того, о чем в них велась речь. О робкой любви к ближнему или о решительной любви к Родине. МУЗЫКА НАРОДНАЯ! СЛОВА НАРОДНЫЕ! Ничего лишнего, навязчивого. Звучало как утверждение. Звучало убедительно. А по сути – действительно безошибочно и справедливо. Потому что большинство грузинских песен на самом деле пришло из глубин грузинской истории. Прodelав невероятный по протяженности путь от сердца к сердцу, от стола к столу, от поколения к поколению. Если бы удалось воскреснуть и собраться вместе всем грузинам, певшим когда-либо одну и ту же песню, можно было бы озвучить вселенную. Но, к сожалению, умирая, они об этом и не помышляли. Иначе для такого случая обязательно воскресли бы и собрались вместе. Вот когда воплотилась бы в неземную РЕАЛЬНОСТЬ самая ВЕЛИКАЯ ГРУЗИНСКАЯ МЕЧТА. *Мечта, за которую не надо было платить ни слезами, ни кровью. Достаточно было лишь затянуть одну из любимых песен. И эта песня стала бы ГИМНОМ ВЕЧНОСТИ. И звучала бы она на все случаи жизни и во все времена.*

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ

*Поспорили цветок с цветком:
Кто краше?
Но потом решили,
Что красивы оба...*

Порой ориентироваться в пространстве гораздо проще с закрытыми глазами. Нужно лишь по-настоящему испугаться.

(Из откровений одного труса)

Ближайшее воскресенье, на которое Леван назначил крестины своего внука, наступило. И, несмотря на все мольбы Ираклия, наступило быстро. Слабые надежды на благоразумие

104

старого друга или, по крайней мере, на то, что предложение стать крестным отцом – не более чем удачный розыгрыш – увы, не сбылись. Это означало, что буквально вырванное у Ираклия несколько дней назад согласие крестить ребенка оставалось в силе. И на сей раз деваться ему было некуда. Как он ни старался придумать что-нибудь посерьезнее, послезливее, поубедительнее – не получалось. Хотя сегодня у него и не могло ничего получиться. Произойди с ним, не дай БОГ, даже что-то сверхъестественное, все равно бы ему никто не поверил. Сегодня любое его оправдание обречено было выглядеть обыкновенным обманом. А обмана в такой день ему не простил бы не только Леван, но и весь ТБИЛИСИ. Ни один человек не встал бы на его защиту. Как и ни один НАСТОЯЩИЙ ГРУЗИН больше никогда не подал бы ему руки. Впрочем, и ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ впоследствии не простил бы себе подобного отношения к другу. Он вряд ли толком понимал причину своего упрямства. Которое сегодня, без сомнения, все грузины расценили бы как ПРЕДАТЕЛЬСТВО. Ираклию вдруг стало за себя стыдно. А неожиданно грянувший за окном раскатистый гром показался ему отнюдь не случайным. Он трижды перекрестился. Трижды невнятно повторил несколько слов молитвы. Растерянно взглянув в сторону СВЯТОГО ГЕОРГИЯ, Ираклий тяжело вздохнул. Слава БОГУ, в последнюю минуту совесть ему не изменила. Слава БОГУ, сумел он остановиться на краю пропасти. Иначе было не миновать ему позора. Как бы он потом Левану да и всем горожанам в глаза смотрел? Как бы он потом перед сном смотрел в глаза СВЯТОМУ ГЕОРГИЮ? *Панический страх в этой ситуации явился не столько обыкновенным подсказчиком. ОН ЯВИЛСЯ ВОВРЕМЯ. ОН ЯВИЛСЯ СПАСИТЕЛЕМ.* Чтобы скорее вырваться из внутренней неразберихи, Ираклий решил положиться на собственную интуицию. Ведь большинство поступков в жизни он совершал, прислушиваясь именно к ней, а не к разуму. Так произошло и на сей раз. В конце концов он отжался на то, от чего последние дни хотел убежать. «Ладно, пусть все будет, как сказал Леван... Сегодня грех идти против воли друга...

Будь он на моем месте, он бы ни за что не засомневался... Нет-нет... Сегодня его воля – БОЖЬЯ воля...» Ираклий с опаской вновь посмотрел в сторону СВЯТОГО ГЕОРГИЯ. Но возражений с небес не последовало. *Ираклий сдался. Ираклий приносил себя в жертву.* Хотя такое весьма редко с ним случалось. Он уже готов был безоговорочно исполнить все, что по традиции вменялось крестному отцу в его бесчисленные почетные обязанности. Как бы искушая свою вину за упрямство, он взял с себя слово в течение всего праздника ни на кого не обижаться, ни с кем не спорить и никому ни в чем не отказывать. По такому нерядовому случаю он поклялся СВЯТОМУ ГЕОРГИЮ быть до самого конца терпеливым и ко всем снисходительным. Он даже заранее, без сцены и зрителей, попробовал представить себя в незнакомой пока роли. И – никаких сложностей, почти получилось. *Ираклий перевел дух.* Точнее, воспринял духом. «Левану не будет стыдно за меня перед гостями... Я подарю ему незабываемый праздник... Праздник, какого у нас с ним уже давно не было...» Оставалось только окончательно успокоиться, поднабраться мужества. Ну и, конечно же, запастись фантазией для застольных речей. А дальше – дальше предстояло успеть сделать то, что должен был сделать на его месте каждый НАСТОЯЩИЙ ГРУЗИН. Гладко выбриться, по-праздничному одеться, для пушей уверенности выпить бокал крепкого красного вина и с блистательной улыбкой, открытым сердцем направиться в церковь. Там, как и всегда по воскресеньям, собралось много народу. Там его с нетерпением ожидали. *Сегодня Ираклия удостаивали самой высокой чести. От него же требовалось единственное: с благодарностью эту честь принять. И не где-нибудь – перед БОГОМ, под куполом.* Время подгоняло. Из дома Ираклий не вышел – выбежал. В новой рубашке, в новых штанах, в новых ботинках. Во всем, что он долгие годы хранил специально для своих похорон. Ничего более праздничного у него не было. Но и эти вещи смотрелись на нем с непривычки нарядно. Таким себя он не помнил уже давно. И вряд ли таким мог его помнить, кроме Левана, кто-то еще. В течение всего одного часа Ираклий будто переродился.

В течение одного часа Ираклий изменился до неузнаваемости. Его плечи неожиданно распрямились почти до их прежнего размаха. А столь целеустремленной, бодрой походки за ним не наблюдалось, пожалуй, и в молодости. При этом он сам не совсем понимал, что с ним происходит. Однако никакими лишними вопросами мучить себя больше не хотел. *Подсознание торжествовало. Подсознание брало реванш у сознания.* ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ с важным видом пересекал улицу за улицей. Его радостно приветствовали все прохожие, попадавшие навстречу. В ответ он всем крепко пожимал руки и каждому желал здоровья. Особенно тем, кто в изумлении делал шаг в сторону, полшутя-полусерьез уступая ему дорогу. Разумеется, в городе было уже известно, в честь кого Леван назвал своего младшего внука. Разумеется, народ знал, куда батони Ираклий сегодня так спешит. Поэтому никто и не пытался его останавливать. Многие его даже подбадривали громкими возгласами. Иногда наперебой, иногда хором. Но главное – почти без иронии. *Ираклий разошелся не на шутку. Ираклием овладел азарт.* У него вдруг появилось довольно редкое для человека с его характером желание: *не замечать вокруг ничего плохого.* Чтобы воодушевления хватило до последнего алаверды, до последнего пьяного объятия, до последнего поцелуя. Потому что ПРАЗДНИК этот устраивался, в том числе, и в его честь. Потому что ПРАЗДНИК этот принадлежал и ему тоже. Приближение счастья будоражило его душу. ВНУКУ ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ не терпелось как можно скорее занять за столом свое ЗАКОННОЕ место. Сегодня, наверное, впервые в жизни он решил всем без исключения понравиться. Сегодня он решил поразить всех, кто его знал. Хотя буквально пару часов назад столь невероятного внутреннего взрыва ничто не предвещало. ПОДТВЕРЖДАЛАСЬ СТАРАЯ ГРУЗИНСКАЯ ИСТИНА: НАСТОЯЩИЙ ГРУЗИН СПОСОБЕН И НА БЕЗУМНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ. Пусть дорогой Леван увидит, на какое геройство ради него отважился его лучший друг. Пусть весь Тбилиси это увидит. Пусть весь Тбилиси Левану и его внуку завидует. Ведь отныне они полноправно станут

РОДСТВЕННИКАМИ ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ. Да, сегодня будет о чем людям пошутукаяться. Будет о чем вдоволь и поспорить, и позлословить. ТБИЛИСИ всегда охотно принимал участие в такого рода событиях. А без Ираклия все эти события превращались во что-то сугубо частное и... незначительное. *Ираклий бежал. Ираклий торопился.* Насколько позволяли ему силы. На прохожих больше не отвлекался. Улыбаясь всем уже одинаково и без вдохновения. В голове вертелась лишь одна мысль: не опоздать бы к началу церемонии. Он боялся, что гостям ожидание надоест... и «незаменимому» ВНУКУ ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ подыщут замену. Можно было не сомневаться, что во избежание недоразумения кандидата на его место обсудили еще загодя. И наверняка это имя ни для кого не было секретом. Подобная перспектива привела вдруг Ираклия в ужас. Он почувствовал, что угроза ПРЕДАТЕЛЬСТВА нависла теперь уже над его невинной головой. Перед глазами, будто наяву, промелькнула череда неприятных картин. Более жестокого и обидного унижения он не мог представить. После всех произошедших в нем с утра перемен этого он уж точно не пережил бы. Поэтому опаздывать Ираклию сегодня было ну никак нельзя. Чтобы, не дай БОГ, не оказаться на церемонии в качестве рядового свидетеля. Чтобы не испортить ПРАЗДНИК ни Левану, ни гостям, ни себе. Ведь перед собравшимися в церкви он должен был предстать только ПОБЕДИТЕЛЕМ. Он должен был появиться уверенно, как ни в чем не бывало. Он должен был всем многозначительно кивнуть головой: «А вот и я, господа!.. Я обещал – я свое слово сдержал... Простите, что все ваши подозрения не оправдались...» Он-то знал, что, кроме Левана, на его появление вообще мало кто рассчитывал. Впрочем, возможно, даже никто. *И все же Ираклий торопился не зря. Ираклий успел. Появившись одновременно с «взрывом» колоколов.* Встреча не была шумной лишь потому, что в церкви не принято шуметь. Хотя без вздохов облегчения, понятно, не обошлось. И приглашенные, и простые воскресные прихожане – все обрадовались. Все понимали, что в такой день крестный отец – главное действующее лицо.

Полноценной замены тому, кого изначально хотели видеть в этой роли, найти было невозможно. Тем более ВНУКУ ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ. Радостный Леван сразу взял друга под руку и подвел к спавшему в объятиях бабушки его маленькому тезке. Наконец-то можно было их познакомить. Можно было представить их БОГУ вместе. И хотя взъерошенный Ираклий в свой образ вошел без замешательства, все-таки он не совсем понимал, кого же БОГ подарил ему сегодня – крестного сына или крестного внука. Однако времени разбираться в таких тонкостях у него не было. Это уже не имело большого значения. Через несколько мгновений появился священник и сразу же началась *ЦЕРЕМОНИЯ – основная по смыслу и вступительная по содержанию часть масштабного грузинского праздника*. Когда перед выходом из церкви кто-то у Ираклия спросил, почему он так беспечно, не по погоде одет, еще будучи весь в себе, крестный отец сначала растерялся и даже не сообразил, о чем его спрашивают. Но, осмотревшись вокруг, убедился, что по сравнению с ним остальные действительно одеты сегодня гораздо теплее. И на общем фоне он выглядел странно. Оказывается, выбегая из дома, Ираклий совсем забыл, что на дворе уже стояла осень.

Во время застолья состоявшийся новый родственник занял отведенное ему место среди героев – между отцом маленького Ираклия и облаченным в коричневую чоху тамадой. Торжественность зашкаливала. А болтавшийся у тамады на боку кинжал еще больше подчеркивал жгучую помпезность праздника. Столь высокая честь оказаться в центре вечера вдохновила б даже самого взыскательного грузина-патриота, хотя сидеть бок о бок с блюстителем застольных нравов было непросто. Потому что вино приходилось пить в одинаковых с ним количествах и под его немилостивым присмотром. Без малейшей надежды на сердобольность и снисхождение. Независимо от авторитета, возраста и в прямом смысле физической выносливости. Тем более на виду у всех. Когда жадного до зрелищ народу собиралось буквально невпроворот, а о событии говорила добрая половина города. Однако в тот вечер соседство с тамадой если и могло кого-то серьезно

испугать, то никак не известного своей выносливостью ВНУКА ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ. Несмотря на годы и жизнь в одиночестве, на людях он по-прежнему ощущал себя уверенно. Ведь наверняка предстояли и разговоры о его сказочно храбром деде. Что всякий раз придавало ему дополнительные силы. *НАСТОЯЩИЙ ГРУЗИН никогда не должен давать поводов для жалости. Иначе какой же он тогда НАСТОЯЩИЙ?* Для Ираклия это было твердое ПРАВИЛО, о котором он вспоминал всегда, когда вдруг становился объектом чрезмерного внимания. Потому что грузины отличались своим излишним состраданием от природы. И любителей кого-нибудь пожалеть можно было встретить повсюду. При этом к Ираклию их тянуло уже давно. А многим из них прямо-таки не терпелось во всеуслышание вздохнуть: «Да-а, кажется, состарился наш бедный Ираклий...» Или чуть-чуть посентиментальнее, помятче: «Э-эх, похоже, прошли его лучшие времена...» Все эти «любители» лишь ждали подходящего момента. И такой момент, по их расчетам, должен был наступить скоро. И может, даже на крестинах внука Левана. Но... Видимо, слишком плохо знали они, с кем имеют дело. Гордый из гордых батони Ираклий не только по-особому относился к окружающим. По-особому он относился и к самому себе. Сценарии всех праздников он давно помнил наизусть. И праздник у своего друга тоже представлял заранее и в деталях. Например, кому рядом с кем придется сидеть, сколько вина придется выпить. Как тяжело будет держаться на ногах ближе к ночи, когда всюю разгуляется пьяное веселье. Но разве подобные пустяки могли повлиять на его поведение, на состояние души НАСТОЯЩЕГО ГРУЗИНА? Ираклий не собирался никому ни в чем уступать. Он чувствовал себя истинным хозяином положения. Игра, в которую он ввязался, была для него превыше всего. Здоровье, к великому счастью, в последние недели его не беспокоило. Да и настроение вполне соответствовало обстановке. В тот вечер, как и все в Ираклии, оно тоже беспрекословно подчинялось воле. *Во славу своего крестника и верного друга Левана ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ готов был выполнить любые приказы и пожелания.*

Он верил, что у него непременно получится. Потому что того требовали его гордость и его ГРУЗИНСКОЕ САМОЛЮБИЕ. ПОТОМУ ЧТО СТРАСТЬ К ПОБЕДАМ У НАСТОЯЩЕГО ГРУЗИНА – ЯВЛЕНИЕ НАСЛЕДСТВЕННОЕ. И ОСОБЕННО К ПОБЕДАМ ПРИ МНОГОЧИСЛЕННЫХ СВИДЕТЕЛЯХ. Хотя для защиты своего нового ЗВАНИЯ Ираклию нужно было совершить без преувеличения и приукрашивания подвиг. ЦЕРКОВЬ ЦЕРКОВЬЮ, ЦЕРЕМОНИЯ ЦЕРЕМОНИЕЙ, ОДНАКО ДАЖЕ ТО, ЧТО УТВЕРЖДАЕТСЯ В ГРУЗИИ БОГОМ, ДОЛЖНО БЫТЬ ПОДТВЕРЖДЕНО ЗАСТОЛЬЕМ. Увы, но далеко не каждый человек способен выдержать столь экстравагантное, а порой и сумасбродное испытание. Не каждому удастся оправдать оказанный ему авансом почет и доверие. *Кому нужен герой без признания публики?* В тот вечер Ираклий не имел права ни на слабость, ни на ошибку. Он должен был уберечь свою репутацию и от всяких случайностей. Чтобы не поставить под сомнение доброе имя и честь единственного друга. И не опозорить вековую память своего выдающегося предка. Да, один раз всех недоброжелателей и скептиков он уже опроверг – утром в церкви. Но то было лишь начало. Для полной же победы ему еще предстояло доказать, что в центре торжественного стола он оказался не просто благодаря дружбе с хозяином дома, а занимал там свое ЗАКОННОЕ место. Ему необходимо было показать, что авторитет его, как и прежде, непоколебим. Что он не такой уж старый и способен еще на многое. А, значит, более подходящего крестного отца для своего внука Левану и вправду было не сыскать. С первого же тоста полный бокал Ираклия пустел раньше, чем у многих других. С первой же песни его голос звучал исключительно в такт и гораздо громче, чем голоса его соседей по столу. Никто не ожидал от него такого агрессивного и по-настоящему молодецкого задора. Ведь большинство из них было знакомо с ним только по панихидам да свадьбам, на которых, кроме как музыкантом, он больше себя и не проявлял. Однако в тот вечер никто не мог остаться равнодушным к основной интриге праздника. Справится ли ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ с

ниспосланной ему небом ролью? Сумеет ли он побороть свой характер хотя бы на один вечер? Если да, то насколько хватит ему терпения и физических сил? Как долго он сможет продержаться на равных с тамадой? В конце концов, придет ли черед контрабаса? Согласится ли Ираклий сыграть? Состоится ли вообще БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК? Всевозможных версий возникло ничуть не меньше, чем восседало за столом гостей. Лишь одного счастливого Левана любопытство совсем не одолевало, и он, сохраняя абсолютное хладнокровие, даже не пытался задавать себе бесполезных и по сути провокационных вопросов. Тем временем святое торжество приближалось к своему пику, все главные грузинские здравицы были уже провозглашены, но усталости в крестном отце и не замечалось. Он уже произнес не один ответный монолог, но во всех его нескончаемых тирадах наряду с эпической складностью слога сохранялась и трезвость мыслей. В тот вечер у без конца солирующего Ираклия получалось все. На удивление убедительно и непринужденно. Когда он, довольный, с хитрой улыбкой, переворачивал очередной до дна опустошенный бокал, аплодисменты не смолкали долго. А каждая двусмысленная реплика, каждая пряная шутка сопровождалась бурным всплеском одобрения. С последующим залихватским хохотом, комментариями и почетнейшими грузинскими комплиментами. *Ираклий был в ударе. Ираклий был сегодня неузнаваем.* Не застал его врасплох даже чей-то неожиданный призыв сыграть на контрабасе. Причем сыграть обязательно что-нибудь разудалое, залихватское. Стол взволнованно загудел. Но Ираклий не задумался ни на секунду, заранее предвидя такое развитие событий. К всеобщему удивлению, он тут же встал и поднял бокал. «Во славу моего дорогого тезки и крестника!.. Во славу его дорогого деда и моего друга Левана!.. Во славу собравшихся на этот праздник гостей!.. Я сыграю все, что бы вы ни пожелали!.. Насколько хватит моего умения и фантазии!.. Насколько хватит вашего терпения!.. Гаумарджос!!! Гаумарджос!!! Гаумарджос!!!» Пришлое, правда, немедленно отправлять целый отряд из внуков Левана и их бравых

сверстников для доставки инструмента. Но и эта сцена удачно вписалась в общее театральное представление. Желание детей отличиться ни в чем не уступало застойной активности их слегка подвыпивших родителей. Едва лишь успели прозвучать несколько тостов, как контрабас уже внесли. На высоко поднятых руках. При гробовом молчании изумленной публики. Подобно телу погибшего на поле боя героя. Никто не хотел брать на себя ответственность нарушить неожиданно наступившую тишину первым. Оборвала ее МУЗЫКА. Самая светлая и самая живая музыка, какую Иракий когда-либо исполнял. Музыка, которая в тот вечер принадлежала не только ему лично, но и всем, кто ее слушал. Потом взорвались продолжительные овации. Потом спонтанно наступил черед горячих «вахтангури» от благодарных слушателей. Потом звучали новые тосты и новые лихие призывы. БЛАЖЕННОЕ ПЬЯНСТВО НЕ ЗНАЛО ГРАНИЦ, И ИМЕННО ОНО В ПОНИМАНИИ ГРУЗИН ОЗНАЧАЛО НАСТОЯЩИЙ, ГРАНДИОЗНЫЙ ПРАЗДНИК. *Иракий превосходил себя.* Ни в чем не проигрывал он в тот вечер и тамаде. Ни в патриотизме, ни в ораторских способностях, ни даже в питье вина из старинного литрового рога. Скорее потускневший тамада вместо предрешенного единоличного триумфа, искренне испытывал некоторую растерянность и разочарование, смущенный не столько безоговорочной популярностью ВНУКА ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ, сколько блестящей физической формой старика. Как он только словесно не изощрялся, не размахивал руками, не старался во что бы то ни стало понравиться – от признательности публики ему доставались лишь отголоски, да и то по привычке. А точнее, для приличия. Не сыграли роли ни парадная чеха, ни болтающийся кинжал. Не нашлось у него в доме Левана яростных поклонников. Потому что сердца собравшихся принадлежали крестному отцу. Тамада все это видел и, естественно, переживал. В его взгляде вперемишку с досадой горела зависть. А что можно было поделать? Кого ему надо было винить? Не повезло ему с соседом по столу. Гости по этому поводу ему искренне сочувствовали, но помочь тоже не

могли. А скорее всего, и не хотели. Они были полностью увлечены весельем. Они-то понимали, что *двух кумиров на одном празднике не бывает*. Как не бывает двух победителей и двух царей. Нет, сам по себе праздничный ритуал не нарушался. Это – неприкасаемое. Это – СВЯТОЕ. Но разве грузинскому сердцу прикажешь? Подчиняться – все беспрекословно подчинялись тамаде. Однако любить – все до единого любили Иракия. Даже те, кто никогда его не любил. Даже те, кто по обыкновению его просто жалел.

– О, ГОСПОДИ!.. Не верю... Как же я соскучился по тишине... Спать сегодня буду не только ног не чувствуя, но и рук... Моментами думал, что у этого сумасшествия не будет края...

– Да-а-а... Верю, тишину ты, правда заслужил... Спасибо тебе, Иракий... Спасибо, дорогой мой друг... Ты сделал мне и всей моей семье настоящий подарок... Большого невозможно было и пожелать... Благодаря тебе в Тбилиси надолго запомнят этот праздник... Я уверен, что и после нашей смерти помнить будут... Маленькому Иракию будет и кем гордиться, и чем гордиться... Ведь это здорово, когда жизнь начинается с такого события... Подожди-подожди!.. Сядь, дорогой... Куда это ты вдруг засобирался?!

– Пора... Пришла пора и мне попрощаться... Долг я свой честно выполнил... Как обещал... И перед тобой, и перед моим крестником... Заодно – перед собой... Даже перед всем Тбилиси... Теперь хочется лишь отдохнуть... Может, проводишь своего нового родственника?.. Хотя бы квартал... Прогуляемся, подышим свежим воздухом... Когда-то ты любил бродить ночью по пустым улицам... А если хочешь, вместе ко мне пойдем... Поможешь мне контрабас нести... Кстати, неплохо бы и тебе сменить обстановку...

– Не торопись, Иракий... Не оставляй меня одного... Прошу тебя... Не уходи... Мы с тобой еще нагуляемся... И еще надышимся... Куда сейчас?.. Чего тебе дома делать?.. Все равно спать сразу не ляжешь... Сидеть будешь – думать будешь – вспоминать будешь... Потом выпить захочешь... Пить будешь... Зачем в такую ночь грустить в одиночестве?.. После

радостного праздника... Сегодня... Ой, уже вчера... Особый день был... Давай будем пить, думать и вспоминать вместе... Если хочешь, давай вместе грустить... Давай вместе петь... Давай хоть раз в жизни досидим до утра здесь, у меня...

– Знаю я твое утро... Потом у этого утра конца не будет... Давай лучше в другой раз...

– Но почему в другой, Иракий?.. Скажи мне, почему твоя душа никогда не лежала к моему дому?.. Ведь всю ночь вдвоем за этим столом мы ни разу так и не сидели... Зачем откладывать?.. Тем более что другого повода у нас, скорее всего, уже не будет...

– Ничего страшного... Ко мне приходит будешь... И без всякого повода... Как всегда было... И как до нашего конца будет... Это даже поинтереснее... Может, повод кому-то и нужен, но не нам...

– Я специально всех своих отправил спать, чтобы не мешались и не шумели... Чтобы дали тебе отдохнуть... Чтобы ты чувствовал себя как дома... Не понимаю, какая разница, где досиживать остаток ночи, у тебя или же у меня... Разве мое вино хуже пьется, чем твое?.. Или в моем доме не так уютно, как в твоём?.. А контрабас твой внуки мои завтра принесут... Ты сам видел, как они осторожно с ним обращались... С какой нежностью... С какой любовью... Зачем тебе, уставшему, в гору такую тяжесть сейчас тащить?.. Пускай и с моей помощью... Не вижу причины для упрямства... Оставайся, Иракий... Нам есть еще о чем поговорить...

– Нет, не хочу... Устал я от этого стола... Правда... Слишком много было за ним сегодня и сказано, и спето, и выпито... Слишком много я всем улыбался... Слишком много мне все улыбались... А я даже ни одного лица толком не запомнил... Как на воскресном базаре... Одни улыбки перед глазами мелькали... Не поверишь, и до сих пор продолжают мелькать... Мне хочется помолчать, а не говорить... Да и мыслей в тяжелой голове уже совсем не осталось...

– Такое бывает... После затяжного застолья... Но это быстро пройдет... Ты, между прочим, каждого гостя по имени называл... Даже тех, с кем знаком не был... Надо еще пару

бокалов выпить и все быстро встанет на свои места... Кто не достоин твоей памяти, того больше и не вспомнишь... А о ком захочется доброе слово сказать – вспомнишь... Потом и мысли умные опять придут...

– Вот дома, перед сном я и выпью...

– Почему перед сном?.. Почему вдруг в такую ночь ты должен пить дома, без своего единственного друга?.. Это для других праздник закончился... Но не для нас... Ведь за вечер мы с тобой даже не поговорили... Неужели тебе не хочется поделиться со мной своими впечатлениями?.. Не каждый день у нас такие праздники случаются... И кто знает, вдруг этот – последний... Но если ты и от меня устал... И хочешь меня обидеть, тогда – пожалуйста... Тогда я тебя провожу... До самого дома...

– Нет, мой дорогой Леван... Не придумывай... Я тебя никогда не обижал... И сейчас ни в коем случае не хочу обидеть... Просто почему-то домой тянет... Непокорно у меня на душе... Да и тебе отдохнуть не помешало бы... Тебе надо хорошо выспаться... Усталость я в твоих глазах вижу... А тут, не дай БОГ, кто-нибудь из твоих гостей еще сейчас вернется... Сколько раз уже так случалось: за столом еле голову держит, а выйдет на улицу – герой из героев... Что ему делать?.. Назад, допивать недопитое... С полной уверенностью, что хозяева вновь будут рады его видеть... Вот и придется выслушивать то же самое... И придется то же самое говорить... По которому уже круту... Нет-нет, не могу больше никого видеть... Надоели мне все... Признаться, положила руку на сердце, что и тебе надоели...

– Кто вернется?.. О чем ты говоришь, Иракий... Ты посмотри, какие гости нынче пошли... Все до единого сломались... Они ведь едва уползли отсюда... А многих под руки увели... Ты же видел, на кого они похожи... Никто, кроме нас, до ночи не дотянул... Даже те, кто вдвое моложе нас... Даже самые крепкие... Дай им БОГ добраться до своих постелей... А те, кто добрался, уже спят... И седьмой сон видят... Это только у нас с тобой силы остались...

– Да, что правда, то правда...

– Воистину правда!..
– ...
– Ну посмотри на меня... Посмотри на себя... Мы бы сейчас еще одно застолье выдержали... Ты удивляешь меня своим уходом...
– ...
– Неужели и мы сейчас пойдем спать?..
– Не могу поверить, что мы оказались сильнее всех... Прямо как в молодости...
– Конечно, сильнее!..
– ...
– Нам сегодня и не такое по плечу!..
– Выходит, мы еще живы?..
– Живы, живы, мой дорогой Ираклий!.. И по этому поводу надо обязательно выпить...
– Эх, Леван-Леван...
– Не упрямься...
– Ладно, наливай... Полный наливай... Но если завтра я умру, виноват будешь ты...
– Не переживай... Я же обещал, что и на том свете тебя одного не брошу...
– Давай лучше поднимем бокалы за то, что мы еще живы...
– И сидим у меня дома...
– И пьем за твоего внука...
– За нашего...
– Да-да, прости... За нашего...
– И за нас с тобой...
– И за нас с тобой...
– И больше ты домой не торопиться...
– Не тороплюсь...
– Гагвимарджос!..
– Гагвимарджос!..
– Сегодня мы наконец по-настоящему породнились... С сегодняшнего дня мои родственники – и твои тоже... Ты даже не понимаешь, сколько их теперь у тебя?.. И со всеми придется дружить...
– Только не надо сейчас их по списку перечислять... Мы,

грузины – все родственники... Мы, грузины – все братья... Для меня этого более чем достаточно...

– Согласен с тобой... И все равно... Сегодня мы стали с тобой еще роднее... Отныне твое имя будет звучать в моем доме еще чаще...

– Но принадлежать оно будет уже твоему внуку...

– Нашему...

– Да-да, прости... Конечно, нашему...

– Надеюсь, что иногда ты все-таки будешь навещать своего крестника... И не так, как ты навещал меня... А когда маленький Ираклий подрастет, мы с ним сами к тебе приходиться будем... И по праздникам, и в будни... И по поводу, и без повода... Пускай с детства дорогу к твоему дому знает...

– И я научу его играть на контрабасе...

– Ты не шутишь???

– Нет... Не шучу...

– Тогда почему весь вечер ты об этом молчал?!

– Раз у меня был учитель, наверное, и я должен стать для кого-то учителем...

– Ираклий, это – великая идея...

– ...

– Мне даже не верится, что я это от тебя слышу... Может быть, мне снится?..

– Мне и самому, честно говоря, не верится... Раньше я о подобном и не думал... Как-то вот сейчас... Мысль мелькнула... Случайно...

– А говоришь, мысли закончились... Нужно срочно еще выпить... Может, еще что-нибудь умное скажешь... Гениальное...

– Так и быть, наливай... Полный наливай...

– За нашего внука-музыканта!!! Гаумарджос!..

– Гаумарджос!..

– Неужели все, что ты говоришь, серьезно?..

– Почему бы нет?.. Если полюбит контрабас, правда, научу... Потом на наших похоронах сыграет... Как я для других играл...

ПЕСНЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

*Когда закончится гроза,
Нас горы в небо вознесут...*

Придумать образ зачастую не составляет труда. Однако впоследствии почти всегда трудно понять, насколько он соответствует действительности.
(Из опыта чужого и собственного)

– Тогда и умирать не страшно будет...
– Вот только доживем ли мы до того времени, когда маленький Иракий вырастет?..
– Должны дожить... Обязательно... Надо надеяться... Надо молиться...
– От нас немного зависит... Одного нашего желания, увы, мало...
– Я уверен, что БОГУ твоя идея тоже понравится... ОН ведь сентиментален... Разве ОН будет против, если твоя музыка останется жить?..
– Не знаю... А если музыка – это ЕГО собственность?.. Вдруг нам только кажется, что она принадлежит нам?.. Вдруг ОН захочет, чтобы она покинула этот мир вместе со мной, навсегда?.. Что тогда?..
– Эх, Иракий-Иракий... Любишь ты дарить людям надежды... И отнимать их любишь... Зачем зря меня расстраиваешь?.. Теперь я ночами спать не буду... Лучше бы ты ничего не говорил...
– Я только рассуждаю...
– Твои рассуждения почему-то всегда до боли грустно заканчиваются... Но я все равно буду надеяться, буду... Другого не остается...
– Наверное, за это тоже нужно выпить... Наливай... Полный наливай... За нас и за наши надежды!..
– Гаумарджос!..
– Гаумарджос!..
– Давай выпьем за-все-за-все, за что сегодня мы не успели выпить...
– Давай...
– Гаумарджос!..
– Гаумарджос!..
– И вот за этот луч солнца, который первым прорвался к нам из-за гор...

В КАЖДОМ ГРУЗИНЕ С ДЕТСКИХ ЛЕТ ЖИВЕТ УБЕЖДЕННОСТЬ: КОМУ ПО НОЧАМ СНЯТСЯ ГОРЫ, ТОМУ ПОКРОВИТЕЛЬСТВУЕТ САМ БОГ. И при этом совершенно не важно, горы настоящие, рисованные или воображаемые. Ярко-зеленые, заснеженные или вообще необычные, фантастические. Главное, чтобы они были родными и обязательно высокими. И чем горы выше, тем крепче будет казаться грузинам любовь ВСЕВЫШНЕГО. Тем счастливее и увереннее они будут себя чувствовать. Поэтому нет ничего удивительного в том, что грузины относятся к окружающим их горам не просто с трепетом и почтением. Они не только слагают о горах патетичные песни и легенды, пополняя и без того богатый народный репертуар. *В горах грузины, прежде всего, видят силу, способную тайно влиять на их жизнь.* Нет, они ни в коем случае не ощущают страха перед ней. Напротив, они с гордостью называют себя УДОСТОЕННЫМИ ЧЕСТИ и по любому поводу демонстрируют горам свое доверие. Кто-то в своих мольбах и молитвах обращается напрямую к ГОСПОДУ. А кто-то, что отнюдь не редко, открыто и во всеуслышание призывает на помощь или в свидетели небо и горы. И, нужно сказать, небезуспешно. Уже с исчезновением эха на душе у просящего всегда становится легче. Будто его внимательно выслушали и пожалели. Будто с ним непритворно разделили все его несчастья и заботы. *Грузины верят в особую связь, существующую между ними и природой. И знают, что*

нарушить эту связь способна лишь смерть. Может быть, поэтому они считают природу одного с ними характера и, как следствие, одной с ними национальности и крови. Несомненно, в первую очередь, это относится к горам. На всем протяжении драматичной грузинской истории нетрудно обнаружить множество подтверждений тому, что именно горы, заботливо оберегая Грузию от бед, а заодно и благ внешнего мира, помогли ей сохранить свои обычаи и свою веру. Не желали они понимать ни другого языка, ни молитв неверных, ни варяжских песен. Служа естественным кордоном всему, что могло нанести даже маломальский урон чему бы то ни было национальному. Горы в Грузии превратились из невозмутимо-надменных наблюдателей за всем, что происходит вокруг, в непосредственных участников бесчисленных сражений с врагами. В вечных союзников и преданных защитников. В патриотов, достойных всенародной любви и подлинно культового поклонения. Наверное, по этой причине во время всенародного застолья в числе первых обязательно пьется, стоя и обязательно до дна, специальный благодарственный тост за горы. И благодарность эта – не пустой звук. Благодарить действительно есть за что. Несмотря на врожденный миролюбивый характер грузин, врагов у них хватало во все времена. Уж слишком не похожи они ни на кого. Уж слишком велик соблазн наказать их за эту непохожесть. Так что даже принимая во внимание прыть и храбрость удалых воинов, горы для Грузии всегда были и будут главной и, скорее всего, единственно реальной надеждой на выживание. Вот почему красноречие в их адрес никогда не иссякает. Вино в их славу и честь за каждым столом течет рекой. А в вырубленных когда-то прямо в скалах православных церквах по сей день горят лампы, идут службы. Какими путаными и опасными тропами добираются туда отважные паломники, известно только им. *Разве мог БОГ случайно подарить грузинам такие горы? Разве мог БОГ ошибиться в таком ответственном выборе?* Грузины обожают в присутствии чужеземцев задавать подобные риторические вопросы. Однако из-за страха нарваться на строптивого

собеседника сами же мгновенно на них отвечают. Шансов на инакомыслие они не оставляют никому. И не без самодовольства из раза в раз повторяют: «БОГ СПРАВЕДЛИВ. ПОТОМУ ЧТО ВСЕ ЛУЧШЕЕ ОН ОТДАЕТ ЛУЧШИМ...» А значит, и на причисление к ИЗБРАННЫМ они имеют полное право. *Трудно встретить грузина, который не называл бы себя горцем. И который не вкладывал бы в это скупое определение почти космический смысл.* Тем более, по сути, оно звучит синонимом их национальности. Даже многие из рожденных на равнине, не задумываясь особо, искренне величают горы своей колыбелью. И с воодушевлением, драматизмом, с неподкупной верой в правдоподобность говорят о них долгими часами. Добросовестно, слово в слово, повторяя все, что бережно сохранилось в памяти от рассказов, оставленных им в наследство летописцами-предками. И для этого есть веское, наглядное основание. *В Грузии нет ни одного селения, из которого не была бы видна хотя бы одна, пусть и далекая, вершина.* Да, горы здесь привязывают к себе человека еще от рождения – это верно. Но и то, что они сами не менее крепко к нему привязываются – отнюдь не сказочное преувеличение. Одиночество и скука не их стихия. Иначе как бы они стали героями многих народных преданий без неумных человеческих фантазий и выдумок? Кто бы им помогал побеждать вселенскую тишину и молчание? Кто посвящаял бы им свои стихи и песни? Кто восхвалял бы их столь фанатично и преданно? Одни только их имена и прозвища, подаренные человеком, можно перечислять до бесконечности. И в каждом из них сокрыта частичка его дерзкого воображения, частичка его необузданной души. ГОРЫ ОТЛИЧНО ЗНАЮТ ЦЕНУ ЭТОЙ ЛЮБВИ. ГОРЫ УМЕЮТ ОТВЕЧАТЬ НА ЛЮБОВЬ ВЗАИМНОСТЬЮ. Наверняка поэтому они с удовольствием принимают у себя – подальше не только от городов, но и сел – почти все грузинские праздники. И даже сами в них участвуют. Не только в качестве естественно-пейзажной бутафории, но и на правах заслуженных, почетнейших сограждан. А тост: «ЗА ГОРЫ!!!» становится кульминацией торжества. Лишь в горах грузины по-настоящему осознают, что

ПЕСНЯ ТРИНАДЦАТАЯ

от природы они зависят гораздо больше, нежели от самих себя. Лишь в горах они физически ощущают, как земля делится с ними собственной силой. Каждый обращается к кумирам-гигантам напрямую, как к живым. Каждый разговаривает с ними, торопясь излить все свои чувства. Каждый клянется им в верности. И старается, чтобы его клятва звучала убедительнее и в то же время поэтичнее, нежели у остальных. После чего хор затягивает самую что ни на есть ГОРСКУЮ ПЕСНЮ. Звучит она обычно насколько хватает у хора дыхания. И заканчивается, как правило, неистовым унисоном: «Гагвимарджос!!!» ГОРЫ ОТЛИЧНО ЗНАЮТ ЦЕНУ ЭТИМ ЧУВСТВАМ. ГОРЫ УМЕЮТ ОТВЕЧАТЬ НА ПОЭЗИЮ ПОЭЗИЕЙ. А НА ПРАЗДНИК – ПРАЗДНИКОМ. Где еще можно увидеть столь глубокое, иссиня-мраморное небо? Где еще можно потанцевать на столь зеленом, переливающимся бархате? НАСТОЯЩИЙ МУЗЕЙНЫЙ РАЗМАХ! Грузины охотно пользуются сим непритворно родственным отношением. Ведь больше они нигде не чувствуют себя так вольготно и самоуверенно. ГОРЫ – ИХ ОБЩАЯ ОБИТЕЛЬ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ. ИХ ЗЕМНОЙ РАЙ. Другого рая на земле они для себя просто не представляют. Вот где забываются все личные проблемы, ссоры и обиды. Вот где есть место абсолютно для всех – от горделивого царя и до последнего его подданного. *Горы всех между собой примирают. Горы объединяют. И всякий раз, независимо от времени года и времени суток, радуются, когда у их ног разливается вино.* Но при этом не меньше радуются и люди. После каждого такого торжества горы становятся грузинам еще роднее. А значит, снятся им еще чаще. И кажутся им еще выше.

*Шла смерть
И повстречала сироту.
– Смерть, возьми меня с собой.
Надоело мне мое сиротство...*

«Так расстались те скитальцы в испуге огнем; в страны разные помчались в бездорожии степном. И, пока они не скрылись, слезы падали дождем. Солнце видело печальных и печалилось о том».

(Из Руставели)

Не случайно Ираклий рвался домой. Не случайно он уговаривал Левана отпустить его с миром. Наученный опытом НАСТОЯЩИХ застолий, он словно предвидел, что феерическое чествование тезки, крестника и внука способно затянуться еще надолго. Жизнь уже столько раз подтверждала: *пока за столом остается хоть один грузин – праздник не окончен.* Увы, интуиция и на сей раз не подвела Ираклия. Хотя поначалу неожиданностей ничто не предвещало. Оказавшись вдвоем и по обыкновению немного поспорив, старики все же договорились эту ночь досидеть до утра. После чего ни об утомленности, ни об иных сиюминутных проблемах больше не вспоминали. Они *мечтали.* Они *философствовали.* Они *пили.* Однако – тост за тостом, бокал за бокалом – и даже с восходом солнца поставить последнюю точку в разговоре никак не удавалось. Истории из прошлого и вино не хотели их отпускать. А тем временем по всей недогулявшей округе уже разлетелась, пожалуй, главная из утренних новостей: ПРАЗДНИК У БАТОНИ ЛЕВАНА НЕ ЗАКОНЧИЛСЯ!!! ПРАЗДНИК ПРОДОЛЖАЕТСЯ!!! Вот тогда-то и начали сбываться разумные опасения Ираклия. Те из вчерашних гостей, кто сумел продрать глаза, разумеется, не могли проигнорировать такое известие. Точнее, они не могли проигнорировать само событие. Поэтому многие из них сразу

же направились к Левану. Чтобы воочию убедиться в правдивости и трезвости слуха да поскорее внести собственный вклад в происходящее. Кто-то бессонную ночь стариков воспринял как НАСТОЯЩИЙ подвиг. А кто-то лишь искренне им посочувствовал. Однако и те, и другие одинаково резко подключились к ожесточенному спору, какой тост должен прозвучать первым. Поднятые по тревоге домашние в суете и спешке готовили трапезу, накрывали стол. Слава БОГУ, к этому моменту подоспел и обидевшийся вчера на всех тамада. Но обиды на его лице уже не было – он пришел брать реванш, он пришел за победой. В доме мгновенно воцарились тишина, закон и порядок. Наспех накрытый стол снова обретал своего предводителя. А его приветствие к первым собравшимся «жаворонкам» закончилось на удивление сплоченными и бравыми для столь нечеловечески раннего часа криками: «Гавмарджос!». Итак, практически угасшее *вчера* торжество стало разгораться с новой силой. И буквально вмиг необратимо переросло в достоверное *сегодняшнее*. Как окажется впоследствии, разгуляется оно не на шутку, на весь день, до самого позднего вечера. И к финалу соберет не только тех, кто активно принял в нем участие накануне, но и разных новобранцев. Левана переполняли счастье и гордость. Под стать сиявшему Левану вел себя и обескураженный в душе Ираклий. А что ему, бедному, оставалось делать? Разве мог он отступить или хотя бы возразить? Разве мог он в угоду собственному эгоизму пренебречь одной из священных обязанностей крестного отца? У этой ловушки была мертвая хватка. Причем выбраться из нее без осложнений для репутации своей и репутации друга казалось утопичным. *Спротивление не имело смысла. Даже несмотря на то, что смысл в нем как раз был.* Веселье Левану и Ираклию давалось тяжело, но они оба терпели. Держались мужественно и с виду непринужденно. Об их nepозволительно бессонной ночи гости старались не говорить. Чтобы лишний раз не напоминать старикам об усталости. Вдруг они решат, что их застольное время уже вышло? Всем же было известно заранее: если уйдет один, без сомнения, за ним уйдет и другой.

Может быть, поэтому комплименты в их адрес подбирались довольно тонко, аккуратно, не без хитрости. Может, поэтому и признания в любви к ним звучали как никогда умилительно, трогательно, задушевно. После вчерашнего потрясающего успеха Ираклия представить продолжение праздника без него и его контрабаса было просто невозможно. Ведь именно CONCERTO GROSSO стало кульминацией торжества. Самой впечатляющей и незабываемой его частью. Все то и дело бросали взгляды в сторону контрабаса. Все, стремясь перещеголять друг друга, восторгались способностями Ираклия. Все хотели, чтобы сегодняшнее *продолжение* ни в чем не уступало великому вчерашнему *оригиналу*. Вино вином, веселье весельем, но ничего гости не желали так, как еще одного НАСТОЯЩЕГО концерта. Когда они еще услышат сию необычную музыку? Когда еще побалуют себя музыкой, написанной специально для необычного инструмента? И Леван, и Ираклий это прекрасно понимали. Они были готовы беспрекословно выполнить все, что от них двоих требовалось. Безусловно, разговоры об их незаменимости и неповторимости им льстили. Но и без комплиментов любое пожелание публики воспринималось бы ими как приказ. Они вполне осознавали, что и сегодня себе не принадлежат. Потому что они полностью принадлежали столу. И хотя у каждого из них была своя конкретная задача, своя конкретная роль, объединяла их, в первую очередь, общая ответственность за судьбу их общего, как и их судьба, ПРАЗДНИКА. *Во здравие крестника и внука им предстояло принести себя в жертву. Во здравие крестника и внука им предстояло выдержать нелегкое испытание.* Независимо от того, нравилось им или нет все, что вокруг происходило. Усталость с нетрезвостью отодвигались на самый дальний план. Борьба с вином становилась их личной трудностью. Им оставалось лишь надеяться, что силы у них найдутся. Оставалось верить, что БОГ – С НИМИ. БОГ НЕ ПРЕДАСТ. БОГ СПАСЕТ. НАСТОЯЩИЙ ГРУЗИНСКИЙ ПРАЗДНИК – ЭТО НЕ ТОЛЬКО УПОЕНИЕ. НО И ТЯЖЕЛЫЙ ФИЗИЧЕСКИЙ ТРУД. ЭТО ИСПЫТАНИЕ НА ВЫНОСЛИВОСТЬ. А ИНОЙ РАЗ И НА ВЫЖИВАНИЕ. Уже

через несколько тостов Ираклий сумел вернуться в «благодатный» образ, в котором пребывал вчера. И в котором его хотели видеть сегодня. Обстановка никак не позволяла ему выглядеть другим. ИРАКЛИЙ СВЫСОКА БРОСИЛ СЕБЕ ВЫЗОВ. ИРАКЛИЙ С ДОСТОИНСТВОМ И ПОЧЕСТЬЯМИ ЕГО ПРИНЯЛ. Публика не жалела эмоций. Хотя одного из присутствующих ажиотаж вокруг крестного отца все же не очень радовал. И этим скрытым «недоброжелателем», конечно, был тамада. Однако как он ни следил за своим соперником, как ни старался хоть в чем-нибудь к нему придаться – не получалось. Коричневая чоха и кинжал помочь не могли. Ираклий был тамаде явно не по зубам. ИРАКЛИЙ БЫЛ НА ВРАШИНЕ. ИРАКЛИЙ БЫЛ БЕЗУПРЕЧЕН. Отчего народ развлекался еще отчаяннее. А значит, еще больше и еще крепче его любил. Многие гости искренне удивлялись, почему они не знали его таким раньше? И тут же сходу получали в ответ: «Да потому что раньше я таким никогда не был...» Все открыто завидовали Левану – кто еще мог похвастаться НАСТОЯЩЕЙ ДРУЖБОЙ с таким выдающимся человеком? Все пользовались подходящим моментом и не мытьем так катаньем заманивали ВНУКА ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ к себе в дом на какое-нибудь важное семейное торжество. Ираклий никому не обещал, но на сей раз никому не отказывал: «Посмотрим... Время не любит, когда его опережают...» «Для начала дожить надо... А вино куда не денется...» Людям нравилось такое философское отношение к жизни. Поэтому и слова эти они воспринимали как согласие. Когда же Ираклий уставал говорить или ему попросту надоедало, он брал в руки смычок. Так ПРАЗДНИК переходил в КОНЦЕРТ. Потом КОНЦЕРТ вновь уступал место ПРАЗДНИКУ. И так повторялось множество раз. И столько же раз звучали аплодисменты. В конце концов силы оставили не только крестного отца, но и гостей. И все же уйти первым, не попрощавшись с дорогим Ираклием по-настоящему, не решался никто. Ведь отныне он был для всех не только ВНУКОМ ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ. Теперь он и сам стал личностью. ГЕРОЕМ ИЗ ГЕРОЕВ. МУЗЫКАНТОМ ИЗ МУЗЫКАНТОВ. Вот почему в знак

уважения к нему все единодушно посчитали своим долгом проводить его до дому. Тамада – и тот не смел не поддержать эту идею. Мало того, он сам возглавил шествие и попросил хозяев выдать каждому по свече. Провожали Ираклия с шумом и почетом. Кто-то продолжал выкрикивать здравицы и прямо из кувшина пил вино. Кто-то пел песни и на ходу пытался пританцовывать. А примерная местная детвора, подчеркнuto сторонясь толпы, бережно несла контрабас. Тяжело давалась Ираклию дорога в гору. Не все верили, что он сможет в таком состоянии дойти до дома. Тем не менее с БОЖЬЕЙ помощью и помощью провожающих, подъем был взят. Процессия все же добрела до заветной калитки с колоколом. ПРАЗДНИК ПОКИДАЛ ЭТОТ МИР. ПРАЗДНИК НАВСЕГДА УХОДИЛ В ИСТОРИЮ. Да, заранее никто не предполагал, каким он будет и как закончится. Хотя теперь уж точно никто не сомневался, что слухи о нем еще потрясут Тбилиси. Все замерли. Все замерли в ожидании прощания. Каждый претендовал на личные объятия и личный троекратный поцелуй. Мало того, каждый хотел, чтобы его объятия и его поцелуй Ираклию запомнились. ГЕРОЙ ИЗ ГЕРОЕВ прощался со всеми поочередно. МУЗЫКАНТ ИЗ МУЗЫКАНТОВ всех благодарил за признание. Он никого не желал обидеть или разочаровать. Когда же подошла очередь последнего, Левана, он еле-еле держался на ногах. И все-таки каким-то чудом сумел сохранить равновесие и даже посмотрел другу в глаза. Такой горечи и боли Ираклий не видел в них никогда. Он хотел было спросить у Левана, в чем дело?.. Что случилось?.. Но при таком количестве народа не рискнул. Левану это наверняка бы не понравилось. Тем временем кто-то уже настезь открыл калитку. Дети внесли контрабас. «Нет, нет... Это была лишь усталость», – подумалось Ираклию. Напоследок он обернулся, чтобы махнуть другу рукой. Но разглядеть Левана в толпе не удалось. Поэтому, на всякий случай, он продолжительно помахал всем сразу. И все сразу ответили ему дружным восторженным гулом. БОЛЬШЕ КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ НЕ ОБОРЧИВАЛСЯ. Хотя свечи еще очень долго светили ему вослед. Даже после того, как он беззвучно вошел в дом и

закрыл за собой дверь.

ИРАКЛИЙ СПАЛ. БЕСПРОБУДНО СПАЛ ВТОРЫЕ СУТКИ. После двух изнурительных, бессонных ночей и непомерного количества выпитого вина в этом не было ничего удивительного. До кровати он добирался уже в обморочном состоянии, шатаясь. И с финишным рывком его покинули последние силы. Впрочем, ни вино, ни усталость, по большому счету, не влияли на то, что ему снилось. Зловещие кошмары, от которых народ нередко вскакивает посреди ночи в холодном поту, его не беспокоили. И пускай Ираклий спал не всегда так крепко, как сегодня, зато всегда безмятежно и всегда в удовольствие. Он не воспринимал человеческий сон как регулярную природную потребность. Он искал в нем утешение. И непременно находил его. Даже тогда, когда сон, казалось, приносил ему больше грусти, чем радости. Потому что утешением часто становилась сама надежда, которая в снах, в отличие от реальной жизни, никогда его не покидала. Днем Ираклий обычно жил как все. С наступлением темноты хозяйственный энтузиазм быстро сходил на нет, а эмоции и заботы забывались до рассвета. После вынесения приговора дню минувшему, о чем сухо свидетельствовала очередная короткая запись в тетради-календаре, кроме приближающегося сна, его уже ничто не интересовало. Он вспоминал обрывки прошлых снов, сопоставлял, серьезно рассуждал, импровизировал. Даже пытался предугадать, что ему будет сниться. ИРАКЛИЙ РЕПЕТИРОВАЛ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ. РЕПЕТИРОВАЛ ВРЕМЕННОЕ РАССТАВАНИЕ С ЖИЗНЬЮ. ИРАКЛИЙ ПРЕДВКУШАЛ СОН. С этих необыкновенно сладостных ощущений начиналось то почти необъяснимое разумом таинство, позволявшее Ираклию проживать, помимо основной, великое множество иных версий собственной жизни. Причем не просто проживать, чтобы заполнить пустоту, но и бережно, скрупулезно переносить их потом из запутанной нереальности в свое реальное сознание, в реальную память. На долгое, а порой и вечное хранение. Иногда, особенно тоскливыми зимними вечерами, когда настроение бывало совершенно невыносимым, Ираклий безо всякого

раздумья укладывался спать гораздо раньше обычного. Это был самый действенный способ одолеть разом и все тревоги, и одиночество, и даже скуку. Ему не терпелось скорее избавиться от угнетавших его мыслей и оказаться в мире снов. В мире, где он, как по волшебству, мгновенно преображался. Там Ираклий чувствовал себя намного спокойнее, намного увереннее, намного смелее, нежели в привычной жизни. Там его всегда поджидало какое-нибудь маленькое приключение. К тому же там он мог встретить живыми своих родителей. Или услышать музыку своего учителя. Да и с Леваном во сне они часто разговаривали о таких вещах, о которых наяву никогда и речи не заходило. Только в том мире сбывались желания Ираклия, считавшиеся в реальности запретными или же несбыточными. И при этом ЧУВСТВО, овладевавшее им, иначе как счастьем назвать было нельзя. Снились ему и странные пейзажи, и малопонятные истории, и совсем незнакомые люди. Но, независимо от происходящего, все они тоже становились частью его подлинной биографии. *Фантазировать – замечательно. Однако разве это сравнимо с непредсказуемостью сна?* Переживать прошлое по многу раз, не ощущая груза времени, испытывать нечто новое, чего никогда не было и не будет, становиться тем, кем ты даже не мечтал стать – тут порой бессильна любая фантазия. Потому, наверно, со своими снами Ираклий расставался с сожалением. Несмотря на их запутанность и сумбурность. Несмотря на не всегда удачный финал. И ничего, что они часто имели обыкновение неожиданно обрываться в самый захватывающий момент. Вот почему к пробуждению Ираклий иногда относился ни больше ни меньше как к маленькой смерти. *Хотелось во что бы то ни стало вернуться назад. Хотелось скорого продолжения сна. Хотелось – до ненависти к реальности.* И нужно сказать, спустя время некоторые сны к нему возвращались. Без изменений, со всеми подробностями и нюансами. А некоторые еще и с продолжением. После чего Ираклий в очередной раз понимал, что в МИРЕ СНОВ тоже существуют свои законы и свои порядки. Что там ему тоже предначертана своя параллельная судьба. И, по его

личностному убеждению, убежать от нее настолько же невозможно, как и от судьбы реальной. Ираклий не сомневался: пересечься этим двум «непересекающимся» линиям однажды все-таки будет суждено, в последний миг его земного бытия. Однако как долго придется этого ждать – он особо не гадал. В ГЛАВНОМ ИРАКЛИЙ ПОЛАГАЛСЯ ЛИШЬ НА БОГА. ГЛАВНОЕ ВСЕГДА ОСТАВАЛОСЬ ЗА ЧЕРТОЙ ЕГО ЖЕЛАНИЙ. Вот так он и жил, поочередно в двух различных мирах. Не только с трудом представляя себе границы каждого из них. Но порой даже толком и не понимая, в котором из них в данный момент находится. В конце концов чересчур принципиальной разницы для него не было. Потому что и в том, и в другом мире, независимо от ролей-сюжетов, он оставался самим собой. То есть принадлежал к тому, и другому миру одновременно. Да, Ираклий уважал жизнь. Но при этом ничуть не менее уважал и собственные сны. Несмотря на все свои бесчисленные образы, он и в снах, по сути, никогда не изменял своему реальному «я». НУ РАЗВЕ МОГ ОН НЕ ОЩУЩАТЬ СЕБЯ ВНУКОМ ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ? ИЛИ ВОИСТИНУ НАСТОЯЩИМ ГРУЗИНОМ? ИЛИ НЕЗАМЕНИМЫМ ТБИЛИССКИМ МУЗЫКАНТОМ? Все эти почетные звания казались ему первостепенно важными и в том мире тоже. И в том мире тоже его грузинскому самолюбию без них никак было не обойтись. Поэтому к своим снам он относился со всей грузинской серьезностью и максимальным уважением. Хотя, в отличие от большинства соотечественников, он не вникал в их потусторонние, сугубо мистические знаки и значения. Не отыскивал в них ни добрых, ни грозных предзнаменований. В такие опасные игры ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ не играл умшленно. Суеверие и магия были ему изначально чужды. Не позволял он себе выискивать скрытые смыслы в том, что дарил ему САМ ГОСПОДЬ. Иначе это не только противоречило бы его идеалистическим представлениям о ВСЕВЫШНЕМ, но и наверняка сеяло бы в его душе постоянную смуту. Он считал, что в его возрасте можно уже не испытывать страха за свое будущее. Заранее смирившись с любыми превратностями

судьбы, он готов был принять все, что она ему уготовила. Какая разница, что вдруг произойдет завтра? Все равно спастись себя от чего-то грядущего было бы занятием глупым, оскорбительным, бесполезным. Да и выглядеть смешным не хотелось даже в собственных глазах. Поэтому ни в намеках, ни в подсказках Ираклий по простоте души своей не нуждался. Поэтому и никаких сверхъестественных символов в своих снах надменно не замечал. В первую очередь, его интересовали конкретные истории, конкретные люди и конкретные переживания. Потому что они не только запоминались, но и сердцу казались ближе. *Ведь и в реальной жизни, и во всех перевоплощениях сердце у него было одно. Сердце, которое никогда никому не изменяло и не уставало от избытка чувств – ни днем, ни ночью.* Еще совсем недавно Ираклий был в центре многолюдного шумного застолья. И вот уже тянулись вторые сутки, как он едва слышно, с непрерывной хрипотцой, посыпывал на своей холодной неразобранной постели. Правда, это отнюдь не означало, что его подсознание, подобно его обессиленному телу, тоже пребывало в покое и одиночестве. Впечатлений от собственных побед ему вполне хватало, чтобы праздник мог продолжаться и в сновидениях. И он действительно продолжался. Пускай не во всем похожий на прошедшие крестины внука Левана, но такой же реальный, живой. С подобающим грузинским размахом и перебором. С целой галереей грузинских героев. Причем народу за огромным столом собралось больше, чем присутствовало наяву. А среди прочих почетных гостей как ни в чем не бывало поднимали бокалы и произносили речи его родители, его учитель, молодой Леван. Да и сам Ираклий был еще молодым. СОН – ОСОБАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ. В НЕЙ ВРЕМЯ ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ КАТЕГОРИЕЙ СУХОЙ И БЕЗЛИКОЙ. В НЕЙ ВРЕМЯ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В КАТЕГОРИЮ СОЗИДАТЕЛЬНУЮ. Но на поведении и настроении гостей это никоим образом не сказывалась. Общались они между собой свободно, непринужденно, естественно. Никто ничему не удивлялся. Ни для кого не было странным, что за столом сидели и те, кто уже давно этот мир покинул. *Все чувствовали*

себя равными среди равных. Все чувствовали себя живыми среди живых. Ну откуда им было знать, что все происходит лишь во сне? Без их ведома и без их воли. Впрочем, человеческая воля к снам вообще отношения не имеет. Ираклия не смущало даже то, что с родителями и учителем он выглядел почти одного возраста. Мало того, он и разговаривал с ними как со своими сверстниками. У него было ощущение, будто сам праздник его не волновал. Будто на нем он оказался случайно, ради встречи с близкими. Потом картина сна резко сменилась. Все сидевшие за столом вдруг куда-то исчезли. Кроме родителей, учителя, Левана, Ираклия. И эти пятеро не заметили, как остались одни. О причине торжества никто из них уже и не вспоминал. О своих, домашних делах тоже не говорили. Но пили и гуляли еще долго. Пили – и не пьянели. Гуляли – и не уставали. И все же время расставания пришло. Развязка в конце пьесы наступила. Тут-то и началось самое неожиданное. Родители, учитель и Леван, попрощавшись с Ираклием без особых эмоций, решили уйти без него. Как он их ни уговаривал, как ни пытался переубедить, они все равно отказались взять его с собой. Мало того, напоследок они даже не посмотрели ему в глаза. *Ираклий не находил этому объяснений. Ираклий пал духом.* Он не понимал, как такое могло произойти. Ведь буквально несколько мгновений назад все самые близкие ему люди были здесь, рядом с ним. И вот их уже нет. Ираклий путался в догадках. Что делать? Ему захотелось вина, но... кувшин был пуст. Потом начал глазами искать контрабас, но... и контрабас исчез. Неужели учитель его забрал? Вокруг Ираклия образовалась пустота. Еще никогда в жизни он не испытывал такого чудовищного одиночества. Дальше картины менялись в ускоренном темпе. Перепуталось все и вся. Ираклий пустился в погоню. Отчаянно. Изо всех сил. Другого выхода мозг ему не подсказывал. Он был полон решительности догнать родителей, учителя и Левана. И верил, что обязательно догонит. «Наверное, я чем-то их обидел... Не могли же они меня просто так бросить... Не могли они оставить меня одного... Одного на всем белом свете...»

ИРАКЛИЙ В СТРАХЕ БЕЖАЛ. ИРАКЛИЙ СПАЛ. ИРАКЛИЙ

БЕСПРОБУДНО СПАЛ ВТОРЫЕ СУТКИ.

– А помнишь, как ты в детстве руку пилой порезал?.. Сильно порезал... Мы еще совсем-совсем детьми были... Лет по шесть-семь, наверное...

– Это когда мы с тобой поваленные ураганом деревья пилили?.. На зиму готовили?..

– Да, у тебя во дворе...

– Как не помнить... Выгляни в окно... Вон в том углу козлы стояли... А ближе к калитке огромная гора веток лежала... Я даже погоду в тот день помню: солнце после дождя светило... И клетчатую рубашку новую, в которой ты пришел, помню...

– Сегодня утром я вновь эту историю вспоминал... Уж по которому разу... Когда наблюдал за внуками, как они дрова рубили... Моментами даже казалось, что все это я во сне вижу... Своим упорством и прилежанием они нас с тобой напоминали...

– Да... Была такая история...

– И не просто история... Память все сохранила... Вот страху ты на меня тогда нагнал...

– Чего только в детстве не случалось... От смеха до беды порой недалеко было...

– Может, я и не испугался бы так, но все произошло по моей вине... Ты же знаешь, чего-чего, а подурчиться я всегда любил... И хорошо знаешь, чем это частенько заканчивалось... Сначала я подумал, что ты вообще без руки остался... В детской голове сразу мысль о смерти мелькнула... Сейчас это звучит смешно, да, но тогда... Представь мое состояние... Растерялся я... А твоих дома нет... Звать на помощь некого... Черная кровь на землю капает... Я с ужасом на тебя смотрю, не понимая, почему ты не плачешь... Боюсь к тебе приблизиться, потому что не соображаю, что в такой ситуации надо делать... И в этот момент ты подходишь, протягиваешь руку, залитую кровью, и говоришь: «Леванико, смотри, у меня из раны вино течет...» О, если бы кто видел, с какой гордостью ты это произнес... Голос твой звенел... Глаза горели... Несмотря на наш возраст, ты был похож на раненного в сражении воина... Воина-победителя... В тебе столько было достоинства и

мужества... Столько уверенности в себе... Другой бы на твоём месте наверняка тут же упал в обморок или охрип от крика... Но ты был не из тех... Ты держался под стать своему великому деду!.. Вот когда впервые ты себя проявил... Вот когда впервые заслужил уважение... Пожалуй, лучшего доказательства того, что настоящими грузинами не становятся, а рождаются, и не придумать... И настоящие мужские слова, которые ты тогда произнес, доказывают это вдвойне... Конечно, весь их смысл, все их величие мы не осознавали – слишком маленькими были, слишком наивными... Но я уверен: не могли они вырваться у тебя вот так, случайно... Как и не могли случайно остаться в нашей памяти... Это САМ ВСЕВЫШНИЙ вложил их в твои невинные уста... Так как только ЕМУ известно, что для грузина кровь и вино – практически одно и то же... Вот ОН и решил, что об этом мы с тобой должны узнать с детства... Что, в общем-то, и получилось... На то была ЕГО, БОЖЬЯ, ВОЛЯ... Хотя для ВНУКА ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ она вылилась в нелегкое испытание...

– Да и для тебя тоже...

– Эх, сколько времени с тех пор прошло, а стоит мне пораниться или увидеть вдруг чью-то кровь, как те слова твои сразу же на ум приходят... Мои домашние давно не удивляются, что иначе, как вином, я кровь не называю... Причем они никогда не спрашивают, откуда это пошло... Они догадываются... А я от них не скрываю, что многие из моих выражений на самом деле принадлежат тебе... «Леванико, смотри, у меня из раны вино течет...» Нет, кроме тебя, уже никто столь красиво не скажет... Да и ты сам никогда не сможешь повторить свои слова так, как их произнес тогда...

– И что особенного ты в них нашёл?.. Словам нельзя придавать большого значения...

– Не скромничай, мой дорогой друг... Со стороны все не только виднее, но и слышнее... Эти слова по сей день достойны восхищения... И не забывай, что принадлежат они ребенку!.. Вспомни, сколько годков тебе было... Их в книгу записать надо... Любый взрослый грузин посчитал бы за честь их произнести...

– !?

– Не смотри на меня удивленно... Вижу, что тебе не терпится отпустить сейчас какую-нибудь шутку... Но я говорю серьезно... За всю нашу долгую жизнь мне много чего приходилось от тебя слышать... И я больше других знаю твоим речам цену... Не важно, к кому или к чему они относились... Важно совсем иное... Я понял, почему люди не любили с тобой общаться... Почему старались как можно реже с тобой спорить... И часто с первой же минуты предпочитали соглашаться... Даже тогда, когда ты был не прав... Поверь мне, дело не только в твоём характере было...

– И почему же?..

– Потому что они не умели говорить так складно, так непринужденно, так убедительно, как это делал ты... Да-да, не улыбайся... Кто-то тебе завидовал... Кто-то тебя стеснялся... А некоторые даже избегали, побаивались... Не столько тебя лично, сколько твоих непредсказуемых слов... В умении излагать любую мысль ты был мастером от рождения... Между прочим, те, кто тебя хорошо знает, сейчас наверняка согласились бы со мной... Из ВНУКА ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ просто должен был выйти лучший в Тбилиси тамада!.. А может быть, даже во всей Грузии... Вот только если бы этого он сам захотел...

– Не надо, мой дорогой Леван... Не преувеличивай... Не делай из меня ни героя, ни всенародного тамаду... В Грузии достаточно и тех, и других...

– Я ничего не преувеличиваю...

– А в той истории с пилотом я и правда думал, что это вино было... Самое настоящее вино... Какое обычно мой отец пил... Честное слово...

– В том-то все и дело...

– Боли сначала я не чувствовал... Вот не чувствовал и все... Будто рука не моя была... Не знаю почему... Боль появилась уже потом, позже... Когда ты начал меня убеждать, что кровь и вино лишь цветом похожи... Я помню, как дважды ты повторил: «Попробуй, попробуй на вкус, они же совсем разные...» Ну я и попробовал... Потому что я тебе не верил...

Или уж, во всяком случае, не хотел верить... Но, к сожалению, ты оказался прав... Обида, боль – все во мне сразу и перемешалось... Такого самообмана простить я себе не мог... После чего слезы и потекли рекой...

– Нет, плакать ты начал после того, как я взялся тебя перевязывать... Потому что от моих неумелых движений тебе стало больнее еще больнее...

– Помню, для этого ты даже рубашку свою разорвал... Новую рубашку...

– Не до рубашки было... Тебя, бедного, всего трясло... А заодно и меня вместе с тобой... Я помню твое бледное лицо... Помню, ты все время отдергивал руку и умолял поосторожнее... Я же не знал, что придумать и как тебя отвлечь... Чтобы ты перестал плакать... Не получалось... Мало того, моментами твоя боль передавалась и мне... И мне тоже хотелось плакать... Особенно после того, как я посмотрел на свои руки... Они ведь тоже дрожали... Они ведь тоже были в крови... В твоей черной крови...

– Бедная моя мать... Она чуть сознание не потеряла, когда открыла калитку... Сколько крика было... На всю округу... Она, наверное, подумала, что мы с тобой на ножах дрались...

– Вряд ли она в ту секунду думала... Ей не до думанья было... Все соседи тут же набежали...

– И каждый считал своим долгом рассмотреть мою рану повнимательнее... Каждый какие-то советы давал... Каждый хотел почувствовать себя народным доктором... И «правильным» дровосеком заодно...

– Слава БОГУ, твоя мать никого не слушала и сама сообразила, что нужно делать...

– После этой истории прохожие на улице еще долго донимали меня расспросами, как моя рука... Изю дня в день, а бывало, и по нескольку раз на день... Даже спустя многие месяцы, когда я уже о ней почти забыл... Хотя шрам, кстати, так и остался... Вот, взгляни...

– Есть прекрасная идея... Давай-ка выпьем за наши шрамы... По ним можно все наше детство вспомнить... Да, когда-то было больно... Иногда – очень, нестерпимо больно...

Сколько горьких слез было пролито... Сколько родительских угроз было выслушано... Но зато сейчас нам есть о чем вспомнить... С улыбкой на лице... Мы – счастливые люди...

– Конечно, счастливые... Если даже о боли говорим легко, смеясь...

– А главное, есть еще один славный повод поднять наши бокалы... Наливай...

– Гаумарджос!..

– Гаумарджос!..

– Молодец, Леван... Хороший тост придумал... Аж настроение сразу поднялось... Когда мы пьем за наше прошлое, сердце всегда радуется...

– Значит, тепло в наших душах осталось... Значит, нам еще интересно на этом свете...

– Выходит, друг другу мы еще не надоели...

– Да и умирать нам еще рано... Это же здорово!..

– Нет, это не просто здорово!.. Это говорит о том, что БОГ нас любит!..

– Согласен... Гагвимарджос!..

– Гагвимарджос!..

– Да, долгую мы с тобой жизнь прожили... Но на этом не остановимся... Нам еще одна такая же понадобится – для воспоминаний... Причем вспоминать мы будем до бесконечности... Торопиться некуда... У нас еще многое впереди... Гагвимарджос, Ираклий!..

– Гагвимарджос, Леван!..

– А помнишь, как мы с тобой в горах заблудились?.. Нас два дня потом искали?..

– Конечно, помню...

– И помнишь, как от медведя убежали?..

– И это помню... А ты помнишь, как мы в первый раз из ружья стреляли?..

– Когда за зайцем гонялись?..

– ГОСПОДИ, неужели мы все помним?.. Как в голове все помещается?..

– Просто нам с тобой суждено вместе помнить... И вместе суждено забывать... Потому вот и кажется сейчас, что память

наша безупречна...

– А помнишь...

– Заранее отвечаю, что помню...

– Подожди...

– Все-все-все... Хватит на сегодня... Оставим в покое прошлое... Давай лучше пофантазируем о будущем... Мы так редко это делаем... А ведь будущее тоже требует к себе уважения... Прошлое ведь тоже когда-то было будущим... Разве не так?..

– Ладно... Наливай...

– Кстати, сейчас на очереди твой тост... Придумай ради своего друга что-нибудь эдакое...

ПЕСНЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

*Свой последний бокал вина
Грузин должен выпить до дна!*

Да, его долгая жизнь не была безгрешной. И все же прожил он ее с благословения БОГА...
(Из услышанного за грузинским столом)

В то утро Ираклий проснулся не по собственной воле. Его разбудил несильный, но довольно настойчивый стук в окно. Вскочил он с постели мгновенно: появление в его владениях постороннего заставило насторожиться. Леван к Ираклию всегда входил без стука. А вот соседи редко открывали его калитку без разрешения. Обычно сначала громко кричали с улицы либо звонили в колокол. Мало ли какое у хозяина настроение? И только получив ответ, решались ступить на его территорию. «Наверное, у кого-то сегодня особый праздник... Хотя, может, и несчастье какое случилось...», – подумал Ираклий, открывая дверь. Однако, завидев перед собой не взрослого человека, а запыхавшего ребенка, он даже растерялся. «Ты чей?.. Кто это тебя прислал?.. Быстро зайди в дом, холодно...» «Нет-нет, батоно Ираклий, надо быстро

идти...» «Идти?.. Сейчас?.. Куда идти?..» «Батоно Ираклий, у нас случи...» «Погоди, потом все расскажешь, сначала зайди... Иначе я тоже замерзну вместе с тобой...» «Нет-нет, мне нельзя, батоно Ираклий... Мне велено было только позвать вас... Дедушка Леван умер...» «Как умер?.. Какой еще Леван?..» «Мой дедушка...» «А ты сам кто будешь?..» От волнения ребенок никак не мог толком объяснить, кто он такой. Ираклий же никак не мог сообразить, о каком именно Леване идет речь. Тем не менее времени на раздумье не было. Так рано за ним никогда не приходили. Значит, к ВНУКУ ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ не зря обращались за помощью. Значит, кто-то действительно попал в беду и на него всерьез рассчитывали. Поэтому нужно было порасторопнее надевать ботинки и бежать туда, где его ждали. Да, Ираклий знал в лицо двух-трех ровесников леванов, но вот чей конкретно внук сейчас на пороге его дома, оставалось загадкой. Впрочем, не суть важно. Он все равно никому в помощи не откажет. «Не сомневаюсь, что твой родной дедушка был достойным и уважаемым человеком, настоящим грузином... И все же, не сердись на меня, что-то не припомню я его сразу...» «Да как не припомните, батоно Ираклий?! Это ведь ваш друг!.. Это ведь ваш Леван!..» Слово «ваш» вонзилось в сердце, будто острый нож. От внезапного удара у Ираклия перехватило дыхание и задрожали губы. Если бы он не прислонился к стене, то наверняка б не удержался на ногах. ГОСПОДИ, что он слышал! Нет! Неужели речь шла о ЕГО ЛЕВАНЕ? Неужели этот с ангельской внешностью ребенок принес ему столь страшную весть? Самую страшную и жестокую, какую только способен Ираклий вообразить. «Не может быть... Это чья-то злая шутка... Меня разыгрывают...» Старик, заикаясь, выдавил из себя несколько вопросов и, к своему ужасу, получил на них утвердительный ответ. ЛЕВАН УМЕР. Кровь жаром ударила в голову. Сознание напрялось до предела. Возникали все новые и новые вопросы, но язык совсем не слушался. В доме воцарилась зловещая тишина. Неотвратимость катастрофы с каждой секундой становилась очевиднее. Ираклий пристально смотрел на ребенка, словно пытался отыскать в детском

неумолимом взгляде хоть малейшую надежду на ошибку. «Нет-нет... Это абсурд... Это просто недоразумение...» Мозг отказывался верить в такую смерть. Мозг требовал опровержения. Без промедления, сию же минуту. Боясь упустить шанс, Иракий судорожно хватался за каждую соломинку. Иракий сражался. Он на самом деле считал, что все еще можно переиграть заново. Стоит ему лишь придумать более-менее вразумительное опровержение. Многочисленные версии не заставили себя долго ждать. Они стали рождаться одна за другой. Но, к сожалению, в них было гораздо больше желаемого, нежели разумного, приближенного к реальности. А по убедительности они значительно уступали тем чудовищным скучным словам, которые услышал он от ребенка. Старик был в панике и ничего не мог поделать. ЛЕВАН УМЕР. «О БОЖЕ, что это?.. Сон или явь?..» Иракий чувствовал, что теряет контроль над собой. Мозг жаждал крови. Еще никогда в жизни он не испытывал столь безудержную агрессию. Ему вдруг захотелось все вокруг разрушить. Захотелось собственновластно поднять человечество по тревоге. Он должен был во что бы то ни стало доказать всему миру, что без ЕГО ЛЕВАНА тот попросту ничего не стоит. Что без ЕГО ЛЕВАНА тот обречен на крах, вечное безмолвие и пустоту. Ради этого ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ готов был принести в жертву любого. Совершить любое безрассудство или даже преступление. Однако... одного его отчаяния было ничтожно мало. Разве мог несчастный старик в одиночку воспротивиться целому свету? Разве мог он отомстить ПРИРОДЕ за ее всемогущество? Или же наказать ее за вседозволенность и надменность? Да, в собственных безграничных фантазиях Иракий смог бы, наверное, все. Но сейчас ни самые безумные мысли, ни внутренний взрыв эмоций не способны были заставить его даже пошелохнуться. Вот так, мертвенно, он и застыл – на полуслове, полужесте, полумысли. Прислонившись к стене, с ботинками в разведенных, как на кресте, руках, навеки застигнутый врасплох. «ГОСПОДИ, лучше б я не дожид до этой минуты...»

Иракию изменял не только рассудок. Иракию изменяли

*силы. Иракий переставал быть самим собой. Пульс же его не переставал твердить: ЛЕВАН УМЕР. Короче и безжалостнее невозможно было придумать. Сочетание этих двух чуждых друг другу слов казалось злым, чудовищным и противоестественным. В нем было что-то от высшей меры наказания, вынесенной невиновному. Хотя напоминало оно даже не приговор, а, скорее, глухое формальное извещение о приведении его в исполнение. НАДЕЖДА УМИРАЛА. СУД ВЫСШЕЙ ИНСТАНЦИИ, КАК ВСЕГДА, РАСПОРЯДИЛСЯ ПО-СВОЕМУ. СУД ВЫСШЕЙ ИНСТАНЦИИ ВСТАЛ НА СТОРОНУ СМЕРТИ. Безусловно, у суда имелось на то право. Но, несмотря на всю законность, в нем изначально была заложена низменная предвзятость по отношению к человеку. И, в первую очередь, потому, что это подлое право позволяло отнимать жизнь внезапно, без серьезных поводов и причин. А значит, делало его самых близких несчастными вдвойне. Даже если не без кощунственного хладнокровия предположить, что Леван чувствовал себя сейчас замечательно, воспринимая мир иной как заслугу или награду, для Иракия смерть друга была однозначно трагедией. Он не знал, как совместить эти крайности. Не знал, как преодолеть эту адскую бездну. Расстояние между их домами – это максимум, что их когда-либо разделяло. И вдруг... они оказались на разных полюсах вечности. Неужели они больше никогда не обнимут друг друга? Неужели они больше никогда не выпьют вместе вина? А для кого будет теперь звучать контрабас? «ГОСПОДИ!.. ТЫ создал нашу плоть... ТЫ облагодетельствовал наши души... Но смерть... Это ведь тоже ТВОЕ ТВОРЕНИЕ!..» ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ впервые открыто усомнился в ВЫСШЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ. Иракий впервые в жизни предвещал претензии БОГУ. Такие крамольные мысли до сего дня его не посещали. Искать же утешение в красивых мечтах о небесном гостеприимстве у него не получалось. Трагедия не располагала ни к заоблачным радужным заблуждениям, ни к сказочным призрачным благодатям. Трагедия как жанр изначально верна своему сценарию и своей композиции. *Прежде чем попасть на небо, надо уйти в землю. Хуже того, сейчас надо закопать в нее**

единственного друга. И тем самым констатировать факт: ЛЕВАН УМЕР. Для убитого скорбью Ираклия это звучало насколько святотатственно, настолько и нелепо. Всего пару дней назад они были главными героями на грандиозном празднике. В полном здравии. В отличном настроении. Весь взбудораженный Тбилиси восхищался их молодецким темпераментом и выносливостью. К тому же они сами в последние дни чаще и охотнее говорили о будущем, чем о душе и райских буднях. У них появился общий внук. В их головах возникали необычные, новые идеи. И вот, без предупреждения, без малейшего намека все превратилось в прах. Выяснилось, что по существу человек совершенно беззащитен. Что в любое мгновение может стать на этом свете лишним. До сих пор Ираклий считал, что люди его возраста и с его опытом должны воспринимать смерть уже без истерик, препирательств и потрясений, спокойно. Однако он глубоко заблуждался. Обыденной и банальной она выглядела исключительно со стороны, на чужих панихидах, под звуки увлеченного собой контрабаса. Тем же людям, под чью крышу она вторгалась, она всегда являла свой истинный характер. Эгоистичный, категоричный, злобный. *Сегодня Ираклий в этом убедился. Сегодня Ираклий почувствовал разницу на себе.* «ГОСПОДИ, чем мой Леван провинился перед ТОБОЙ?.. А может быть, пред ТОБОЙ провинился я?..» Ираклий был сто раз уверен, что Леван его переживет. Иных вариантов даже не рассматривал. И только исходя из подобной уверенности поддерживал все совместные начинания и планы. Планы, которыми СУД ВЫСШЕЙ ИНСТАНЦИИ, увы, с легкостью пренебрег. Падать же на колени, уговаривать судьбу, давать напыщенные клятвы, невыполнимые обещания было поздно. Впрочем, поздно было уже все. Во всяком случае, для Ираклия. ЖИЗНЬ ТЕРЯЛА АКТУАЛЬНОСТЬ И СМЫСЛ. В СВОИ ПРАВА ВСТУПАЛО НЕБЫТИЕ. И хотя ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ готовился к этим ледяным объятиям все последние годы, никак не мог он предположить, что попадет в них, будучи еще живым. Если бы можно было поменяться с Леваном местами! Если бы он успел Левана опередить! Однако

подобные вымыслы не приносили старику даже мнимого утешения. Рождались они произвольно, от беспомощности и пустоты. Сказать Ираклию было больше нечего. Потому что предстояло сдаться без боя. СУД ВЫСШЕЙ ИНСТАНЦИИ СВОЮ ВОЛЮ УЖЕ ВЫРАЗИЛ. В ПОВЕЛИТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ И ОКОНЧАТЕЛЬНО. Никакой другой воли на данный момент в мире не существовало, да и существовать не могло. Мир оказался чересчур труслив, чтобы посметь возразить смерти. Он оказался ничтожен и полностью от нее зависим. Ждать спасения или хотя бы сострадания было неоткуда. Это бессердечно подтверждал невозмутимый взгляд СВЯТОГО ГЕОРГИЯ с иконы. ЕГО СВЯТОЕ ХЛАДНОКРОВИЕ естественно вписывалось в атмосферу глубокой подавленности и безысходности. Не случайно горе ретуширует все вокруг себя черным цветом. Траур – тоже своего рода гармония. ЛЕВАН УМЕР. *От ВНУКА ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ требовалось признать смерть единственного друга. Но вместо положенной скорби все происходящее вызывало у него лишь чувство ненависти к жизни.* «Наверное, ГОСПОДЬ и вправду перепутал нас с Леваном... А вдруг ЕМУ тоже свойственно ошибаться?..» Ираклию почему-то казалось, что именно в этой роковой ошибке крылась главная причина свершившегося несчастья. А значит, только этим его можно было, пускай и формально, объяснить или оправдать. У Ираклия где-то глубоко в душе теплилась субтильная надежда, что недоразумение все-таки будет частично улажено. БОГ должен во что бы то ни стало позаботиться о том, чтобы друзья скоро встретились вновь. То, что такое произойти может исключительно в мире ином, Ираклия несколько не смущало. *К ЭТОМУ миру он больше не испытывал никакого интереса. С ЭТИМ миром его больше ничто не связывало. Все, что он мог от него получить, он уже получил. Все, что он мог потерять, он уже потерял.* Сквозь вихрь мыслей Ираклий услышал голос, который жалобно к нему зывал. *Старик постепенно возвращался к реальности.* Хотя получалось у него это с трудом. Наконец он вспомнил о стоявшем в дверях ребенке. Буквально в ту же секунду признав

в нем одного из тех, кто нес с крестин его контрабас. «Конечно, это внук Левана... ГОСПОДИ, они ведь даже похожи!.. И почему я не догадался сразу?..» Все последние сомнения исчезли. На сердце стало еще тяжелее и горше. Надо было срочно одеваться и бежать. Надо было как можно скорее увидеть Левана собственными глазами. Может, тогда ему удастся хоть что-то понять? ВНУКА ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ ждали все. Наверняка ждал его и ЛЕВАН. ЛЕВАН УМЕР.

ПЕСНЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

*Птицы почти не пели.
Люди уже не кричали.
Горы тоже молчали...*

Даже самая несчастная
человеческая жизнь заслуживает,
чтобы ее называли не иначе как
счастьем.

(Из признаний одинокого
пожилого грузина)

С приближением взерошенного от спешки Ираклия к дому Левана многоголосое душераздирающее рыдание звучало все внушительнее и резче. Двор был переполнен народом. Каждый в собственных грузинских страданиях старался соответствовать духу вековых обычаев. То есть не жалел ни сил, ни завывающе-певческих способностей, ни импровизаций по мотивам возвышенной поэтической скорби. Но стоило ВНУКУ ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ появиться в открытых настежь железных воротах, как возбужденный хор моментально смолк. Затаив дыхание, толпа покорно расступилась. Не обращая внимания на родственников Левана, Ираклий молча прошел в дом. В ту же минуту, не сговариваясь, из дома вышли все, кто в нем находился. При этом последний даже плотно закрыл за собой дверь. ИХ ОСТАВИЛИ НАЕДИНЕ. ИМ НЕ СМЕЛИ МЕШАТЬ. ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ЖИЗНИ ЗАВЕДОМО ЗАСЛУЖИВАЛИ И ОСОБОГО ПРОЩАНИЯ. Подойдя к

главной комнате, Ираклий остановился. Будто уперся в невидимую стену. Так останавливаются на краю пропасти. В последний миг. На последнем дыхании. Всего несколько дней назад в этих стенах неистово чувствовали новую человеческую жизнь. Всего несколько дней назад в этих стенах царил неугомонное пьяное веселье. И вот сейчас... ПОСРЕДИ КОМНАТЫ, НА СТОЛЕ, ЛЕЖАЛ ЛЕВАН. В полумраке. При свечах. Словно в горестном сказочном подземелье. Его уже успели нарядить в черный праздничный костюм и черные праздничные ботинки. Сраженный странной расторопностью родственников, Ираклий окончательно потерял чувство реальности. Все, что он сейчас видел и испытывал, напоминало ему болезненный, кошмарный сон. Вот только как пропнуться, избавиться от него Ираклий не знал. Его мысли беспрерывно путались и иногда противоречили его же эмоциям. А безвольное старческое тело, застыв на пороге *главной комнаты*, не знало, кому из них подчиниться. Ираклий еще долго простоял, не решаясь подойти к своему Левану. Он боялся увидеть его закрытые глаза. Он боялся ощутить холод остывших рук. *Но больше всего Ираклию было стыдно предстать перед умершим другом живым.* Отныне его собственная жизнь становилась для него воплощением предательства. Ну а предательства он простить себе не мог. Понятно, объективно его вины в случившемся не было, но совесть все равно Ираклия мучила. Мучила уже хотя бы потому, что его сердце все еще билось. И билось, будто назло, с невероятной мощью. Оглушительным эхом отдаваясь во всех углах опустевшего дома. НЕТ, ИРАКЛИЙ ПРИШЕЛ К ЛЕВАНУ НЕ ПРОЩАТЬСЯ. ИРАКЛИЙ ПРИШЕЛ ПРОСИТЬ У НЕГО ПРОЩЕНИЯ. И ОБЕЩАТЬ, ЧТО ИХ РАЗЛУКА НЕ БУДЕТ ДОЛГОЙ. Ведь отведенное ему земное время сегодня тоже вышло. Все, что с ним сейчас происходило, происходило как бы в совершенно новом, неведомом до сих пор измерении. Потому уже не имело смысла причислять себя к живым. Теперь Ираклий был независим в своих действиях и мог лично распорядиться крохотным остатком жизни. *Ему предстояло выправить непростительную ошибку ГОСПОДА.* И пусть

подобная самоуверенность граничила с дерзостью, но именно она придала вдруг ВНУКУ ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ столь не достававшей решительности. Пересилив свои страхи, он подошел к Левану. Хотя пересилить неверие во все происходящее он так и не смог. ЛЕВАН ЛЕЖАЛ ПРЯМО НА СТОЛЕ. ГРОБ, ВИДИМО, ЕЩЕ НЕ СКОЛОТИЛИ. ЛЕВАН СПАЛ. ГОЛОВА ПОКОИЛАСЬ НА БОЛЬШОЙ БЕЛОЙ ПОДУШКЕ. Его лицо совсем не изменилось. Те же чуть вздернутые брови. Тот же чистый, никогда не хмурившийся лоб. Не исчезла с его уст и постоянная, едва уловимая ухмылка. Вполне даже возможно, смерть не была Левану в тягость. И вообще, знал ли он о том, что он умер? Или об этом знали только живые? А может быть, ничего катастрофического и не случилось? Просто душа отправилась в свободный полет. Туда, где ее уже ничто и никогда не будет беспокоить. «Вот там скоро мы и встретимся...» Сумбурно-абстрактные идеи одолевали Ираклия. И только взяв руку Левана и поднес ее к щеке, он впервые за сегодняшний день заплакал. Как не плакал давно, горячими детскими слезами. Поначалу Ираклий вытирал их рукой Левана. В надежде, что сможет ее хоть немного отогреть. Однако из этого ничего не получалось. И уже через несколько минут слез он совсем не замечал. *Отражая мерцающие огни покосившихся свечей, они лишь придавали неодошвенленному интерьеру неестественную, нечеловеческую одушевленность. И не более...* НЕ ЗРЯ ИРАКЛИЙ ВСЕГДА ОБВИНЯЛ ДРУГА В ХИТРОСТИ. В КОНЦЕ КОНЦОВ ТОМУ ДАЖЕ СМЕРТЬ УДАЛОСЬ К СЕБЕ РАСПОЛОЖИТЬ. ЛЕВАН УМЕР НА ВОЛНЕ ЖЕЛАННОГО СЕМЕЙНОГО ПРАЗДНИКА. ИРАКЛИЮ ЖЕ ПРЕДСТОЯЛО УЙТИ ИЗ ЖИЗНИ НЕСЧАСТНЫМ И БРОШЕННЫМ. Еще с детства между ними нередко возникали жаркие споры о смерти. Почему грузины так много о ней говорят? Почему ее все боятся? И должны ли они ее бояться? При этом мнение Левана почти всегда существенно отличалось от мнения Ираклия. Однажды, после пышных похорон кого-то из соседей, он произнес целую речь: «И чего в ней такого страшного?.. Ты себе преспокойно лежишь... Вокруг все шепчутся, вздыхают,

жалеют... Музыка... Цветы... Слезы... А сколько потом вина в твою честь выпьют!.. Какие тосты произнесут!.. Ну чем тебе не праздник?.. Как на свадьбе... Да хоть каждый день умирай...» И вот Ираклий стоял рядом с умершим другом. Все было похоже на то, что говорил тогда Леван. Вот только последняя фраза никак не вписывалась в общую картину. Из-за ее чрезмерного оптимизма. Из-за ее откровенно идиотской наивности и абсолютной несовместимости с жизнью. ЭТО БЫЛО ПЕРВОЕ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ, КОТОРЫЕ НАХЛЫНУЛИ НА ИРАКЛИЯ. СМЕРТЬ КАК ГЛАВНАЯ ДЕЙСТВУЮЩАЯ ПЕРСОНА ПОСТЕПЕННО ОТСТУПАЛА НА ВТОРОЙ ПЛАН. *Память отказывалась признавать ЕЕ ПРЕВОСХОДСТВО. ЕЕ КОМПЕТЕНЦИЯ на память не распространялась.* Ираклий снова видел Левана живым. И, прежде всего, всплывали истории из давних времен юности. Несмотря на трудности возраста, это были, пожалуй, самые счастливые годы. Ведь тогда они не только вместе зарабатывали на хлеб, но и жили под общей крышей. В один из знойных летних полудней они решили пойти на речку. Подальше – за город, на природу. Чтобы народу вокруг поменьше было. Чтобы поплавать в удовольствие. А Мтквари – река жестокая, непредсказуемая, с характером. Только с виду спокойная. Сколько молодых жизней унесла она в небитие своим течением и коварными водоворотами. Но, к сожалению, очень редко кто о таких вещах помнил, спасаясь от жары. Ираклий и Леван не были исключением. Купались они в тот день как ни в чем не бывало: плавали, доставали со дна камни, бросали их на противоположный берег. И вдруг в какое-то мгновение Ираклий потерял Левана из виду. Сначала он не придал этому особого значения, приняв за очередную шутку. Но время летело быстро, а Леван из воды все не выныривал. Ираклия охватил ужас. Он носился по берегу взад-вперед как сумасшедший. Тем не менее все его крики и мольбы, все призывы перестать дурачиться и даже угрозы оставались без ответа. Развязка наступила лишь вечером. Когда Ираклий отправился домой, надеясь найти Левана там. Но и дома его не было. Леван появился затемно – обессиленный, перепуганный,

в ссадинах. Однако возбужденный Ираклий всего этого сразу и не заметил, набросившись на друга с кулаками. А ведь Леван тогда чуть не утонул. Унесенного подводным течением, его спасло лишь упавшее с берега сломанное дерево. За которое он чудом зацепился уже далеко, за крутым обрывистым поворотом. Ираклий так никогда и не простил себе той неоправданной жестокости. Сейчас он не мог ее простить себе вдвойне. Рыдая на груди у покойного друга. В последний раз сжимая его в своих объятиях. *Если душа Левана наблюдала за этой сценой, то наверняка тоже рыдала вместе с Ираклием.* ЛЮБОЙ ГРУЗИН ЗНАЕТ ЗАРАНЕЕ, КАК БУДУТ ВЫГЛЯДЕТЬ ЕГО ПАНИХИДА И ЕГО ПОХОРОНЫ. ХОТЯ ОБ ИСКРЕННОСТИ ТЕХ, КТО СОБЕРЕТСЯ У ГРОБА, ОН МОЖЕТ ТОЛЬКО ДОГАДЫВАТЬСЯ. В Ираклии Леван не ошибся. Поток воспоминаний не прерывался ни на миг. И каждое последнее из них казалась Ираклию еще более драматичным и значительным, чем предыдущие. Даже все те истории, которые раньше сопровождалась улыбкой, сейчас вызывали лишь слезы. Ираклий слышал живой голос Левана. Его вдумчивые речи, его шутки, его обиды и оправдания. Воспоминания иногда менялись с такой невероятной быстротой, что создавалось абсурдное впечатление, будто голоса друг друга перебивают. Это был своего рода калейдоскоп, в котором любой возраст превращался в ненужную условность. Детство и юность вклинивались в старость, и наоборот. ВСЕ ВРЕМЕНА ПЕРЕМЕШАЛИСЬ В ГОЛОВЕ ИРАКЛИЯ. ВСЕ, КРОМЕ ОДНОГО – НАСТОЯЩЕГО. *НАСТОЯЩЕМУ же места не находилось. Оно оставалось чуждым, беспризорным и невостребованным. Служа зловещим обреченным фоном счастливому прошлому.* ИРАКЛИЙ ВСЕГДА СЧИТАЛ, ЧТО ЛЮБОВЬ К БОГУ ВЫШЕ, ЧЕМ САМАЯ ПЫЛКАЯ ЛЮБОВЬ К ЧЕЛОВЕКУ. НО СЕГОДНЯ, СОМНЕВАЯСЬ БУКВАЛЬНО В КАЖДОЙ ТРЕПЕТНОЙ МЕЛОЧИ, ОН ЗАСОМНЕВАЛСЯ И В ЭТОМ. ПЕТ, НЕ ПОТОМУ, ЧТО ОН РАЗОЧАРОВАЛСЯ В БОГЕ. А ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО ЛЕВАНА ОН ЛЮБИЛ НИЧУТЬ НЕ МЕНЬШЕ. К ТАКОМУ ВЫВОДУ ОН ПРИШЕЛ НЕ ЗА ОДИН

ДЕНЬ. НО РАНЬШЕ ИРАКЛИЙ КАК-ТО НЕ ОСМЕЛИВАЛСЯ В ЭТОМ ПРИЗНАВАТЬСЯ. ДАЖЕ САМОМУ СЕБЕ, ТАЙНО, В ГЛУБИНАХ ДУШИ. СЕЙЧАС ЖЕ ОН И НЕ ПЫТАЛСЯ СДЕРЖИВАТЬ СВОИ ЭМОЦИИ. ПОТОМУ ЧТО СЕЙЧАС, КРОМЕ ЭМОЦИЙ, НЕ ОСТАВАЛОСЬ У НЕГО НИЧЕГО. ИРАКЛИЙ НЕ ЗНАЛ, ПРОСТИТ ЛИ ЕГО БОГ ЗА ПОДОБНУЮ ВОЛЬНОСТЬ? ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ, БОГУ, КАК И ЛЮДЯМ, ТОЖЕ СВОЙСТВЕННО ЧУВСТВО РЕВНОСТИ? *Но разве познал бы ЧЕЛОВЕК истинную любовь к ВСЕВЫШНЕМУ, если бы не испытал он любви к ближнему?* ИРАКЛИЙ НЕ ИСКАЛ ОТВЕТОВ НА ЭТИ БЕЗОТВЕТНЫЕ ВОПРОСЫ. ПОВЛИЯТЬ НА ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ОНИ УЖЕ НЕ МОГЛИ. ВПРОЧЕМ, НА ЕГО СУДЬБУ УЖЕ НИЧТО НЕ МОГЛО ПОВЛИЯТЬ. ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ ПРИНЯЛ ДЛЯ СЕБЯ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ. Со двора неожиданно донесся шум. По отдельным крикам можно было догадаться, что привезли гроб. У кого-то не выдержали нервы, и хор вновь начал набирать обороты. Ираклий мгновенно очнулся. Он испугался, что в любую минуту в дом могут войти. А оказаться рядом с Леваном вместе с его родственниками ему совсем не хотелось. Он не знал, о чем с ними говорить. Он не собирался делить с кем-то еще принадлежавшее только ему ГОРЕ. Ираклий сразу же вспомнил о полном дворе скорбящего народу, с нетерпением ожидавшего своей очереди порыдать у тела покойного. Нужно было уходить. Нужно было проявить мужество. Все – до последней капли. Которое уже больше никогда ВНУКУ ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ не понадобится. НАСТУПАЛ МОМЕНТ СКАЗАТЬ И СЕБЕ, И ЛЕВАНУ: «ПОРА...» ИРАКЛИЙ ДОЛЖЕН БЫЛ СЕЙЧАС УСТУПИТЬ МЕСТО. И ОН ПОКОРНО ЕГО УСТУПАЛ. Открыв дверь, он так и не понял, была на дворе ночь или темно было у него в глазах. Домой он добирался словно неизвестной ему дорогой, как слепой, на ощупь. Задыхаясь в порывах промозглого осеннего ветра. Спотыкаясь под звуки – «о, будь они прокляты!..» – удалявшегося хора-плача.

ПЕСНЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ, ПОСЛЕДНЯЯ

*Долгие лета.
(Повторяется восемнадцать раз)*

Эгоизм музыки, помноженный на
эгоизм личности, и есть эгоизм
вечности...

(Из убеждений Габриша)

ИРАКЛИЙ ПИЛ ВИНО. Впервые в жизни он пил с горя и впервые за двоих. На столе перед ним стояли два бокала. Один он наливал для Левана, а второй – для себя. И в этой же очередности их залпом выпивал. Без вздохов, причитаний и даже без мысленных тостов. Что еще он мог добавить к собственному горю? Увы, ничего. Старик чувствовал себя удрученным и вконец опустошенным. ТАК ВЫГЛЯДЕЛО ПОМИНАЛЬНОЕ ЗАСТОЛЬЕ. ТАК ВЫГЛЯДЕЛО ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСТОЛЬЕ ВНУКА ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ. Сегодня хоронили Левана. Однако в длинной веренице людей, вяло тянувшейся за гробом, Ираклия не было. Кто только не приходил к нему и не уговаривал отправиться вместе со всеми на кладбище – бесполезно. В коротких ответах Ираклия звучало лишь неприкрытое раздражение. Народ недоумевал. Народ не скупился на разные предположения, домыслы и слухи. Ради Ираклия родственники даже решились задержать похороны на несколько часов. Но... все впустую. Без объяснения причин он наотрез отказался участвовать в церемонии. И никакие суровые упреки, никакие угрозы-обвинения в предательстве друга его не смущали. Ну не хотел он хоронить Левана вместе со всеми – и все тут. У него на сей счет имелись свои суждения и свои планы. А что может «нафантазировать» народ о столь необычном поступке, его совершенно не интересовало. На это у него уже не хватало ни любопытства, ни времени. *В запасе у Ираклия была лишь одна-единственная ночь. И сейчас его волновали материи куда более высокие и серьезные. ИЗ КАТЕГОРИИ АБСОЛЮТНОГО, ФИЛОСОФСКОГО, ВЕЧНОГО.* ИРАКЛИЙ

НАЛИВАЛ ВИНО. ИРАКЛИЙ ПИЛ. Он ждал, пока стемнеет. Чтобы потом втайне от людей пойти на кладбище. Когда-то он гордо обещал Левану: если тот вдруг умрет раньше, похоронить себя сам. И вот судьба распорядилась так, что это, на первый взгляд, сумасбродное обещание превращалось в трагично унылую неизбежность. Ни отменить его, ни отложить было невозможно. Потому что свободное место рядом с могилой Левана уже завтра мог не по праву занять кто-то чужой. Ираклий не хотел рисковать и принял решение действовать наверняка. Ведь он претендовал именно на этот конкретный кусок земли. И ни на какой другой. *Просто земля, как и просто смерть, его не устраивала. Это была его последняя личная воля. И одновременно последний каприз.* Контрабас, лопата и кувшин с вином, то есть все то, что Ираклий брал с собой, стояли у двери еще с утра. Оставалось лишь вывести несколько роковых цифр в тетради-календаре и заглянуть напоследок в глаза СВЯТОМУ ГЕОРГИЮ. После чего можно было с чистой совестью отправляться в путь. В путь недолгий, но на сей раз уже безвозвратный. ЗА ОКНАМИ ОКОНЧАТЕЛЬНО СТЕМНЕЛО. ПРИРОДА ПРИГЛАШАЛА К ВЫХОДУ. Выпив посюток на дорогу, Ираклий сразу задул свечу. Поведение старика выглядело на удивление спокойным. Он не стал устраивать слезного прощания с домом, чтоб не растрчивать зря эмоции и не отвлекаться от главных мыслей. Он даже не вздрогнул, когда захлопнул за собой калитку. Хотя колокольный звон и показался ему вдруг навязчиво пронзительным. Он даже не обернулся перед тем, как навсегда скрыться за поворотом. Несмотря на тяжесть ноши и крутой подъем в гору в его походке чувствовались уверенность и целеустремленность. Он сам удивлялся своему спокойствию, не понимая, откуда у него берутся все новые и новые силы. И дышалось ему сейчас – впервые за последние дни – свободно и легко. *Нет-нет, Ираклий не считал свой предстоящий уход из жизни самоубийством. В душе он надеялся, что до этого дело не дойдет. Ему казалось, что в нужный момент БОГ просто смилостивится над ним. И жизнь сама покинет его – естественно и легко.* Чем выше тянулась дорога, тем шире

расстилось перед взором полуночного странника море тусклых огней города. При этом – ни единого звука. Ни малейшей вспышки грузинского праздника. Ираклий тут же себе представил, что город грустит не случайно. «Город грустит, потому что меня провожает...» И эта мысль, как ни странно, немного приподняла настроение ВНУКУ ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ. *Ведь с городом его всегда связывало нечто большее, нежели обыкновенные родственные узы. В чем-то они были даже чуть похожи характерами, нередко зная о самых сокровенных тайнах друг друга.* ТБИЛИСИ ПЕЧАЛЬНО СМОТРЕЛ ВСЛЕД СВОЕМУ ГЕРОЮ. ТБИЛИСИ БЛАГОДАРИЛ ЕГО ЗА СОУЧАСТИЕ В ИСТОРИИ. И, ОБЕЩАЯ ХРАНИТЬ ТОЛЬКО ДОБРУЮ ПАМЯТЬ, ЖЕЛАЛ СЧАСТЛИВОГО СВИДАНИЯ С ДРУГОМ. Этот неожиданный всплеск воображения подбодрил Ираклия. Наконец-то он нашел себе единомышленника, который не возражал против его выбора. Старик почувствовал, что он не одинок. О более солидной, о более убедительной поддержке он не мог и мечтать. Поглощенный фантазиями, Ираклий незаметно для себя остановился. Ему захотелось в последний раз взглянуть на любимый город. Ему захотелось обнять весь Тбилиси и громко произнести в его честь НАСТОЯЩИЙ ГРУЗИНСКИЙ ТОСТ. О словах он не задумывался. Они срывались с его уст сами. Самые смелые. Самые добрые. Самые величественные. ИРАКЛИЙ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ПРИЗНАВАЛСЯ В ЛЮБВИ. ИРАКЛИЙ КРИЧАЛ ИЗО ВСЕХ СИЛ. Такого великого тоста произносить ему еще не приходилось. Он гордился тем, что его слышали все горы. Он гордился тем, что его слышало небо. А главное, он надеялся, что его слышат и там, внизу. Ведь всем, кто оставался там, он тоже был многим обязан. И сейчас все они заслуживали НАСТОЯЩИЙ ПРОЩАЛЬНЫЙ ТОСТ. ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ ЖАДНО ПИЛ ВИНО. ПИЛ ПРЯМО ИЗ КУВШИНА. ВО СЛАВУ ЛЮБИМОГО ГОРОДА, КОТОРЫЙ ЕМУ УЖЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖАЛ. *Других остановок по пути не предвиделось. Следующей – была КОНЕЧНАЯ.* Войдя на кладбище, Ираклий шел осторожно, чтоб ненароком не наступить на чье-нибудь надгробие. Под

ногами сухо поскрипывала прихваченная ночными заморозками трава. Но ни эти противные звуки, ни темнота не могли ему помешать. Здесь Ираклию была известна буквально каждая тропинка, каждый крест. И хотя о местонахождении могилы Левана он всего лишь догадывался, рядом с горой понурых цветов он очутился в считанные минуты. *Сердце замерло. Сердце замерло, казалось, уже навсегда.* Однако взбудораженный горем разум не позволял Ираклию расслабиться. Сначала надо вырыть яму, а уж после молить ВСЕВЫШНЕГО о смерти. Отпив несколько жадных глотков вина, он без раздумий принялся за работу. Старик торопился. Ему во что бы то ни стало нужно было успеть до рассвета. Причем могилу предстояло вырыть гораздо шире обычной. *Ведь вместе с ним покидал этот величественный мир и его контрабас. Прижизненное триединство: ИРАКЛИЙ – КОНТРАБАС – ЛЕВАН должно было продолжить существование и на том свете.* Подмерзший каменистый грунт сопротивлялся лишь поначалу. Остро заточенная лопата и твердые руки делали свое дело. Давно Ираклий не работал с таким усердием и даже вдохновением. Он стремился не только поскорее вырыть яму, но и полностью израсходовать всю ту энергию, которая в нем еще оставалась. Он мечтал об усталости и надеялся, что к концу работы она наступит. Старик тихоно подбадривал себя веселыми мотивами старых народных песен. Хотя слов вслух не произносил. Будто он их никогда раньше и не знал. Его больше уже ничто не связывало с прошлой жизнью. Он думал лишь о вечном небесном блаженстве. О невероятных встречах, что там его ожидали. О радости, которую предстояло ему испытать. ВИНО ВСЕГДА НАДЕЛЯЛО ГРУЗИН ДАРОМ ПРЕДВИДЕНИЯ. ВИНО ВСЕГДА УБЕЖДАЛО ИХ В СОБСТВЕННОЙ ПРАВОТЕ. ОСОБЕННО В ПЕРЕЛОМНЫЕ И РЕШАЮЩИЕ МОМЕНТЫ. ВНУК ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ В ЭТОМ СМЫСЛЕ НЕ ОТЛИЧАЛСЯ ОТ СВОИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ. БЛАГОДАря ВИНУ ЕГО ВООБРАЖЕНИЕ ВСЕДЕЯТЕЛЬНО РАСКРЕПОСТИЛОСЬ. А ДУША НАЧАЛА ЗАГОДЯ ГОТОВИТЬСЯ К НОВОЙ ОБСТАНОВКЕ И НОВЫМ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ. В НЕДРАХ ОТЧАЯННОГО ПЕССИМИЗМА РОЖДАЛОСЬ ПОИСТИНЕ ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ. СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ НАСТУПАЛО. *Ираклий пил и совершенно не чувствовал, что пьянеет. Ираклий пил и не замечал, как постепенно уходит все глубже в землю.* Очень быстро ему стало невыносимо жарко. И хотя он снял всю теплую одежду, пот продолжал с него литься. Не под силу было морозному горному воздуху остудить его пыл. Скорее Ираклий своим пылом мог согреть все окружающее пространство. В промокнутой рубашке он ощущал себя под горячим проливным дождем. Лето было тем единственным временем года, которое подобно счастью существовало сейчас в его воображении. И лишь оно ассоциировалось у старика с бесконечным небесным блаженством, именуемым на земле *раем*. НАСТРОЕНИЕ ВЗЛЕТАЛО НА НЕВИДАННУЮ ДОСЕЛЕ ВЫСОТУ. НАСТРОЕНИЕ ДОСТИГАЛО АПОГЕЯ. Рвать Ираклию оставалось недолго. Его голова над поверхностью была уже не видна. МНОГОСЕРИЙНАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ВНУКА ТОГО САМОГО ИРАКЛИЯ ПРИБЛИЖАЛАСЬ К КУЛЬМИНАЦИИ И ОДНОВРЕМЕННО К РАЗВЯЗКЕ. Тогда как его судьба торопилась вновь воссоединиться с судьбой Левана. «А если ему будет скучно, пускай сразу перебирается сюда... Вместе все веселее...» МОГИЛА ПОЛУЧАЛАСЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРОСТОРНОЙ. А ее не совсем «правильное» расположение не позволяло впоследствии похоронить рядом кого-то еще – мешали деревья. *Ираклий и в мире ином не прочь был держаться подальше от людей. Он и в мире ином предпочел быть самим собой, неисправимым, прежним.* Закончив работу, Ираклий тут же на одном дыхании допил вино. После чего пустой кувшин и лопата победно полетели вверх. «Пожалуй, они еще кому-нибудь пригодятся...» Старик торопился освободиться от всего лишнего. Теперь можно было устраиваться поудобнее. Теперь уже можно было обнять контрабас и прислониться спиной к стене Левана. Старик еле дышал. Неожиданно почувствовав усталость, которая затмила все его помыслы и

чувства. И все-таки он нашел в себе силы дважды провести смычком по струнам. Звуки действовали умиротворяюще. Звуки словно пар устремились вверх. Вслед за ними и Ираклию захотелось раствориться в пространстве. Захотелось уснуть. Но прежде чем закрыть глаза, он поднял голову: небо светлее не стало. А через несколько мгновений пошел снег. Ни удивления, ни страха у Ираклия это не вызвало. ОН ОЩУЩАЛ НЕЖНОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ. ОН С УЛЫБКОЙ НА УСТАХ ПОГРУЖАЛСЯ В СОН. ИМЕНУЕМЫЙ В ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ ВЕЧНОСТЬЮ.